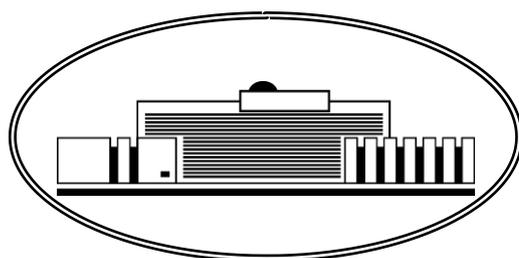

Ученые записки

УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 9

Витебск 2010

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

Ученые записки
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
Том 9

Сборник научных трудов

*Витебск
УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
2010*

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бел-4В)6я54
В54

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 4 от 27.04.2010 г.

Редакционная коллегия:

А.П. Солодков (главный редактор),
И.М. Прищепа (зам. главного редактора),
Л.М. Вардомацкий, С.В. Голубев, И.Л. Лапин, В.И. Мандрик, В.А. Маслова,
А.М. Мезенко, С.А. Моторов, А.А. Нестеренко, В.И. Нестерович, В.Н. Поклонская,
Э.И. Рудковский, А.В. Русецкий, М.А. Слемнев, А.С. Табачков, В.М. Шорец

Секретариат:

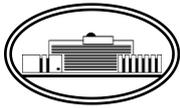
А.И. Матеюн (ответственный секретарь),
В.Л. Пугач, Т.Е. Сафранкова, А.Н. Фенченко

Сборник научных трудов «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова»
включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования
результатов диссертационных исследований
по историческим, филологическим
и философским наукам

В54 Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов. –
Витебск : УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010. – 180 с.

УДК 378(06)
ББК 74.583(4Бел-4В)6я54

© УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2010

УДК 882(091)

Динамика художественной условности в прозе М.А. Булгакова

Н.В. Голубович

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Проза М.А. Булгакова изучена в новом аспекте – с точки зрения закономерностей функционирования художественной условности и ее эволюции на протяжении всего творчества М.А. Булгакова; выявлены содержательные и художественные отличия, мотивация и функции конкретных типов художественной условности – сатирического, мифологического, фантастического; вычленены те составляющие, родство которых обеспечивает возможность их синтеза; исследованы случаи взаимного переосмысления художественных принципов и семантических ассоциаций, свойственных разным типам; определена логика эволюционного преобразования условности. Научная и практическая значимость проведенного исследования заключается в получении результатов, доказывающих эволюционный характер художественной условности в булгаковской прозе.

Многие аспекты творчества М.А. Булгакова по-прежнему находятся в центре внимания отечественных и зарубежных исследователей. Открытым вопросом остается и природа художественной условности, при изучении которой нами учитывался опыт мирового булгаковедения, фактографический материал и методология, представленные в трудах ведущих ученых (М.О. Чудаковой, Л.М. Яновской, В.В. Петелина, Б.В. Соколова, Е.Б. Скоропеловой, И.З. Белобровцевой, Г.М. Ребеля, Дж. Кергиса, Р. Джулиани и др.).

К настоящему времени в научном освоении проблемы художественной условности в произведениях М.А. Булгакова обозначились два направления. Такие ученые, как Л.Б. Менглинова, И.А. Тихонов, рассматривают отдельные формы художественной условности и характер их взаимоотношений с другими составляющими структуры созданных автором художественных моделей реальности, другие (В.Я. Лакшин, Б.М. Гаспаров, Е.Б. Скоропелова, М.С. Петровский, И.С. Скоропанова, А.А. Гугнин, М.М. Голубков, Е.Н. Ковтун, М.Б. Ладыгин, Л.Г. Джанашия, В.И. Немцев, Ю.А. Голодникова, Т.Н. Мельникова, Л.М. Щетинина и др.) акцентируют внимание на отдельно взятом произведении, жанре или творческом периоде, анализируя характер художественной условности в ряду других важнейших элементов булгаковской поэтики. Монографических работ, посвященных комплексному изучению природы художественной условности в прозе писателя, нет.

Цель настоящего исследования – выявить динамику художественной условности в прозаических произведениях М.А. Булгакова в диахронном срезе.

Материал и методы. Исследование посвящено изучению прозаических произведений М.А. Булгакова, содержащих «невозможное». Под «невозможным» подразумевается то, чего «не бывает» в эмпирической действительности. Поясним, что речь идет именно о *невозможном* (необычайном, чудесном, сверхъестественном, фантастическом), а не об уникальном (возможном в редких, исключительных случаях).

Определение роли «невозможного» в искусстве можно найти еще у Аристотеля: «... в поэзии предпочтительней невозможное, но убедительное, возможному, но неубедительному» [1].

Наиболее функциональным и адекватным широкому спектру значений и проявлений «невозможного» в литературе (в ряду таких, как «вымысел» или «фантастика») оказался термин «художественная условность». Содержание этого понятия исторически изменчиво. Постоянным остается лишь то, что условность органически связана и нераздельна с самой сутью искусства, его природой.

В современных литературоведческих работах условность и правдоподобие характеризуются как разнородные явления художественной изобразительности (В.Е. Хализев, О.В. Шапошникова, Е.Н. Ковтун, Н.Г. Владимирова, В.П. Руднев и др.). Принципиальное различие между ними исследователи видят в том, что жизнеподобные формы «ориентированы на стирание границ между изображаемым и объектом изображения» [2], на создание «иллюзии тождества искусства и жизни» [3], в то время как условность эту разницу подчеркивает.

Сквозь призму художественной условности нами рассматриваются все прозаические произведения М.А. Булгакова. В работе фиксируются закономерности прогрессивного усложнения созданных писателем художественных систем, устанавливаются внешние предпосылки и внутренние стимулы, стремления различных типов художественной условности к интеграции, обосновывается идея их синтеза как итога эволюционного преобразования художественной условности у М.А. Булгакова. Своеобразие анализируемых художественных моделей реальности раскрывается через координацию и субординацию различных типов условности, через законы их синтеза – общие (имманентные) и специфические (булгаковские).

Методологию работы составляет комплексный подход, сочетающий сравнительно- и системно-типологический анализ с культурно-историческим и текстологическим.

Результаты и их обсуждение. Структуро- и смыслообразующую роль в организации художественного пространства ранних фельетонов, рассказов и повести «Дьяволиада» играет сатирическая условность. Фантастика здесь – вспомогательный *прием* для обнаружения и раскрытия парадоксальных нелепостей советского быта. Человеческий голос обретает стенгазета («Приключения стенгазеты»), соседскую беседу ведут крысы («Крысиный разговор»), требует медицинскую справку покойник («Приключение покойника»), воюют краснокожие эфиопы с арапами («Багровый остров»). В рассказе «Похождения Чичикова» М.А. Булгаков гротескно обыгрывает появление гоголевского героя в Москве 20-х годов XX века, используя фантастическое допущение, вводимое посредством сна, – приема, ставшего впоследствии характерным для поэтики

писателя. Реальное и фантастическое, оттененное гоголевскими реминисценциями, составляют единое поле для осмысления современности. Сон выполняет функцию «волшебной палочки», «чудесным» образом проясняющей нелепости действительности. В рассказе «Воспоминания» М.А. Булгаков восстанавливает в памяти свои мытарства с пропиской в Москве и странный сон про Ленина. В «Сапогах-невидимках» даже во сне герой не может насладиться чудесным даром: волшебник с восхитительным подарком соседствует с обозвавшей его «алкоголиком» и «насекомым» женой Маней, воющими детьми, подозрительным милиционером и прочими жизненными неприятностями. В рассказе «Багровый остров» в кривом зеркале фантастического гротеска отражены смешные, внешне нереальные, но до боли знакомые каждому факты текущего дня. Подзаголовок к рассказу («Роман тов. Жюль Верна. С французского на эзоповский язык перевел Михаил Булгаков») отсылал читателя к низкосортному литературному ширпотребу – ориентированной на модные западные образцы советской приключенческой беллетристике. Писатель создал язвительную пародию на идеологически тенденциозные литературные однодневки.

В ранних миниатюрах и в «московских» повестях ведущим художественным принципом является сатирическое обобщение. Иносказание создается при помощи реализованной метафоры (говорящая стенгазета, улыбающаяся «белыми зубами» печатная машинка, ползущие змеи бумаги, «поднятый» покойник и т.п.), парадокса (не знающий русского языка корреспондент Альфред Бронский, читающий переписку Энгельса с Каутским Шариков и т.п.), буквализованного фразеологизма (например, «гады ползучие»), эзопова языка (война эфиопов с арапами), символа (красный луч, электрический свет, хоровое пение, село Концовка и др.), гротеска, фантастики. Функциональным приемом создания гротескных образов служит игра социальными ролями. В основе комического эффекта лежит цепь нарушений социального ожидания: неожиданно чтение Шариковым переписки Энгельса с Каутским, непредсказуемо решение Рокка выращивать кур и пр. Комическое имеет множество интонационных обертонов, балансирует между юмором, сарказмом и иронией.

В повестях «Роковые яйца» и «Собачье сердце» условность отчетливо эволюционирует, представляя собой более сложное структурно-семантическое единство: функциональное сочетание двух типов художественной условности – сатирического и фантастического. Усложнение касается, прежде всего, характера фантастического: если ранее фантастика служила одним из приемов сатирического обнажения, то теперь приобрела сюжетообразующее значение, став одним из смыслопорождающих факторов. Однако сатирическое начало продолжает оставаться ведущим. На это указывает открытое пародирование писателем научно-фантастических клише. Так, в отличие от научной фантастики, стремящейся к иллюзии предельной достоверности, психологическому и фактическому «оправданию» нереального в повествовании, фантастика у М.А. Булгакова, напротив, максимально обнажается постоянным соотношением с действительностью, что подтверждает первостепенность сатирической цели.

В романе «Белая гвардия» средствами художественной условности создан символический образ рая. Мифологический и фантастический типы являются здесь главенствующими. Эсхатологические мифомотивы тесно переплетаются со структурными

элементами фантастической условности, в результате чего происходит их взаимное проникновение и переосмысление. Постоянные отсылки читателя к реалиям современной жизни и их намеренное снижение за счет гротескного соотношения «сиюминутного» и «вечного», десакрализация образов создают сатирический подтекст. Сатирическая условность проявляется в узнаваемости описываемого исторического момента, в ироничности повествовательного тона, комическом подчеркивании относительности классовых правд, укрупнении и комической подаче бытовых реалий. Иносказательная картина происходящей трагедии, поданная в сатирическом преломлении, приобретает дополнительное социальное звучание. Взаимное проникновение и переосмысление фантастики, мифологических и реалистических мотивов проясняет суть символического иносказания, углубляет основной конфликт романа. Сатирическая нота увеличивает смысловую емкость произведения. Усложнение фактуры художественной условности в «Белой гвардии» связано с постепенной универсализацией художественного мышления писателя.

В «Роковых яйцах» и в «Собачем сердце» система вторичной условности усложняется. Фантастика имеет в повестях сюжетобразующее значение. Писатель реализует каноны научной фантастики. Однако это лишь внешние жанровые совпадения. В действительности М.А. Булгаков использует скрытое пародирование научно-фантастической посылки, элементов сюжета, образности, отдельных художественных деталей, традиционных для научной фантастики (в частности, для произведений Г. Уэллса, на которого у М.А. Булгакова есть прямые ссылки). Пародийно поданы писателем привычные для научно-фантастической литературы ситуации с подменой, путаницей, неожиданными экспериментальными метаморфозами, непредвиденными поворотами и развязками. В научной фантастике интрига строится на поддержании иллюзии достоверности. У М.А. Булгакова, напротив, иллюзия достоверности намеренно разрушается. «Невозможное» обнажает обыденное, эффект сопереживания порожден соотношением фантастики с реальностью и узнаванием за иносказанием типичных явлений повседневной жизни. Модная в 1920-е годы научная фантастика со всеми сопутствующими ей атрибутами и штампами используется писателем как колоритное поле для сатирического разоблачения действительности.

В романе «Белая гвардия» средствами вторичной условности создается образ рая. Символика пятой главы вырастает из взаимодействия нескольких типов условности – мифологического, фантастического и сатирического. Мифологическая условность: неопределенность времени и пространства, предельно обобщенное художественное осмысление «вечных» проблем, эсхатологические мотивы – тесно переплетается с фантастическими повествовательными элементами: специфической сюжетной посылкой (вдруг оказавшимся в раю живым Турбиным), реализованными парадоксами и элементами опрощения (апостол Петр – «штатский старичок», рай принимает гусар «с сапогами и шпорами», «с конями и ...бабами», с итальянской гармоникой и дружным хором голосов: «Дуня, ягодка моя...»). Сатирическая проекция атрибутов реальности на утопическую картину сна Алексея Турбина создает ряд идейных оппозиций, проясняющих авторскую концепцию гуманизации жизни. Рай Турбина, где для Бога все оди

наковые, «в поле брани убиенные», – ключ к пониманию романа: при определении вины или правоты верным является не классово-идеологический принцип «белый или красный», а нравственный – «волк или человек».

В 1929 году М.А. Булгаков пишет повесть «Тайному другу», художественное пространство которой создано средствами сатирической, фантастической и мифологической условности. Необычайное в повести вводится фантастической посылкой – появлением оперного Мефистофеля. Имеющий интертекстуальное происхождение мифомотив договора с дьяволом не развивается в последующем повествовании. Его цель – создать ощущение повторяемости, обыденности, почти банальности, представить происходящее как «вечный сюжет». Отсюда иронический тон, насыщение «фантастического» эпизода приметами повседневной жизни. Оперный искуситель перевоплощается в Рудольфа Рафаиловича, Мефистофеля на современный лад – в лисьей шубе, берете, калоше на копыте, с электрической лампочкой в портфеле, купленной по дороге в ближайшем магазине. Превращение черта в редактора Рудольфа подготавливает читателя к будущей «чертовщине», случившейся с героем-писателем после публикации его романа. Сочетание реальных впечатлений и устойчивых сюжетных схем актуализирует сатирический аспект произведения. Социальное звучание приглушено здесь камерностью темы, уводящей читателя от политики в круг писательских проблем. И все же тема «хождений по мукам», параллелизм героев (Коротков – писатель, Кальсонер – Рудольф) генетически связывают «Тайному другу» с «Дьяволиадой». Не реализованный полностью, но прозвучавший в этих произведениях мотив заключения договора с дьяволом получит продолжение в произведениях 1930-х годов.

В романе «Записки покойника», развивающих замысел повести «Тайному другу», у героя-писателя появляется имя – Сергей Леонтьевич Максудов. Восприятие Булгаковым (в романе – Максудовым) трагедии Гете и ее оперной интерпретации можно квалифицировать как своеобразный «миф о Фаусте». В «Белой гвардии» упоминание «Фауста» создает эмоциональный фон. В «Тайному другу» и «Записках покойника» гетевские реминисценции имеют уже сюжетообразующее значение. В повести дьявол появляется в квартире писателя под оперную увертюру после неудачной попытки самоубийства героя. В «Записках покойника» ария Фауста спасает Максудова от рокового выстрела, а ожидание выхода оперного Мефистофеля заканчивается его реальным появлением в лице Ильи Ивановича Рудольфи. Иронический тон, в котором описывается фантастическая сцена, разрушает ощущение достоверности, а легкость, с которой автор расстается с таинственным героем, указывает на второстепенность инфернального мотива и его подчиненность сатирическому замыслу.

Апробированные М.А. Булгаковым в предшествующих произведениях формально-содержательные принципы моделирования художественной реальности легли в основание синтетизма структурно-семантической концепции «Мастера и Маргариты». В романе наблюдается равновесие трех типов художественной условности: мифологического, сатирического и фантастического. Фантастическая сюжетная линия скрепляет воедино два других повествовательных пласта: «московские» и «евангельские» главы. Внутреннее содержание и значение фантастики в романе обусловлены ее связью с сатирической и мифологической условностью: тема вмешательства сверхъестественных

сил, преломляясь сквозь сатирическую призму, развивается в комическом плане; в свете мифа фантастическое в романе получает серьезные, глубокомысленные обертоны. Наполненный фантастикой, сатирический план усиливает свою обличительную функцию. Мифологическая условность подчеркивает вневременной характер и неизбежность нравственного императива. Попадая в ее пространство, сатирическая условность приобретает символическую многозначность. Синтез сатирической, фантастической и мифологической условности, органичное сочетание акцентированной условности и реалистической достоверности, стилистическая какофония повествовательных планов рождает богатство смысловых оттенков, стимулируют образную ассоциативность, создают многоуровневый семантический спектр, множественную вариативность интерпретаций.

Заключение. Условность в булгаковской прозе – уникальная функциональная эстетическая система, обладающая динамичной полиморфической структурой, эволюция которой отражает усиление центростремительных тенденций в творчестве писателя. Прогрессивное усложнение и универсализация создаваемых М.А. Булгаковым художественных моделей реальности за счет интеграции условности – следствие постепенного изменения характера связей между сатирическим, фантастическим и мифологическим типами – от отношений субординации к синтезу.

Л и т е р а т у р а

1. Аристотель. Сочинения: в 4 т. / Аристотель; пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4: Поэтика. – С. 1461 в 9 – в 11. – (Филос. наследие. Т. 90.) – В надзаг. АН СССР. Ин-т философии.
2. Владимирова, Н.Г. Формы художественной условности в современном романе Великобритании: автореф. ... дис. доктора филол. наук: 10.01.05 / Н.Г. Владимирова; С.-Петербург. гос. ун-т. – СПб., 1999. – С. 2.
3. Хализев, В.Е. Теория литературы / В.Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 1999. – С. 94.

S U M M A R Y

The prose of Bulgakov is presented in a new context in this article: with a view to functioning of art convention and its development in the oeuvre of the writer.

Поступило 15.03.2010

УДК 821.111(73)-3.09(045)

Джеймс Болдуин – Рэндалл Кенан: перекличка поколений

Ю.В. Стулов

Учреждение образования «Минский государственный лингвистический университет»

Сравниваются лучший роман выдающегося афро-американского писателя Джеймса Болдуина «Иди вещай с горы» и книга современного афро-американского автора Рэндалла Кенана «Явление духов», которые показывают, сколь сложной для черного американца является проблема самоидентификации, нередко приводящая к трагическим последствиям.

На протяжении всей своей двухсотлетней истории афро-американская литература исследовала ключевую для всех афро-американцев проблему – самоидентификации. Об этом писали все черные писатели США – от Фредерика Дугласа до Дариека Скотта, причем нередко героем их произведений выступает подросток, только начинающий жизнь и пытающийся обрести в ней свое место. Это обычно болезненный и мучительный процесс, нередко заканчивающийся трагически для героя. Цель данной статьи – показать преемственность в развитии темы идентификации личности в творчестве Дж. Болдуина и Р. Кенана – афро-американских писателей, принадлежащих к разным поколениям, но концентрирующихся на ключевой для афро-американцев проблеме идентичности. Это предполагает решение следующих задач: сравнить романы «Иди вещай с горы» Дж. Болдуина и «Явление духов» Р. Кенана, выявить точки соприкосновения и различий в позиции авторов в интерпретации темы самоидентификации личности.

Материал и методы. В статье анализируются произведения Дж. Болдуина и Р. Кенана, труды по современному афро-американскому роману, проблемам мультикультурализма и этническим литературам США А.В. Ващенко, Н.А. Высоцкой, Т.Н. Денисовой, Е.А. Стеценко, Г.Л. Гейтса-мл., Б. Джонсон, М. Диксона, Тони Моррисон, В. Соллорса. Для достижения цели используются биографический и сравнительно-исторический методы изучения литературы, а также системный подход к анализу художественного текста.

Для современного поколения писателей Джеймс Болдуин (1924–1987) является иконографической фигурой. Он принадлежит к числу наиболее значительных американских писателей XX столетия, но занимает при этом особое место на карте американской литературы. Будучи «страстным пророком расового апокалипсиса и тонким исследователем глубин человеческой натуры»¹ [1], он раздвинул границы афро-американской литературы, заставив традиционную белую критику внимательно всмот-

---

Адрес для корреспонденции: 220030, г. Минск, ул. Я. Купалы, д. 11, кв. 27, тел.: 8(017) 227-77-64 – Стулов Ю.В.

¹ Здесь и далее перевод наш. – Ю.С.

реться в чрезвычайно интересные и плодотворные процессы, происходящие в литературе афро-американцев и дающие новый импульс развитию американской литературы.

По мнению известного российского литературоведа А.В. Ващенко, этническая литература предполагает «наличие и утверждение ценностей своей культуры; присутствие специфических разновидностей героя (оригинальных по сути), конфликта и сюжета, отражающих этнокультурные «вертикали»; наличие соответствующих приемов повествования» [2]. В большой степени именно Болдуину за счет незаурядного таланта удалось не только утвердить значимость афро-американской литературы в контексте национальной американской литературы, но и способствовать прорыву в восприятии достижений черных авторов белой публикой. Это было связано и с фигурой протагониста в его произведениях, и с глубоким проникновением во внутреннюю жизнь обитателей черных кварталов и их белых друзей и врагов, и с умением сплавить в гармоничное целое устные традиции афро-американской литературы и многовековые наработки европейского романа, ставшего отправной точкой для развития этого жанра в США. К тому же его четкая политическая позиция по проблеме расизма и гражданских прав сделала его одной из наиболее ярких и видных фигур в общественно-политической жизни США периода так называемой «негритянской революции» 1950–1960-х гг., с чьим мнением вынуждены были считаться представители американской администрации, в том числе президент США.

Публицистические произведения, романы, рассказы, пьесы Болдуина отличаются не только постановкой острейших социальных проблем, но и глубоким психологизмом, лиричностью, исповедальностью, тонким владением словом, удивительным богатством языка. На первый план в его творчестве выходят морально-этические проблемы, а выход из расового тупика он видит в моральном переустройстве общества. Важнейшей функцией писателя для него становится проповедническая, что сказалось на поэтическом строе его многочисленных произведений. Следуя за великим американским романтиком-трансценденталистом Р.У. Эмерсоном с его тезисом «доверия к себе», он развивает концепцию самоусовершенствования личности как источник возможного улучшения общественного климата. Он верит в конечную справедливость. Ведь «когда жизнь совершит самое худшее, они смогут подняться над самими собой и восторжествуют над жизнью. Жизнь едва ли можно было бы вынести, если бы не существовало этой надежды» [3].

Результаты и их обсуждение. Проблема самопознания личности остается в центре внимания Болдуина на протяжении всего творческого пути, начиная с первого романа «Иди вещай с горы» (*Go Tell It on the Mountain*, 1953), принесшего писателю огромную популярность. Судьба черного мальчика, переступающего порог взрослой жизни и пытающегося найти свое место в отравленном расизмом обществе, вызвала бурные дискуссии не только в литературной среде. Пожалуй, такого обнажения глубин душевного кризиса юного героя американская литература еще не знала. Открытой социальности «литературы протеста», господствовавшей в то время в афро-американской литературе, автор противопоставляет опосредованное, художественное отражение американской действительности через судьбы своих героев с их «проблемами духа», по меткому определению известного украинского литературоведа В.И. Оленевой.

Автор вторгается в область расовых стереотипов и показывает сложности, встающие перед героем на пути к самоидентификации. Джон Граймс видит, что общество отказывает ему в человеческом достоинстве только из-за его цвета кожи, и пытается найти точку опоры в несправедливом мире. Болдуин детально прорисовывает среду, условия, в которых проходит детство мальчика, обращая внимание на невозможность формирования цельной личности в ситуации, когда с ранних лет в ребенке создается миф о его «черноте» как символу грязи и порока. Открытой социальности афро-американской литературы «протеста», характерной для 1940–1950-х гг., Болдуин противопоставляет опосредованное, художественное отражение американской действительности через судьбы героев романа.

В день своего четырнадцатилетия герой романа просыпается с ненавистью к своему черному телу, презрением к себе. Вокруг он видит только грязь и запустение, и как ни пытается он отмыть себя и свою квартиру, тело его остается черным, а квартира грязной, потому что живет он в негритянском гетто, а там сами стены домов рожают ненависть и страх. «Со стыдом и ужасом, и с тяжелым сердцем Джон подумал: *«Тот, кто грязен, пусть и остается грязным»* [4; курсив Дж. Болдуина. – Ю.С.]. Ему кажется, что на нем лежит проклятие расы, и, неприкаянный, лишенный тепла и ласки, он должен нести свой крест, ни на кого не надеясь. Никем, кроме измученной жизнью матерью, не любимый, мальчик бредет во мраке, познавая жизнь во всей ее противоречивости и жестокости. Болдуин подчеркивает, что путь к самопознанию и, следовательно, к самоусовершенствованию лежит в открытии глубин человеческой природы, в обретении знания через личный опыт. На этом и сосредоточено внимание писателя в показе изменений, происходящих в характере героя под влиянием мучительного познания мира. Джон верит в свое человеческое предназначение, и это возвещает его грядущее раскрепощение и освобождение. И тогда его имя, столь распространенное в англосаксонском мире, приобретает библейское звучание: он пророк, несущий известие о Спасителе, который принесет истинное освобождение всем страждущим и угнетенным.

Библейские обертоны характерны для афро-американской культуры в целом. На протяжении нескольких столетий Библия была единственной доступной афро-американцам книгой, с которой они знакомились на воскресных проповедях и трансформировали библейские тексты в соответствии со своей культурной традицией и надеждой достичь когда-нибудь «земли обетованной», где нет рабства. Для Болдуина с церковью связан и личный опыт: в ранней юности он намеревался стать священником, чтобы нести людям свет. Вспоминая мать и отца, он пишет, что для них, как, впрочем, и для большинства афро-американцев, «отношение к церкви было совершенно непосредственным, потому что она была единственным средством в их распоряжении, при помощи которого они могли выразить свою боль и отчаяние» [5]. Действительно, в афро-американской среде церковь была одним из немногих публичных каналов, через который черному американцу можно было выразить себя и свое отношение к американской действительности. К тому же в самой церковной службе отразились особенности восприятия мира афро-американцами, в частности, нацеленность на коллективное сопереживание, ответную реакцию со стороны общины на индивидуальный рассказ, что проявилось в так называемом приеме «call and response». По всем текстам писателя

рассыпаны многочисленные библейские аллюзии и цитаты, а риторические приемы, которые он использует в публицистике и художественной прозе, прямо уходят к протестантским проповедям с их нравственным посылом, обличением заблуждений и предрассудков общества и прямым воздействием на аудиторию.

Кульминационная сцена романа рисует «обращение» Джона, описывая борьбу внутренних голосов мальчика, которые он ощущает как голоса Бога и дьявола, стремящегося увлечь его в царство тьмы. Болдуин утверждает суверенность человеческой личности, и поэтому для него столь важно изображение душевных процессов, происходящих в душе Джона и ведущих к «просветлению». Открыв для себя тайны мрака и света, Джон готов принять жизнь со всеми ее противоречиями, и надежда именно в этом новом сознании Джона, в обретении им цельности. «Черное» для него – больше не синоним грязи, греха и унижения. Его внутренний мир обретает гармонию. Мальчик становится взрослым.

Зато не дано повзрослеть герою романа «Явление духов» («A Visitation of Spirits») молодого афро-американского писателя Рэндалла Кенана, обладателя премии им. Джона Дос Пассоса, который считает Джеймса Болдуина своим литературным и духовным учителем. Им написана биография своего выдающегося предшественника в серии книг для детей («James Baldwin», 1994). В своем романе Кенан описывает последний день на земле подростка Горация Кросса, настолько погруженного в себя, что он слышит голоса, которые борются за его душу. Пытаясь понять себя, он вступает в спор с этими внутренними голосами, которые он связывает с ангелом-хранителем и демоном-искусителем, но оказывается не в состоянии определить, кто есть кто, а потому и не понимает, какой из них указывает верный путь. Драматические сцены разговоров Горация с внутренними голосами играют чрезвычайно важную роль в сложной архитектонике романа, создавая напряженную атмосферу американского Юга, где, как и столетия назад, мечта оказывается недостижимой, а истинные человеческие ценности приносятся в жертву расовым предрассудкам.

Борьба между добром и злом в душе Горация выливается в драматический и бесконечный спор между главным героем и его «демоном», который полон решимости завладеть душой мальчика. У Горация нет точки опоры в обществе, расколотом по расовому признаку. Подросток настолько измучен внутренним хаосом, который лишает его хоть какой-то возможности самореализоваться, что не может отличить подлинное от ирреального и поддается искушению демона. Этот демон играет на струнах его неокрепшей души, его слабостях и фобиях, и, в конце концов, герой бросает вызов Богу и находит смерть, разрывая связь с миром и отказываясь от защиты своих предков, которые по верованиям афро-американцев приходят на помощь потомкам, когда тем трудно.

В отличие от Джона Граймса, который чувствовал поддержку со стороны матери, друзей, Гораций трагически одинок. Его отвергает родная семья, не простившая ему тяги к белым, с которыми у них связаны только горькие воспоминания об эпохе рабства и которым они не могут верить. Он оказывается ненужным и белым «друзьям», для которых он всего лишь экзотический персонаж. Они не готовы принять его таким, какой он есть, и это лишь усугубляет кризис в его душе. Сознание подростка раздвоено; он не в состоянии обрести гармонию, которую открыл болдуиновский Джон Граймс, найдя свое место в череде поколений и осознав важность познания правды о себе и ок-

ружающем мире. Воссоединить распавшиеся звенья жизненной цепочки Горацию не удалось. Казалось бы, расовая ситуация в США за последние десятилетия значительно изменилась. Ведь между двумя романами – дистанция более, чем в полстолетия, но, как явствует из романа Кенана, проблема не исчезла, тем более что действие книги происходит на американском Юге, где расовый вопрос всегда был краеугольным в общественном развитии. Вина за трагическую судьбу подростка лежит как на его близких, живущих представлениями прошлого и отвергающих какие-либо контакты с белыми, так и на белых, которые по-прежнему смотрят на своих черных сограждан как на людей второго сорта. Черный мальчик, рвущийся в столь отличный от черных трущоб мир белых, – это отклонение от нормы, и в этом сходятся и белые, и черные персонажи романа.

Кенан показывает, как болезненно происходит самоидентификация героя, поскольку его личность формируется под влиянием расовых, религиозных, гендерных, региональных факторов, а личная и социальная идентичности конфликтуют друг с другом. Он видит «смысл жизни <...> в спасении душ своих родных» [6], но рядом нет человека, который помог бы ему спасти собственную. Мучительный самоанализ, выражающийся в драматическом споре внутренних голосов, свидетельствует о глубоком душевном кризисе Горация, который не может сделать ответственный выбор, определяющий дальнейший путь в жизни. Он ищет помощи и совета, но никто из окружающих не в состоянии постичь глубину страданий подростка, только вступающего во взрослую жизнь и не находящего своего места в этом странном и непостижимом мире.

Не случайно действие романа происходит в маленьком городке Тимс Крик. Этот придуманный писателем город становится символом ситуации на Юге, приобретая метафорическое значение. Вся его история – это насилие белых над черными, сильных над слабыми; это стремление каждой этнической группы жить в замкнутом пространстве своей общины, видя в самоизоляции способ выжить в атмосфере расовой ненависти. Призраки прошлого не исчезли; отношения между черными и белыми строго регламентированы, и переходить границы другого мира нельзя ни с одной, ни с другой стороны. Кенан с грустью констатирует, что расовая ненависть и страх друг перед другом продолжают разрушать взаимоотношения между людьми, как и десятилетия назад. Люди по-прежнему остаются разобщенными. Для его героя это выливается в мучительные страдания, тем более что он наделен ранимой душой и понимает, что в конечном счете он чужой для всех.

Структура романа весьма сложна: присутствие двух рассказчиков позволяет усилить драматический эффект книги. Двоюродный брат Горация, являющийся вторым повествователем в романе, чья точка зрения накладывается на повествование подростка и после смерти героя служит комментарием к событиям трагической ночи, пытается понять причины его гибели. Он приходит к выводу о тех душевных муках, которые терзали Горация и привели его к трагическому финалу: «...[он] не очень знал, кто он. Это я не совсем понимаю, потому что они [его родные. – Ю.С.] ему говорили, они учили его с колыбели. Мне кажется, они не думали, что мир, в который они его отправляли, отличался от того мира, который они покорили; это мир, населенный новыми омерзительными чудовищами, и он требовал другой цены» [6, с. 188]. Религиозная семья, живущая по строгим моральным устоям, отрицает возможность расового мира на американском Юге и пытается привить ему чувство ненависти и вражды к белым. Для Го-

рация же мир белых кажется светлым и ярким, и он не понимает, как можно жить в мире ненависти, а потому отдаляется от них. Подросток остается один на один со своими страхами и отчаянием. Один из последних вопросов, который он успеет задать себе и противоборствующим внутренним голосам перед смертью, исполнен необыкновенной боли: «Где это кончится? Это кончится?» [6, с. 231; курсив Р.К. – Ю.С.].

Путешествие во взрослый мир осталось незавершенным, и Гораций погибает с чувством вины, так и не обретя идентичности. По мнению А.В. Ващенко, «Современная личность живет в эпоху, когда каждый из нас, нередко не отдавая себе в том отчета, является носителем и хранилищем, передатчиком наследия множества эпох и культур, и только через личность они и способны сохраняться» [2, с. 24]. Гораций не смог развиваться в личность, и те задатки, которые были заложены в нем и могли бы принести плоды, остались нереализованными, за что Кенан возлагает вину на общество, основанное на дихотомиях, принимающих разные формы, из которых противопоставление рас является одним из самых чудовищных проявлений варварства. Социальные, расовые, этнические и прочие фобии ведут к насилию и нетерпимости, и именно об этом предостерегает писатель. Иерархия власти пронизала все взаимоотношения между людьми, включая и сферу личной жизни. К тому же и внутри каждой группы возникают свои проблемы: общество в целом и отдельные группы внутри него давно уже не монолитны, а расслоились на отдельные фрагменты, в то время как еще в середине XX века они были объединены общей идеологией. Кенан прямо пишет, что невозможно дать четкое определение тому, что объединяет всех людей африканского происхождения – черный цвет кожи: думать, что все черные чувствуют одинаково – «было ошибкой. Это была неправда. Очевидное черное мышление, монолитное однообразие, идея “мы”» [7]. Гораций становится жертвой построенного на дихотомиях и иерархиях общества. Человеку, не вписывающемуся в общепринятую модель отношений, а тем более подростку, не имеющему жизненного опыта, оказывается не под силу выстоять в атмосфере всеобщей нетерпимости. Поэтому смерть оказывается для него единственным выходом из хаоса существования.

Трагично, когда подросток, только открывающий для себя взрослый мир, достигает экзистенциальной свободы только в смерти: стреляя в своего двойника, он обрывает процесс болезненной фрагментации собственной личности.

Заключение. Роман Болдуина был написан в 1954 г. Книга Кенана рисует американский Юг конца 1980-х гг. Сменились поколения, другим стал ландшафт. Вот только предрассудки пустили такие глубокие корни, что и в наши дни они продолжают оказывать свое негативное воздействие на человеческие судьбы.

Кенан многое взял у своего выдающегося предшественника, но главный урок, который он вынес из творческого наследия Болдуина, – это необыкновенная честность и искренность в рассказе о человеке, белом и черном. Только приняв себя, можно преодолеть раздвоенность мировидения и начать творить мир будущего. Но этот идеал по-прежнему далек от осуществления.

Л и т е р а т у р а

1. Harper, Howard M. *Desperate Faith: A Study of Bellow, Salinger, Mailer, Baldwin and Updike* / Howard M. Harper. – Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1967. – P. 137.
2. Ващенко, А.В. *El Senor de la Luz: мультикультурализм и этнический дискурс в романах Анайи о Сани Бака* / А.В. Ващенко // *Открытый мир: мультикультурный дискурс и межкультурные коммуникации: материалы международного симпозиума в рамках междунар. конф. «Транс-границы в изменяющемся мире: Россия–Китай–Монголия» (22–24 сентября 2006 г.)* / Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т. – Чита, 2006. – С. 27.
3. Baldwin, J. *Notes of a Native Son* / J. Baldwin. – London: Corgi Books, 1964. – P. 145.
4. Baldwin, J. *Go Tell It on the Mountain* / J. Baldwin. – London: Corgi Books, 1976. – P. 24.
5. *The Negro Protest. James Baldwin, Malcolm X, Martin Luther King Talk with Kenneth B. Clark* / Kenneth B. Clark. – Boston: Beacon Press, 1963. – P. 5.
6. Kenan, R. *A Visitation of Spirits* / R. Kenan. – N. Y., etc.: Doubleday, 1989. – P. 188.
7. Kenan, R. *Walking on Water: Black American Lives at the Turn of the Twenty-First Century* / R. Kenan. – N. Y.: Alfred A. Knopf, 1999. – P. 8.

S U M M A R Y

The paper compares the novels of the outstanding African American writer James Baldwin “Go Tell It on the Mountain” and “A Visitation of Spirits” of the prize-winning contemporary author Randall Kenan. These novels demonstrate certain similarities in the description of the process of self-identification of a young black American.

Поступило 17.07.2008

УДК 811.161.3'373

Дыялектна-літаратурныя фармальныя апазіцыі ў сістэме лексікі

Л.І. Злобін, Я.Н. Марозава

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Аналізуюцца дыялектна-літаратурныя лексічныя апазіцыі ў сістэме іх марфемнай і словаўтваральнай структуры. У сістэме рэгіянальнай лексікі Віцебшчыны выяўляюцца фармальна апазіцыйныя намінацыі ў дачыненні да нарматыўных адзінак. Семантычна апазіцыйныя намінацыі ілюструюць з’явы лексічнай або словаўтваральнай полісеміі і аманіміі – унутрыдыялектнай або літаратурна-дыялектнай. Робіцца супастаўляльны аналіз фармальна тоесных дыялектных лексем Віцебшчыны і іх нарматыўных адпаведнікаў. У выніку аналізу вылучаны і апісаны найбольш тыповыя для дыялектна-літаратурных фармальных апазіцый структурныя і словаўтваральныя мадэлі.

У выніку шматгадовых летніх дыялекталагічных экспедыцый у розныя рэгіёны Віцебскай вобласці студэнтамі і выкладчыкамі факультэта беларускай філалогіі і культуры сабраны унікальны лексічны матэрыял, які будзе цікавым для дыялектолагаў, лексікографіаў, этнографіаў, фалькларыстаў, гісторыкаў мовы, для тых, хто цікавіцца сацыялінгвістыкай, лінгвастылістыкай. Дыялектная лексіка – аснова для вывучэння

гісторыі элементаў мовы: гукаў і фанем, скланенняў, спражэнняў, семантычных зрухаў, мадэлей словаўтварэння і формаўтварэння.

Праца над рэгіянальным моўным матэрыялам дазволіла выявіць значную колькасць лексем, што знаходзяцца ў адносінах семантычнай або фармальнай апазіцыі паміж сабой або да адпаведных нарматыўных слоў. Семантычна апазіцыйныя намінацыі ілюструюць з'явы лексічнай або словаўтваральнай полісеміі і аманіміі – унутрыдыялектнай або літаратурна-дыялектнай: *абалонь*: літ. 'слой драўніны сасны, што знаходзіцца паміж стрыжнем і карою'¹ – дыял. 'абалона, лугавое ўзбярэжжа ракі, якое заліваецца ў разводдзе'; *адзёр*: літ. 'заразная, пераважна дзіцячая, хвароба, якая суправаджаецца высыпкай, запаленнем дыхальных шляхоў і гарачкай' – дыял. 'азярод'; *акот*: літ. 'дзеянне паводле значэння дзеяслова *акаціцца*' – дыял. 'асцюк, асцюкі'; *амерыкэнка*: літ. 'жыхарка ЗША' – дыял. 'макрыца'; *баба*: літ. *баба*¹ 'матчына або бацькава маці; старая жанчына наогул; замужняя жанчына; жанчына, якая прымае дзяцей у час родаў; пра цікаўнага, балбатлівага або з нерашучым характарам мужчыну'; *баба*² 'прылада для забівання паляў і для іншых мэт'; *баба*³ 'страва з дрэннай бульбы'; *баба*⁴ 'род здобнага печыва' – дыял. *баба*¹ 'апора калодзежнага жураўля'; *баба*² 'дрыгва'; *баба*³ 'дзьмухавец'; *бадзяга*: літ. *бадзяга*¹ 'прэснаводная губка'; *бадзяга*² 'бяздомны, не заняты працай чалавек, вандроўнік' – дыял. *бадзяга*¹ 'бадзяк, калючая трава'; *бадзяга*² 'бугтя для самаробнага віна'; 'карыта, вядро, пасудзіна для вады'.

Наша мэта – аналіз дыялектна-літаратурных лексічных апазіцый у сістэме марфемікі і словаўтварэння. Рэалізацыя пастаўленай мэты патрабуе вырашэння наступных задач:

- выяўленне ў сістэме рэгіянальнай лексікі Віцебшчыны фармальна апазіцыйных намінацый у дачыненні да нарматыўных адзінак;
- вызначэнне лінгвістычнага статусу гэтых намінацый;
- супастаўляльны аналіз фармальна тоесных дыялектных лексем Віцебшчыны і іх нарматыўных адпаведнікаў;
- выяўленне і апісанне найбольш тыповых для дыялектна-літаратурных фармальных апазіцый структурных і словаўтваральных мадэлей.

Матэрыял і метады. У працэсе даследавання выкарыстоўваліся наступныя метады: супастаўляльны; навуковага назірання і апісання; ранжыравання лексічных адзінак; лінгвістычнага каменціравання.

Прадметам нашага аналізу з'яўляюцца семантычна тоесныя аднакаранёвыя лексемы, якія характарызуюцца розным наборам словаўтваральных фармантаў. Для называння падобных намінацый даследчыкі выкарыстоўваюць розныя тэрміны. Так, В.С. Ахманова гаворыць пра *марфалагічныя варыянты (марфалагічныя дублеты)* [2, с. 71], *словаўтваральныя варыянты* [3].

Некаторыя аўтары настойваюць на строгім размежаванні словаўтваральных варыянтаў і словаўтваральных сінонімаў. Так, У.У. Лапацін сцвярджае, што *словаўтваральныя сінонімы* – гэта семантычна тоесныя аднакаранёвыя словы, утвораныя з дапамогай сінанімічных афіксаў (*-тель* і *-цук* са значэннем асобы паводле роду дзейнасці, *-ніц-* і *-к-* са значэннем дзеяння), а *словаўтваральныя варыянты* – гэта адна-

¹ Тут і ніжэй літаратурныя дэфініцыі прыводзяцца з ТСБМ [1].

каранёвыя словы з агульнымі фармантамі *-чик-/ -щик, -ича-/ -нича-, -к(а)/ -овк(а), -ск-/ -еск-/ -тельск-* і г.д., якія разглядаюцца як варыянты (морфы) адной марфемы [4].

Выгадная пазіцыя ў М.А. Паўленкі, які выкарыстоўвае тэрміны *словаўтваральныя варыянты-сінонімы* [5], *аднакарэнныя сінонімы* [6]. П.У. Сцяцко *словаўтваральным дублетам* называе “дэрыват, які поўнасьцю дубліруе семантыку базавага слова і адрозніваецца ад апошняга толькі структурна: *дрыгва – дрыгван; кража – кражба; гушчар – гушчарня*” [7].

А.М. Ціханаў *словаўтваральнымі сінонімамі* лічыць аднакаранёвыя вытворныя словы з аднолькавым ці бліжкім словаўтваральным значэннем, якое выражаецца ў іх пры дапамозе розных афіксаў або іх варыянтаў (*волчиха – волчица; отправленије – отправка, синьØ – синева, подсвистывать – присвистывать, а таксама модернизировать – модернизировать, лакировщик – лакировальщик, структурный – структуральный*) [8].

Іншыя ж моваведы, у прыватнасці, Г.Ф. Юрчанка, *словаўтваральнымі варыянтамі* называюць семантычна тоесныя аднакаранёвыя словы з сінанімічнымі афіксамі, напрыклад: *ёнкаць // ёнчыць; памыкаць // памычыць* – ‘счасась на грэбені і скруціць у мычкі (пра лён)’; *панаваджываць // панавадзіць* – ‘навесці, прывесці ў вялікай колькасці’ [9]. У дачыненні да нашага матэрыялу словаўтваральнымі варыянтамі з’яўляюцца рады: *акбесе – літ. касільна; абуванне – літ. абутак; ёжыва – літ. ёжа* і г.д.

Результаты і іх абмеркаванне. Наш матэрыял паказвае, што варыянтныя рады могуць быць

а) лакальна абмежаванымі паводле ўжывання, г.зн. **уласна дыялектнымі:**

АБЛІВАКА, АБЛІВАХА *ж.*, АБЛІВЕНЬ *м.* – ‘зімовы дождж, галалёд’ (рад ілюструе яшчэ і граматычную, і акцэнтную варыянтнасць);

АБМАЛОТКІ, АБМАЛОЦІНЫ *толькі мн.* – ‘свята з выпадку заканчэння малацьбы’;

АДПРАВІНЫ, АДПРАЎКІ *толькі мн.* – ‘праводзіны ў армію’;

БАЛАТНЯНКА, БАЛОТНІЦА *ж.*, БАЛОТНІК *м.* – ‘агульная назва балотнай травы’ (тут таксама выяўляецца і граматычная варыянтнасць);

б) **сімбіёзнага тыпу (дыялектна-літаратурныя)**, калі адзін або некалькі кампанентаў з’яўляюцца дыялектнымі лексемамі, а другі (другія) – нарматыўнай. Нарматыўны кампанент выступае ў тлумачальнай частцы слоўнікавага артыкула як дэфініцыя дыялектнага слова. Якраз рады сімбіёзнага тыпу найбольш поўна прадстаўлены ў нашым матэрыяле. Такія рады неаднародныя паводле семантычнай матывацыі і фармальнай суаднесенасці іх кампанентаў. Выдзелім наступныя іх групы.

I. Першую групу складаюць варыянтныя рады, для абодвух кампанентаў якіх характэрна **супадзенне** семантычнага матыватара і фармальнай суаднесенасці ў адным і тым жа слове. Падгрупы гэтых радоў наступныя:

1. Рознапрыставачныя словаўтваральныя варыянты, утвораныя **ад адной словаўтваральнай базы рознымі прыстаўкамі**; яны прадстаўлены пераважна дзеясловамі закончанага трывання:

АБАРВАЦЦА – *літ.* ПАДАРВАЦЦА (‘аслабець ад цяжкай працы’);

АБВАДЗЯНЕЦЬ – *літ.* ЗВАДЗЯНЕЦЬ;

АБНАЧАВАЦЬ – *літ.* **ЗАНАЧАВАЦЬ**;

АПАЗНІЦЦА – *літ.* **СПАЗНІЦЦА**.

2. Словаўтваральныя варыянты, утвораныя **рознымі суфіксамі ад адной словаўтваральнай асновы**. Гэта найбольш прадуктыўная група лексем. Словаўтваральныя варыянты гэтага віду прадстаўлены ў асноўным назоўнікамі, радзей іншымі часцінамі мовы:

АБ'ЕДЗІНЫ – *літ.* **АБ'ЕДКІ**;

АЗЕРАВІНА – *літ.* **АЗЯРЫНА**;

АКАЛОТАК – *літ.* **АКАЛОТ** Ø 'абмалочаныя ўручную снапы';

АПАДНІК, **АПАДЫШ** – *літ.* **АПАДАК** 'плод, што апаў з дрэва';

АПОЛКІ – *літ.* **АПАЛУШКІ** (ад *апаліць*);

АРЭЦ – *літ.* **АРАТЫ**;

АЎСЕЦ – *літ.* **АЎСЮК** 'пустазелле, падобнае на авёс';

АБЕДАШНІ – *літ.* **АБЕДЗЕННЫ**;

БРОДЗЕНЬ – *літ.* **БРАДНІК** 'сетка для лоўлі рыбы'; тут наяўнасць і акцэнтнай варыянтнасці;

БЕГАНКА, **БЯГНЯ** – *літ.* **БЕГАНІНА**;

БАЛТУШКА, **БАЎТОНКА**, **БОЎТАНЬ**, **БОЎТАННЕ** – *літ.* **БАЎТУХА**; гэты рад ілюструе яшчэ і фанетычную, і граматычную, і акцэнтную варыянтнасць;

БАБАВЕННЕ, **БАБАВІННЕ**, **БАБАВІНЫ**, **БОБЧЫК** – *літ.* **БАБОЎНІК**; у гэтым радзе таксама выяўляецца і фанетычная, і граматычная варыянтнасць;

БАЛАЧЫНА – *літ.* **БАЛАЦЯВІНА**;

БАГНІЦА – *літ.* **БАГНОЎКА** 'балотная трава';

БАЛЯЎКА – *літ.* **БАЛЯЧКА**;

БАРУН – *літ.* **БАРЭЦ**;

БАБІЧ – *літ.* **БАБНІК**;

БАБЦЯ – *літ.* **БАБУЛЯ**;

БЕГМА – *літ.* **БЯГОМ**;

ЕЗДАНИНА – *літ.* **ЯЗД** ØА;

ЕНКАТ – *літ.* **ЕНК** Ø;

ЗАМЯТУХА – *літ.* **ЗАМЕЦЬ** Ø;

ЗНАХАРЫХА – *літ.* **ЗНАХАРКА** – рад утрымлівае і акцэнтную варыянтнасць.

3. Словаўтваральныя варыянты, якія характарызуюцца **адсутнасцю / наяўнасцю суфікса**. Тут тэндэнцыю да ўскладнення марфемнай будовы выяўляюць рэгіянальныя лексемы. У большасці выпадкаў на словаўтваральную варыянтнасць накладваецца марфалагічная (граматычная) варыянтнасць: словы адрозніваюцца граматычным родам і, як вынік, парадыгмай:

АГЛАБЛІНА *ж.* – *літ.* **АГЛОБЛЯ** *ж.*;

БАКАЦІНА *ж.* – *літ.* **БОК** *м.*;

БАЛАЧЫНА *ж.* – *літ.* **БАЛОТА** *н.*;

БРОВІНА *ж.* – *літ.* **БРЫВО** *н.*;

БАРШЧАВІК, **БАРШЧАНІК** *м.* – *літ.* **БОРШЧ** *м.*;

ЕЖЫВА *н.* – *літ.* **ЕЖА** *ж.*;

БОЛЬШАКА – *літ.* **БОЛЬШ**.

У гэтай групе варыянтных лексем шырока прадстаўлены рэгіянальныя лексемныя жаночага роду з суфіксам **-ін- (-ын-)**, які мае значэнне адзінкавасці.

Зрэдку наяўнасцю суфікса характарызуецца нарматыўная лексема:

АВАД *м.* – *літ.* АВАДЗЕНЬ *м.*

4. Прыставачна-суфіксальныя ўтварэнні

а) з аднолькавымі прыстаўкамі і рознымі суфіксамі; тут выяўляецца і граматычная варыянтнасць лексем:

АСУШКА *ж.* – *літ.* АСУШАК *м.* 'сухар';

БЯЗЛАДЗІШЧА *н.* – *літ.* БЯЗЛАДЗІЦА *ж.*;

б) з рознымі прыстаўкамі і аднолькавымі суфіксамі:

АДДАЎНА – *літ.* ЗДАЎНА.

II. Другую групу складаюць варыянтныя рады, у якіх дыялектны і літаратурны кампаненты **аўтаномна** характарызуюцца супадзеннем семантычнага матыватара і фармальнай суаднесенасці. У межах названай групы вылучаюцца 2 разнавіднасці варыянтных радоў:

1. **Рознапрыставачныя** словаўтваральныя варыянты, утвораныя **адным суфіксам** ад словаўтваральных асноў з рознымі прыстаўкамі. Ад адпаведных прыставачных дзеясловаў утварыліся словаўтваральныя варыянты – назвы абрадавых свят:

АБЖЫНКІ – *літ.* ДАЖЫНКІ;

АБКОПКІ, АКОПКІ – *літ.* ДАКОПКІ;

АБМАЛОТКІ – *літ.* ДАМАЛОТКІ.

Радзей утвараюцца варыянтныя рады аддзеяслоўных назоўнікаў іншых семантычных груп:

АСЕЎКІ – *літ.* ВЫСЕЎКІ;

АДТАЛІНА – *літ.* ПРАТАЛІНА;

АТОК ØА – *літ.* ЗАТОК ØА;

ЗГАРОД ØА – *літ.* АГАРОДЖ ØА.

У гэтую ж групу можна ўключыць адпрыметнікавы асабовы назоўнік з ярка выражанай негатыўнай ацэнкай:

БЕЗЛЮДЗЬ Ø – *літ.* НЕЛЮДЗЬ Ø.

2. **Рознапрыставачныя** словаўтваральныя варыянты, утвораныя **рознымі суфіксамі** ад рознапрыставачных дзеясловаў:

АБМАШКА *ж.* – *літ.* ПРОМАХ Ø *м.*

III. Трэцюю групу складаюць варыянтныя рады, у якіх рэгіянальны і нарматыўны кампаненты характарызуюцца супадзеннем семантычнага матыватара і несупадзеннем семантычнай і фармальнай суаднесенасці для дыялектнага кампанента. Напрыклад, для дыялектнай намінацыі **БЕРАГОЎКА** 'берагавая ластаўка' семантычным матыватарам з'яўляецца назоўнік **БЕРАГ**, а фармальным – прыметнік **БЕРАГАВЫ**. У аналагічным жа размоўным варыянце **БЕРАЖАН/КА** з тым жа значэннем 'берагавая ластаўка' выяўляецца супадзенне семантычнага матыватара **БЕРАГ** з фармальнай суаднесенасцю з гэтым жа назоўнікам.

Несупадзенне семантычнага матыватара і фармальнай суаднесенасці назіраецца

ў ніжэйпрыведзеных і многіх іншых дыялектна-літаратурных варыянтных радаў:

Дыялектна-літаратурныя варыянтныя рады	Семантычны матыватар	Фармальнае суаднесенасць	
		дыялектнага слова	літаратурнага слова
АБГАРЭЛАК – <i>літ.</i> абгарак 'абгарэлая рэшта бервяна, запалкі і пад.'	абгарэць	абгарэлы	абгарэць
АЎСЯННЁЕ – <i>літ.</i> аўсянішча 'поле, з якога сабраны ўраджай аўса або на якім папярэдняй культурай быў авёс'	авёс	аўсяны	аўсяны
БАЛАТНЯНЫ – <i>літ.</i> балотны 'які мае адносіны да балота'	балота	балотны	балотны
БРАТОЎ/КА – <i>разм.</i> браціха 'братавая, жонка брата'	брат	братавая	брат
БРУКОЎНІК – <i>разм.</i> брукаванка брукаваная дарога'	брук	брукаваць	брукаваны
БАБАВ/ІННЕ – <i>літ.</i> бабоўнік 'сцяблы бобу'	боб	бабовы	бабовы

Заклучэнне. Акрэсленая праблема мае не толькі тэарэтычнае, але і практычнае значэнне, у прыватнасці, у практыцы ўкладання дыялектных слоўнікаў, бо словаўтваральная сістэма беларускай мовы наогул ілюструе прадуктыўнасць многіх словаўтваральных мадэлей і тыпаў, якія абумоўліваюць з'явы варыянтнасці і сінаніміі. Сінанімічныя лексемы ў слоўніках павінны змяшчацца ў асобных слоўнікавых артыкулах, а варыянтныя – у адным. На практыцы ж гэты прынцып не вытрымліваецца, паколькі праблема сінанімічнасці / варыянтнасці лексем да канца не вырашана.

Для ўкладання дыялектных слоўнікаў і практычнага карыстання імі, на нашу думку, больш зручным і прымальным з'яўляецца тэрмін **словаўтваральныя варыянты**, які дазваляе адрозніць аднакаранёвыя дэфініцыі з тоеснай семантыкай ад рознакаранёвых лексем-сінонімаў, што змяшчаюцца ў розных слоўнікавых артыкулах.

Такім чынам, даследаванне дыялектна-літаратурных варыянтных радоў дае магчымасць канстатаваць большую разнастайнасць словаўтваральных фармантаў у сістэме дыялектных намінацый у параўнанні з літаратурнымі адпаведнікамі, што дазваляе гаварыць пра прадуктыўнасць унутрыдыялектных словаўтваральных варыянтаў: *аблівака, абліваха, аблівень; абмалоткі, абмалоціны; абкопкі, акопкі; ападнік, ападыш; беганка, бягня; балтушка, баўтонка, боўтань, боўтанне; баршчавік, баршчанік* і іншыя. Метады даследавання такіх лексем могуць быць рознакіраванымі, але абавязковым складнікам гэтых даследаванняў заўсёды будзе характар узаемаадносін розных відаў матыватараў у семантычнай, фармальнай і словаўтваральнай структуры намінацый.

Л і т а р а т у р а

1. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. – Мінск, 1977. – Т. 1. – 608 с.
2. Ахманова, О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М., 1969. – 608 с.
3. Ахманова, О.С. Очерки по общей и русской лексикологии / О.С. Ахманова. – М., 1957. – С. 214–217.

4. Лопатин, В.В. Русская словообразовательная морфемика: проблемы и принципы описания / В.В. Лопатин. – М., 1977. – С. 261–264.
5. Паўленка, М.А. Варыянты-сінонімы назоўнікаў у беларускай мове XIV–XVII ст. / М.А. Паўленка // Веснік БДУ імя У.І. Леніна. Сер. 4. – 1972. – № 2. – С. 33–34.
6. Паўленка, М.А. Нарысы па беларускаму словаўтварэнню. Жаночыя асабовыя намінацыі ў старабеларускай мове / М.А. Паўленка. – Мінск, 1978. – С. 103.
7. Сцяцко, П.У. Субстантыўныя словаўтваральныя дублеты ў беларускай народна-дыялектнай мове / П.У. Сцяцко // Беларуская лінгвістыка. – Вып. 12. – Мінск, 1978. – С. 45–46.
8. Тихонов, А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: в 2 т. / А.Н. Тихонов. – М., 1985. – Т. 1. – С. 34.
9. Юрчанка, Г.Ф. Народнае вытворнае слова: з гаворкі Мсціслаўшчыны / Г.Ф. Юрчанка. – Мінск, 1983. – С. 198–199.

SUMMARY

The article is devoted to revelation and analysis of the peculiarities of dialectal lexemes standing in semantic and formal opposition to one another or to the corresponding normative words.

Поступило 25.03.2010

УДК 81'371(043.3)

Да пытання пра экспрэсіўныя сродкі выражэння негатыўнай ацэнкі ў беларускай і рускай мовах

А.А. Кожынава, Т.В. Нікіценка

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Артыкул прысвечаны пытанняю выражэння негатыўнай эмацыянальнай ацэнкі лексічнымі сродкамі. Матэрыялам для яго паслужылі лексемы блізкароднасных моў – рускай і беларускай, якія ў тлумачальных слоўніках пазначаюцца паметамі неадабр., зневаж., пагардл. і інш. Такія словы, акрамя свайго асноўнага значэння, нясуць суб'ектыўную ацэнку гаворачага да прадмета гаворкі. На прыкладах некаторых лексічных адзінак пазначаюцца асаблівасці, а таксама тое агульнае, што прасочваецца ў механізмах з'яўлення ацэначных значэнняў у дадзеных мовах. Разглядаюцца выпадкі набыцця эмацыянальна-ацэначнага кампанента семантыкі лексікай іншамоўнага паходжання; у выпадках асэнсавання ўнутранай формы ці, наадварот, у выніку страты ўнутранай формы слоў. Увогуле працэс семантычнага развіцця, знікнення і з'яўлення новых эмацыянальна-ацэначных лексем у мове жывы і, часам, больш актыўны ў параўнанні з іншымі пластамі лексікі, што патрабуе пастаяннага лінгвістычнага маніторынгу. У артыкуле падаюцца прыклады ўжывання такіх лексем у мастацкіх творах беларускіх класікаў, а таксама сучасныя ўжыванні ў маўленні інтэрнаўтаў.

Экспрэсіўнасць як лінгвістычная катэгорыя звязана з існаваннем мноства тэорый і канцэпцый і не мае адназначнага адпаведнага вырашэння. Асноўныя пытанні, звязаныя з азначэннем экспрэсіўнасці, можна звязаць з *прыродай самой экспрэсіўнасці, саставам кампанентаў, якія вызначаюць яе змест, і механізмамі, што надаюць здольнасць моўным адзінкам яе выражаць.*

Такім чынам, мэтай дадзенага артыкула з'яўляецца вызначэнне механізмаў з'яўлення і функцыянавання негатыўнай эмацыянальнай ацэнкі ў некаторых экспрэсіўных лексічных адзінках рускай і беларускай моў. Дасягненне пастаўленай мэты прадугледжвае вырашэнне наступных задач:

- 1) удакладніць прыроду экспрэсіўнасці і асноўныя характарыстыкі экспрэсіўнага слова;
- 2) вызначыць і ахарактарызаваць сродкі рэалізацыі эмацыянальнай ацэнкі ў семантыцы экспрэсіўнага слова;
- 3) абгрунтаваць працэс семантычнага развіцця, знікнення і з'яўлення новых экспрэсіўна-ацэначных лексем;
- 4) вызначыць на некаторых прыкладах агульнае і нацыянальна-асаблівае ў спосабах выражэння ацэначных значэнняў у вывучаемых мовах.

Матэрыял і метады. Намі выкарыстоўваюцца наступныя метады даследавання:

апісальны, супастаўляльны, метада кампанентнага аналізу, метада этымалагічнага аналізу.

Матэрыялам даследавання з'яўляюцца лексемы беларускай і рускай моў, абраныя метадам суцэльнай выбаркі з тлумачальных слоўнікаў літаратурнай мовы (ТСБЛМ, ТСБМ, БТСРЯ, СРЯ) па фармальным крытэры: па наяўнасці негатыўнай ацэначнай паметы, якая суправаджае слова. Колькасць адзінак падобнага роду складае 793 для беларускай і 888 для рускай моў.

Вынікі і іх абмеркаванне. На сучасным этапе развіцця лінгвістычнай навукі экспрэсіўнасць уваходзіць у кола інтарэсаў стылістыкі (функцыянальнай і апісальнай), семантыкі і прагматыкі. Такім чынам, у залежнасці ад поглядаў лінгвіста і аналізуемага матэрыяла, экспрэсіўнасць вызначаюць як альбо семантычную, альбо стылістычную, альбо семантыка-стылістычную, альбо сінтаксічную, альбо функцыянальную, альбо прагматычную, альбо камунікатыўную катэгорыю. Паводле заўвагі Н.А. Лук'янавай, «усе розныя характарыстыкі катэгорыі экспрэсіўнасці не выключаюць, а дапаўняюць адна адну, базіруюцца на агульным фундаменце – экспрэсіўнай семантыцы моўных адзінак» [1]. Як далей пазначае аўтар, «семантычная [характарыстыка. – А.К., Т.Н.] з'яўляецца вядучай, асноўнай, а астатнія – другасныя ад яе і знаходзяцца да яе ў адносінах дадатковасці» [1].

Другое пытанне, звязанае з кампанентамі, якія менавіта складаюць змест экспрэсіўнасці, вырашаецца наступным чынам. Часцей за ўсё вызначаюць наступныя кампаненты: інтэнсіўнасць, вобразнасць, эмацыянальная ацэнка, стылістычная маркіраванасць. Падрабязны агляд розных канцэпцый і поглядаў на гэту праблему падае В.А. Маслава ў агульных заўвагах па тэорыі экспрэсіўнасці [2]. Але відавочным з'яўляецца той факт, што амаль усе лінгвісты ўключаюць эмацыянальную ацэнку ў змест экспрэсіўнасці.

Такім чынам, адной з адметных рыс экспрэсіўнага слова з'яўляецца наяўнасць у структуры яго семантыкі эмацыянальна-ацэначнага кампанента. І хаця часам дастаткова цяжка правесці мяжу паміж эмацыянальнасцю і ацэначнасцю, гэты кампанент не з'яўляюцца непадзельным утварэннем. Як вядома, ацэнка неабавязкова суправаджаецца «эмацыянальнай афарбоўкай» [3]; яна можа быць і рацыянальнай, і эмацыянальнай.

Аснова рацыянальнай ацэнкі – «прынцып нормы як ідэальнага стану аб'екта ацэнкі», пар. рус. *глупые люди, работающие женщины, высокие мужчины* [3, с. 21–22]. У той самы час эмацыянальная ацэнка звязана са стэрэатыпам, а не з нормай. Маючы іншую падставу для свайго з'яўлення, эмацыянальная ацэнка быццам накладаецца на рацыянальную. Як пазначае В.М. Тэлія, «эматыўна афарбаваныя значэнні маюць сваю адметную прымету – яны ўсе прайшлі праз другасную намінацыю, здабыўшы ў гэтым працэсе ... матывацыю» [3, с. 22]. З гэтага можна зрабіць выснову, што словы, якія змяшчаюць у сваёй семантыцы эмацыянальна-ацэначны кампанент, – матываваныя словы. Аднак гэтая матываванасць можа быць рознай.

Сярод сродкаў рэалізацыі эмацыянальнай ацэнкі ў семантыцы слова вызначаюць: знешнюю форму слова (з'явы гукапераймання ці гукасімвалізму); унутраную форму слова; экспрэсіўныя афіксы, матываванасць у словаўтваральных дэрыватах; семантычную вытворнасць у семантычных дэрыватах [1, с. 12].

З'яўленне ацэнкі ў структуры вытворнай лексемы – працэс больш-менш відавочны. Часцей за ўсё ацэначны кампанент альбо змяшчаецца ў семантыцы матывавальнага слова (пар. *басяк*), альбо ўводзіцца словаўтваральным фармантам (пар. *пісака*). Больш складанымі падаюцца механізмы ўзнікнення падобнага кампанента ў словах, якія з пункту гледжання сучаснай мовы з'яўляюцца невытворнымі, альбо ў тых выпадках, калі матывавальная аснова дэтымалагізавалася.

Сапраўднай стыхіяй існавання эмацыянальна-ацэначных слоў з'яўляецца звычайнае паўсядзённае маўленне. У слоўніках стылістычныя паметы вельмі часта суправаджаюць уласна ацэначныя, гл., напрыклад, паметы пры вытворных і невытворных словах бел. *лайдак – разм., неадабр.* (ТСБЛМ, 311), *падбрэхваць – перан., разм., пагард.* (ТСБЛМ, 409) альбо рус. *выхвалить – разг., неадабр.* (БТСРЯ, 187), *дебил – разг. бранно* (БТСРЯ, 244) і інш. Таму, як падаецца, у некаторых выпадках эмацыянальна-ацэначная афарбоўка ўзнікае нахштальт іскры паміж палярнымі элементамі. Значэнне з такім кампанентам развіваюць словы высокага стылю, перадусім царкоўна-славянскія альбо словы сакральнага стылю, трапляючы ў размоўную плынь, параўнайце, напрыклад, памету да слова *анафема – церк., в просторечии употребляется как бранное слово* (БАС I, 134). Такім жа чынам гэтае слова функцыянуе ў беларускай мове.

Нешта падобнае назіраецца ў выпадку іншамоўнай лексікі: адзінка чужой моўнай сістэмы мае ўсе мажлівасці набыць эмацыянальна-ацэначны кампанент семантыкі. У мове могуць назірацца два слаі падобных слоў: частка з іх трапляе з дыялектаў, як, напрыклад, беларускія балтызмы *бамбіза* (ТСБМ, 337) ці рускія цюркізмы *кавардак* [4], *каюк* [4, с. 238]. З другога боку, вытокамі ацэначных сродкаў выступае кніжная мова, пры гэтым запазычанае слова ўспрымаецца як больш эмацыянальнае, пар. *данос – кляуза*. Як адзначаў В.У. Вінаградаў, «экспрэсіўныя фактары, цяга да эмацыянальна-афарбаваных слоў, імкненне выкарыстоўваць чужыя гукавыя спалучэнні, падчас какафемістычныя – для выражэння розных пачуццяў і ацэнак – часта накіроўваюць увагу на іншамоўныя словы і выражэнні» [5].

У гэтым выпадку таксама ўключаецца механізм асэнсавання формы слова як «нязвыклай» камбінацыі гукаў» [6], які таксама дадае слову дадатковыя мажлівасці ў прыдбанні эмацыянальна-ацэначнага кампанента. Гэты механізм можа існаваць у чыс-

тым выглядзе, не падмацаваны на семантычным узроўні. Экспрэсіўны кампанент, які паўстае ў такі спосаб, можна ўгледзець у словах *фіфа*, *фрѣ* і інш. Запазычаная лексіка хуткімі крокамі набліжаецца да падобных гукасімвалічных утварэнняў, паколькі мы ўжо не ведаем, што слова *мымра* звязваецца з пермяцкім *мыныра* ‘пануры’ [7], мала хто з носьбітаў рускай мовы можа растлумачыць паходжанне слова *шантрапа* альбо *каналья*, а этымалогія лексемы *фанаберія* незразумелая нават навукоўцам. Дээтымалагізацыя прыводзіць да таго, што запазычанае слова ў мове-рэцыпіенце пачынае ўжывацца зусім у іншым значэнні. Вось адзін прыклад – беларуская лексема *лярва*. На інтэрнэт-форуме TUT.VU можна сустрэць наступны дыялог¹:

– *А хто ведае як па-расейску будзе «лярва»? ... Ужо ж падзякую!...*

– *Лярва, шлэндра, шлюха – адное й тое ж. Можцаце прыдумаць некалькі сінонімаў да апошняга ў рускай мове.*

– *Дзякую! Але я раней лічыў што «лярва» па-руску гэта «лічінка» (гэта ж сколькі нявінных істот я паўкрыўдзіў?!.. ёмаё!*

Дарэчы, дапытлівы інтэрнаўт не зусім не меў рацыі, ужываючы згаданае слова ў значэнні ‘лічінка’, паколькі менавіта такі сэнс яно мае ў польскай мове, а ў лаціне – зыходнай мове – значыць ‘злы дух, здань, шкілет, маска, морда’ [8].

Увогуле эмацыянальна-ацэначным словам, як і іншым лексемам, уласцівы працэс пазбаўлення ўнутранай формы. Гэта датычыцца не толькі згаданых вышэй запазычаных слоў, але і ўласных, такіх, як, напрыклад, бел. *боўдзіла*, *сволач*, *падла* і інш. Менавіта сярод такіх сродкаў выражэння эмоцый вярбуюцца інвектывы, лексемы, адарваныя ад якасцей названай асобы, якія «ўжываюцца толькі з мэтай прынізіць, зняважыць таго, каму адрасаваная, і адлюстроўвае эмацыійны стан моўцы» [8, с. 43]. Такім чынам, пазбаўленне ўнутранай формы стварае падставы дэсемантызацыі лексемы і ўжыванне яе толькі з эмацыянальна-ацэначным кампанентам. Гэта можа быць яшчэ адным аргументам на карысць таго, што, хаця эмацыянальна-ацэначны кампанент паўстае на падставе лексічнага значэння, але не з’яўляецца яго інтэгральнаю часткай і можа існаваць пасля знікнення лексічнага значэння, самастойна фарміруючы план зместу слова.

І, наадварот, у гісторыі слоў назіраюцца цікавыя выпадкі з’яўлення экспрэсіўнага кампанента дзякуючы народнай этымалогіі. Так, лексема *похерить* / *пахерыць* вельмі часта ўспрымаецца носьбітамі рускай і беларускай моў не толькі як экспрэсіўнае ўтварэнне, але і як інвектыў, дзякуючы другаснаму асэнсаванню яе ўнутранай формы. Вось піша адзін з карыстальнікаў расійскага Інтэрнэта²: *Несколько оторопел, потому что словом похерить хоть сам и не пользуюсь, но часто встречаю и привык видеть у него нецензурный корень*. А гэта інтэрнэт-дыялог у беларускай версіі³. Адзін з яго ўдзельнікаў заўважае, крытыкуючы запрапанаваны ў выданні пераклад: *Пахерылі? Гэта піша Магістр у лісце да кіраўніцтва Ордэна? У нямецкім тэксце aufträumen – абсалютна бяскрыўднае ‘скасавалі лозунгі’. Напэўна, гэта незразумелая мне гульня перакладчыцкіх перлаў? Ці гарэзлівасць Майстра Перакладу? У вашых асобніках таксама пахерылі. Яму адказваюць: *Бяскрыўднае, нейтральнае некалі слоўка**

¹ <http://forums.tut.by/showflat.php?Board=socleader&Number=7817068&Main=2171543>

² <http://livehh.ru/zamulla/tags/literatura>

³ http://community.livejournal.com/by_pieraklad/38865.html

цяпер мае, вядома, іншую канатацыю, але, думаю, у выпадку гэтага твора *пахерыць* – цалкам дапушчальны выраз. Гэта сапраўды так, выраз, як вядома, паходзіць ад назвы літары *X* у царкоўнаславянскім алфавіце, знака, якім перакрэсліваецца непатрэбны тэкст.

Нягледзячы на рэпрэзентаваныя вышэй аднолькавыя працэсы, якія фарміруюць выражэнне экспрэсіўнай эмацыянальнай ацэнкі ў беларускай і рускай мовах, паміж мовамі ў гэтай галіне можна знайсці пэўныя адрозненні. Безумоўна, кожная мова мае свае, уласцівыя толькі ёй, ацэначныя сродкі, такія, напрыклад, як *цётухна* з характэрным менавіта для беларускай мовы памяншальна-ласкавым суфіксам, бел. *даўбня* ‘пра тупога, някемлівага чалавека’ альбо *лярва* ‘жанчына непрыстойных паводзін’ і інш., а ў рускай, напрыклад, *дохляк*, *лахудра*, *наушник*. У гэтых выпадках адрозненні ахопліваюць усе структуры слова, пачынаючы ад плана выражэння. Але існуюць і больш тонкія адрозненні.

Так, у беларускай мове лексема *асэсар* набывае значэнне з адценнем іроніі, якога няма ў адпаведнага рускага слова – ‘важны, уплывовы чалавек’, параўнайце наступны фрагмент: *Першы раз як ён на Каляды прыехаў з гораду да пана, дык яго бацькі зараз жа прыляцелі на панскі двор і доўга адстойвалі ў кухні, пакуль сыноч з’явіўся к ім. Шчасцю іх канца не было, як угледзелі яго ў чорных суконных вопратках з бліскучымі гузікамі, – якраз асэсар!* (З. Бядуля). Падобную экспрэсіўную метафару менавіта ў беларускай мове можна растлумачыць тым, што тут, на перыферыі Імперыі, у адрозненне ад цэнтра, нават да аднаго з ніжэйшых чыноў ставіліся з большай павагай, што лёгка стварала мажлівасць іроніі.

Аднак у іншых выпадках складана знайсці прычыны адрозненняў. Беларуская лексема *баль* набывае, у адрозненне ад адпаведнага рускага слова, значэнне ‘нястрыманы разгул чаго-н.’ (ТСБЛМ, 80). Цяжка растлумачыць, чаму так адбываецца. Адзначалася, што ў рускай мове «са словам *ішак*, напрыклад, асацыіруецца ўяўленне пра гатоўнасць пакорліва працаваць..., а са словам *асёл* – яго дакладным сінонімам у галоўным значэнні – уяўленне пра упартасць і тупасць» [9]. У беларускай мове па дадзеных тлумачальнага слоўніка абодва словы могуць азначаць упартага неразумнага чалавека (ТСБМ, 365, 279).

Канешне, у падобных выпадках заўсёды трэба рабіць папраўку на чалавечы фактар, на тое, што значэнні падаюцца праз прызму свядомасці лексікографа. Так, ужо ў навейшым «Тлумачальным слоўніку сучаснай беларускай літаратурнай мовы» лексемы *асёл* і *ішак* раздзяляюцца па ацэначным значэнні так, як у рускай мове (ТСБЛМ, 69, 260). Вось яшчэ прыклад: слоўнік падае лексему *басурман* (ТСБМ, 348) з паметай *лаянк*. у значэнні ‘пра несумленнага чалавека’. Але шматлікія прыклады выказваюцца на карысць больш мяккай экспрэсіўнай ацэнкі, параўнайце з наступным прыкладам пра свавольнага, жвавага хлопчыка: *Што ты тут скажаш Міколку? Нічога. І, выязджаючы ў чарговую паездку на пуць, бацька толькі прасіў усіх знаёмых счэпчыкаў і стрэлачнікаў на станцыі:*

- *Вы, браткі, пільнуйце хаця, каб не трапіў мой басурман на рэйкі!*
- *Дзе ты яго ўпільнуеш, блыху? (М. Лынькоў).*

Неабходна таксама браць пад увагу той факт, што, як і іншыя словы, эмацыянальна-ацэначная лексема з цягам часу можа змяніць значэнне. Часта гэта

праяўляецца ў павышэнні ці, наадварот, аслабленні напружанасці ацэнкі. Так, напрыклад, слова *абармот* у беларускай мове яшчэ з сярэдзіны XX стагоддзя выкарыстоўвалася для вельмі жорсткай характарыстыкі, параўнайце: *Бандыцкаму фюрэру, крываваму людаеду, сусветнаму абармоту і прахвосту, дурному Адольфу Гітлеру – пішуць беларускія партызаны з атрада Бацькі Міная* (К. Чорны, А. Астрэйка). Аднак пазней ацэнка змягчаецца, і гэтакія слова мы знаходзім у вершыку Р. Барадуліна:

*І крот,
Вядомы абармот,
Знайшоў
Нарэшце вочы.
Ці пазяхае бегемот? –
Дазнацца дужа хоча.*

Не такая вялікая адлегласць раздзяляе гэтыя два словаўжыванні, але змяненні відавочныя. Таксама, безумоўна ацэначнае, рускае слова *проходимец*, якому ўжо ў слоўніку пад рэд. Д.М. Ушакова (1938 г.) даецца тлумачэнне ‘чалавек, здольны да ўсялякіх несумленых учынкаў’ (ТСРЯ III, 1039), у слоўніку У. Даля ў рэдакцыі І. Бадуэна дэ Куртэнэ (1903–1909) прыводзіцца ў наступным артыкуле: «*Проходец* м. црк. скиталец, бродзяга, проходим, проходимец, проходимка в значении: странник, путник, особ. идущий на поклонение, паломник» (10 III, 1372), што сведчыць пра яго нейтральную афарбоўку [10].

Увогуле працэс семантычнага развіцця, знікнення і з’яўлення новых экспрэсіўна-ацэначных лексем у мове жывы і, быць можа, больш актыўны ў параўнанні з іншымі пластамі лексікі. Гэта тлумачыцца тым, што, хаця звычайна чалавек у працэсе камунікацыі абмежаваны этычнымі і эстэтычнымі нормамаі, даволі часта сітуацыя зносін падштурхоўвае яго да ўжывання вялікай колькасці названых адзінак, іх канцэнтрацыі на невялікім адрэзку маўлення, як, напрыклад, у наступным фрагменце: *Ах, ёлупень! Ах, бесталач, асталоп, паўдур’е, медны лоб, ёлуп хваішчоўскі! Ты правільна, бо змяя віецца і вінтавая лесвіца віецца, вырашыў навіваць пергаментную стужку на нейкі прадмет. І не стукнула ў мякінную тваю галаву, чаму «дымам»? (У. Караткевіч). Ужо тут знаходзім слова *паўдур’е*, якое не фіксуецца слоўнікамі беларускай мовы. А выказванні, для якіх эмацыянальна-ацэначная функцыя з’яўляецца асноўнай, будуць змяшчаць і большую колькасць не фіксаваных слоўнікам слоў, параўнайце фрагмент з ужо цытаванага «Лісту беларускіх партызанаў да Гітлера» (К. Чорны, А. Астрэйка): *Берлінская ты свіння, цірольскі шчанюк, смярдзючы разнік, нямецкі асёл, абдрыпаны свінюк, і будзе табе скора каюк, пляскатая тупіца, трыбухатая падла, пісклявы ты брахун і вялікі ты дурань. Бо каб ты хоць крыху быў разумнейшы, дык ты мог бы падумаць, што не табе зачэпацца з намі. Не такіх у нас бачылі і галаву ім мылілі. А ты думаў, што ў нас не знойдзецца сілы, каб расквасіць тваю віславухую даўбежку? Хіба дрэнна табе пад Масквой нашы растаўклі нюхаўку?* Усіх падкрэсленых назоўнікаў у слоўніках беларускай літаратурнай мовы няма.*

Заклучэнне. У выніку зазначым, што лексіка, з дапамогай якой мовазнаўцы здольныя выказаць негатыўную эмацыянальную ацэнку, знаходзіцца ў працэсе сталага змянення. Гэта адбываецца з прычыны актуалізацыі адных сем і страты другіх

у семантыцы эмацыянальна-ацэчнага слова. Прычынамі вар'іравання сем, якія ствараюць вышэйадзначаны кампанент, з'яўляюцца працэсы пазбаўлення ўнутранай формы слова; рэфлексіі над уласным маўленнем, калі асобныя спалучэнні гукаў прадстаюць як нязвыклыя; а таксама ў выніку народнай этымалогіі, дзякуючы другаснаму асэнсаванню ўнутранай формы слова. Прычынай з'яўлення эмацыянальна-ацэчнага кампанента ў семантыцы слова могуць стаць факты запазычання слоў, пераходу слоў высокага стылю, а таксама дыялектызмаў у моўную плынь.

Усё гэта сведчыць пра тое, што актыўны і цікавы для даследчыка працэс з'яўлення і функцыянавання ў мове эмацыянальна-ацэчных лексем патрабуе пастаяннага маніторынгу і лінгвістычнага даследавання.

Л і т а р а т у р а

1. Языковые категории в лексикологии и синтаксисе / отв. ред. Н.А. Лукьянова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. – С. 7.
2. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В.А. Маслова. – Минск: Выш. шк., 1997. – С. 12–19.
3. Человеческий фактор в языке. Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия [и др.]; Ин-т языкознания; под общ. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1991. – С. 44.
4. Аникин, А.Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из урал., алт. и палеоазиат. яз. / А.Е. Аникин. – Новосибирск: Наука; Сиб. изд. фирма, 2000. – С. 230.
5. Виноградов, В.В. История слов: ок. 1500 слов и выражений и более 5000 слов, с ними связанных / В.В. Виноградов. – М.: Рос. акад. наук, Отд-ние лит. и яз., Науч. совет «Рус. яз.», Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 1999. – С. 775.
6. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1986. – С. 13.
7. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь: ок. 200 000 слов и словосочетаний / И.Х. Дворецкий. – 6-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 2000. – С. 776.
8. Доўгаль, А. Сродкі выражэння эмоцый у сучаснай беларускай мове / А. Доўгаль. – Мінск: Тэхналогія, 2008. – С. 441.
9. Апресян, Ю.Д. Избранные труды: в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры». Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. – Т. 1: Лексическая семантика: Синонимические средства языка. – С. 67.
10. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Репринт; воспроизведение изд. 1903–1909 гг., осущ. под ред. И.А. Бодуэна-де-Куртенэ. – М.: Прогресс; Универс, 1994.

Спіс прынятых скарачэнняў

- БАС – Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (гл. ред.) [и др.]. – М.–Л.: Изд-во Академии наук, 1950–1965.
- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; авт. и рук. проекта, сост., гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: АО «Норинт», 2003. – 1534 с.
- СРЯ – Словарь русского языка: в 4 т. / редкол.: А.П. Евгеньева (гл. ред.) [и др.]. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985.
- ТСБЛМ – Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. М.П. Судніка, М.Н. Крыўко. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 784 с.

ТСБМ – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: у 5 т. / пад агульн. рэд. К.К. Атраховіча. – Мінск: БелСЭ, 1977–1984.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Государств. изд-во иностр. и национ. словарей, 1935–1940.

S U M M A R Y

The article is devoted to the expression of negative affective evaluation through lexical means. The examples of the lexemes in the article are taken from Russian and Belarusian classics and also from the up-to-day language of Internet users.

Поступило 31.12.2009

УДК 811.161.1'373

Женский городской антропонимикон 2-й половины XX в.: динамика, тенденции развития

А.М. Мезенко, Т.В. Скребнева

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Статья посвящена выявлению основных тенденций развития и особенностей динамики женского городского антропонимикона 2-й половины XX в. Материалом для исследования послужили акты о рождении г. Витебска за 1941–44 – 1994 гг., собранные на 6 хронологических срезах с интервалом в 10 лет (17816 единиц).

Устанавливается количественный состав женского именника на разных контрольных срезах, характеризуются статистические группы личных имен (популярные, редкие, единичные имена).

Делается вывод, что женский городской антропонимикон на современном этапе выходит на новую стадию развития, для которой характерны тенденция к увеличению числа имен, снижение уровня концентрации, рост антропонимной периферии за счет повышенного внимания языкового коллектива к заимствованным и редким календарным именам.

Подчеркивается общность тенденций развития женской и мужской подсистем антропонимикона, при этом в качестве отличительной особенности женского именника выделяется его повышенное стремление к разноименности.

Изучение имен собственных как составной части общей языковой системы имеет исключительно важное значение не только для ономастики, но и для всей лингвистической науки. Современный антропонимикон, который обеспечивает наши потребности в номинации и общении, обмене информацией, представляет собой сложную систему связей и отношений онимических фактов, разных в плане динамики, происхождения, структуры.

Антропонимы в силу их способности аккумулировать лингво-, социо-, этнокультурный опыт всегда привлекали внимание филологов. Вместе с тем в современных реалиях наблюдается асимметрия в исследовании социокультурных, прагматических, когнитивных механизмов употребления антропонимов, с одной стороны, и динамики региональных именословных систем – с другой. Несмотря на сокращение числа региональных изысканий, актуальность последних не ослабевает по причине неравномерной исследованности антропонимии восточных славян: в частности, отсутствуют обобщающие работы, раскрывающие закономерности развития современного городского антропонимикона белорусов, тогда как в России и Украине соответствующей проблематике посвящен ряд кандидатских диссертаций (И.В. Даниловой, Л.П. Зайчиковой,

С.П. Павелко, Н.О. Свистун и др.).

Целью данной статьи является установление динамических особенностей и тенденций развития женской подсистемы антропонимикона современного белорусского города.

Материал и методы. Материалом для исследования послужили актовые записи о рождении г. Витебска во 2-й половине XX в. (1941–44 – 1994 гг.; **17 816** единиц), собранные на 6 хронологических срезах, отстоящих друг от друга на 10 лет.

В основу исследования была положена методика В.Д. Бондалетова [1], позволяющая выделить статистические части именника (популярные, редкие, единичные имена) путем соотнесения частотности антропонимных единиц со *средним коэффициентом одноименности (СКО)*; представляет собой частное от деления общего числа новорожденных на количество имен конкретного хронологического среза). Чем ниже показатель СКО, тем разнообразнее репертуар имен и ниже концентрация именника.

Результаты и их обсуждение. Результаты анализа динамики женской подсистемы именослова горожан дают основания для проведения аналогии с динамикой мужской подсистемы, однако проявление общих тенденций не исключает некоторых различий, одним из которых является большее стремление женского именника к разноименности.

За период 1941–44 – 1994 гг. **8608** новорожденным девочкам было присвоено **211** личных имен, что на **64** единицы превосходит сумму мужских именовании (**147**). Максимальная разница между мужским и женским антропонимным репертуаром приходится на контрольный срез 1994 г. и составляет **22** единицы, а минимальная – **7** единиц – на срез 1964 г. Концентрация женской части именослова во 2-й половине XX в. вплоть до 80-х гг. непрерывно возрастает и по своей интенсивности уступает показателям мужской части. Только единожды – как следствие специфичности реакции разных гендерных составляющих регионального антропонимикона на либерализацию социальной атмосферы во время хрущевской «оттепели» (срез 1964 г.) – остановка тенденции к концентрации и расширение границ мужского именослова (СКО за десятилетие 1954–1964 гг. поднимается всего на **1** пункт) происходит на фоне методичного (на **4** пункта) роста СКО в группе женских имен. И, наоборот, тяготение мужской части постсоветского городского антропонимикона к разноименности также проявляется с большей интенсивностью (снижение СКО в 1990-е гг. составляет **12** единиц для женской подсистемы, **15** – для мужской). Итоги комплексного исследования динамики СКО именника жителей г. Витебска представлены нами в табл.

Таблица

**Динамика среднего коэффициента одноименности витебского
городского антропонимикона**

Срез	Всего новорожд.	Девочек	Женск. имен	СКО (жен.)	Мальчи- ков	Мужск. имен	СКО (муж.)
1941–44	958	471	83	5	487	65	7
1954	3141	1579	81	19	1562	62	25
1964	3465	1706	73	23	1759	66	26
1974	4214	1996	72	27	2137	59	36
1984	3872	1851	83	22	1979	68	29
1994	2166	1005	99	10	1120	77	14

Примечание. 1974 г. – **81** мертворожденный, 1984 г. – **42** мертворожденных, 1994 г. – **41**. Мертворожденные младенцы до 1974 г. получали имя и учитывались в общем количестве новорожденных мальчиков и девочек. С 1974 г. им не присваивается имя и, следовательно, они не учитываются при расчете СКО, что приводит к несовпадению суммы новорожденных каждого пола (столбцы «Девочек», «Мальчиков») и данных столбца «Всего новорожденных».

Список устойчивых личных именованных, обеспечивающих антропонимную преемственность разных поколений, традиционен и включает в себя **25** номинативных единиц (**11,84%** от общего репертуара женских имен; сравним: в мужской подсистеме – **19,04%**): *Александра, Алла, Анна, Антонина, Валентина, Галина, Диана, Евгения, Екатерина, Елена, Жанна, Зоя, Ирина, Лидия, Лилия, Любовь, Людмила, Маргарита, Мария, Надежда, Наталья / Наталия, Нина, Ольга, Светлана, Татьяна*. Несложно заметить, что важнейшим условием его традиционности выступает использование имен православного календаря, в котором из всех перечисленных личных антропонимов не отмечены только **два** – *Диана* и *Жанна*.

Особый интерес вызывают имена широкого употребления, составляющие ядро антропонимной системы. Применительно ко всему изучаемому синхроническому срезу в число десяти самых популярных имен входят *Татьяна* (**779** – **9,05%** новорожденных), *Елена* (**725** – **8,42%**), *Наталья / Наталия* (**713** – **8,28%**), *Светлана* (**588** – **6,83%**), *Ольга* (**587** – **6,82%**), *Ирина* (**521** – **6,05%**), *Людмила* (**362** – **4,20%**), *Галина* (**332** – **3,85%**), *Валентина* (**252** – **2,92%**), *Юлия* (**232** – **2,69%**).

Состав и удельный вес частых женских имен на каждом срезовом этапе следующие:

1941–1944 гг.: *Галина* (66 фиксаций), *Валентина* (42), *Тамара* (33), *Людмила* (24), *Лариса* (24), *Нина* (22), *Надежда* (19), *Мария* (18), *Зинаида* (15), *Вера* (15), *Любовь* (14), *Светлана* (13), *Лилия* (11), *Раиса* (9), *Татьяна* (8), *Ольга* (8), *Лидия* (8), *Наталья / Наталия* (6), *Жанна* (6), *Анна* (6), *Алина* (5), *Александра* (5).

1954 г.: *Галина* (170), *Людмила* (162), *Татьяна* (151), *Валентина* (130), *Светлана* (97), *Наталья / Наталия* (91), *Алла* (68), *Тамара* (67), *Лариса* (62), *Надежда* (59), *Любовь* (49), *Ольга* (41), *Вера* (40), *Анна* (34), *Ирина* (32), *Раиса* (28), *Елена* (23), *Зоя* (22), *Лилия* (21), *Нина* (21), *Мария* (19).

1964 г.: Елена (230), Ирина (206), Татьяна (188), Светлана (177), Наталья / Наталия (130), Ольга (79), Людмила (77), Галина (65), Алла (60), Валентина (49), Лариса (45), Марина (43), Инна (41), Жанна (36), Любовь (24), Инесса (23), Оксана (23).

1974 г.: Наталья / Наталия (299), Елена (265), Татьяна (244), Светлана (202), Ольга (167), Ирина (142), Оксана (79), Людмила (69), Марина (50), Инна (42), Жанна (37), Юлия (29), Надежда (27).

1984 г.: Ольга (247), Татьяна (158), Елена (157), Наталья / Наталия (145), Юлия (138), Ирина (115), Анна (99), Екатерина (90), Марина (89), Анастасия (79), Светлана (79), Виктория (49), Надежда (41), Алеся / Олеся (34), Людмила (27), Мария (26), Александра (22), Кристина (22).

1994 г.: Анастасия (102), Екатерина (71), Юлия (60), Анна (51), Кристина (48), Виктория (46), Елена (46), Ольга (45), Мария (44), Наталья / Наталия (42), Дарья / Дария (41), Татьяна (30), Александра (28), Валерия (28), Марина (28), Ирина (25), Яна (22), Светлана (20), Вероника (17), Ксения (13), Алина (11), Карина (11), Оксана (10).

Антропонимический вопрос о культурной истории популярных имен чрезвычайно сложен и многоаспектен. В пространстве русской культуры одно из немногочисленных исследований подобного рода [2] посвящено происхождению и судьбе имени *Светлана*. Росту симпатий языкового коллектива к этому имени способствовал ряд факторов общественного характера: память об известной балладе В.И. Жуковского, несомненная благозвучность и соответствие модели других русских женских антропонимов на *-на* (*Татьяна, Елена, Ирина*). «В условиях социалистической действительности произошло частичное переосмысление этого имени – оно получило дополнительную, «советскую», окраску, согласуясь с новой символикой понятия *светлый* и ассоциируясь с новой символикой понятия *свет* (*свет коммунизма, светлый путь, светлое будущее* и пр.), что, соответствуя романтическим настроениям времени, безусловно, импонировало молодым родителям» [2, с. 341]. Помимо всего прочего, *Светлана* стала одним из самых любимых имен культурной и партийной советской элиты. Пережив успех в «элитных» кругах, *Светлана* уверенно «шагнула» в народ: по данным Е.В. Душечкиной, расцвет ее популярности в России приходится на 50–60-е гг. XX в., а медленное угасание, сопровождаемое ощущением «банальности», «истрепанности», начинается с 1970-х годов [2, с. 341, 353–354]. Применительно к витебской антропонимной системе следует уточнить, что имя *Светлана* продержалось на необычайной высоте не просто «более двух десятилетий» [2 с. 354], а ровно полвека (1941–44 – 1984 гг.), только в 1990-е гг. спустившись на пятнадцатую строчку антропонимного рейтинга. Для сравнения: в женском именнике г. Барнаула за восьмидесятилетний период развития *Светлана* только дважды (в 30–40-е и 80-е гг. XX в.) входит в список частых имен (и ни разу в его первую десятку) [3, с. 298–299].

Несмотря на консервативность витебского именованослова, его ядерная часть на протяжении шестидесяти лет претерпевает существенное обновление. Каждое десятилетие в десятку самых популярных женских имен проникают в среднем **3** новые антропонимные единицы (в мужскую десятку – от **1** на срезе 1954 г. до **5** (срезы 1964, 1994 гг.), что приводит к совпадению списка лидирующих антропонимов 1941–1944 и 1994 гг. только в одном имени – *Мария*. Витебский репертуар имен повышенной популярности на

хронологически близких отрезках обладает определенным сходством с репертуаром россиянок (Смоленск, Барнаул [4; 3]) и украинок (Одесса [5, с. 12–13]): на контрольном срезе 40-х гг. XX в. общими для них являются **4** (*Галина, Валентина, Тамара, Людмила*), 50-х – также **4** (*Валентина, Галина, Татьяна, Наталья*), 60-х – **5** именований (*Людмила, Татьяна, Наталья, Елена, Ирина*). В 70-е годы к стабильно общей четверке *Татьяна, Наталья, Елена, Ирина* добавляется *Ольга*, а в 80-е – *Юлия, Анна, Екатерина*. К концу XX в. (1994 г.) качественное совпадение десятки частотных женских именований в белорусском и российском (барнаульском) локальных антропонимиконах составило **80%** (**8** единиц): *Мария, Юлия, Елена, Ольга, Анна, Екатерина, Анастасия, Дарья*. Проиллюстрированное синхроническое усиление сходства ядерной группы личных антропонимов предположительно может быть вызвано углублением модных влияний в сфере номинации. Тем не менее белорусский женский именовослов 1940-х гг. отличается от российского и украинского повышенной востребованностью знаменитой греческой триады *Вера–Надежда–Любовь*, 1950-х – более широкой употребительностью имен *Лариса* и *Алла*, 60-х – тридцатилетней историей (1941–44 – 1964 гг.) пребывания в активном антропонимном фонде *Галины, Валентины*.

Об антропонимических процессах можно судить и на основании исследования редких и единичных имен, обеспечивающих разнообразие именной системы. Для выявления характерных особенностей функционирования редких / единичных именований в женской и мужской частях антропонимикона особенно показательными являются следующие группы личных имен: имена-гипокористики, искусственные имена, заимствования.

Остановимся подробнее на описании каждой из выделенных групп.

Гипокористики получили наибольшую продуктивность в женском именнике 1940–1950-х гг., когда их количество достигало соответственно **13** и **8** единиц (сравним: 1964 г. – **1**; 1974, 1984 гг. – по **2**; 1994 г. – **3**). В 1940-е гг. основная масса сокращенных форм имела мягкую основу (**8** единиц: *Леся, Тоня, Люся, Маланя, Лиля, Аля, Геля, Нэля*). В 50-е гг. зафиксировано уже только **3** имени-гипокористики с мягкой основой (*Нэля, Люся, Броня*), преимущественное распространение получают «твердые» формы (*Тауса, Мина, Ксана, Симма, Лора* ← *Лариса* либо аббревиатура из первых букв словосочетания *Ленин и Октябрьская революция*). Антропонимный материал 1960–1970-х гг. демонстрирует абсолютное употребление «твердых» форм (*Рита, Сана*), а 80-х – их равное количество с «мягкими» (*Вита, Ася*). В мужском именнике за всю 2-ю половину XX в. обнаружено всего **2** сокращенных имени: *Алик, Макс* (оба с основой на твердый согласный; 1954 г.). Понимая некоторую условность предлагаемого объяснения, отметим, что подобная диспропорция в числе мужских и женских гипокористических имен может быть связана с нормами традиционной маскулинности и фемининности. Базисными для традиционного мужского стереотипа исследователи называют три основных фактора: «... статус (потребность в достижении успеха и уважении других), твердость, непоколебимость (внутренняя сила и уверенность в себе), отрицание фемининности...» [6, с. 166]. Полные имена, включающие в свой семантический инвариант компонент серьезный («я хочу говорить с тобой так, как не говорят с детьми...»), маркированные формы) либо квази-серьезный («я не хочу говорить с тобой

так, как говорят с детьми», немаркированные формы) [7, с. 111–112], в официальном контексте полностью вписываются в стереотип маскулинности, поскольку они не маркируют близость. Семантический же инвариант кратких основ включает отсылку к детям, а их мягких форм – еще и отсылку к хорошим чувствам, что, думается, нехарактерно для именованной мужчины в официальной ситуации, так как противоречит стереотипным маскулинным свойствам. Аналогично истолковывается тенденция к возрастанию употребительности твердых кратких форм женских имен: по справедливому замечанию А. Вежбицкой, они «ближе к немаркированным полным именам» [7, с. 114], в отличие от мягких форм, не ассоциируются с «мягкими», теплыми семейными терминами (типа *тётя, дядя, няня*).

Искусственные имена представляют собой плод индивидуального номинативного творчества и отличаются от ядерных именных моделей наличием «непригашенного» апеллятивного значения. Несмотря на нерегулярность искусственных единиц номинации, степень их продуктивности в мужском и женском корпусе именованных различается: соотношение искусственных антропонимов, использованных при наречении мальчиков и девочек на протяжении 2-й половины XX в., составило **1:7**. Единственный случай самостоятельного имятворчества родителей в мужской подсистеме городского антропонимикона зафиксирован в 1994 г. в семье цыган (*Граф*). Современный женский именной содержит 7 отапеллятивных производных: *Ветвина* (1943 г., семья белорусов, отец – колхозник, мать – домохозяйка), *Лира* (1954 г., русско-белорусская семья, отец – техник-геофизик, мать – преподаватель), *Таина* ← *тайна?* с изменением фонетико-акцентуационного облика слова (1974 г., белорусы, отец – электромонтажник, мать – контролер ОТК); *Русалина, Алмаза* (1994 г., оба имени зарегистрированы в цыганской среде), *Карина* (в 1990-е годы входит в фонд частых имен; в армянских семьях встречается в форме *Каринэ*).

Одним из наиболее продуктивных способов расширения границ национального именослова является заимствование. На Витебщине в XX в. иноязычные имена присутствуют постоянно, ибо этому широко способствует и географическое положение региона, и его смешанный национальный состав. Устойчивый репертуар иноязычных личных именованных в основном включает в себя антропонимы, отобранные русским / белорусским языками и распространенные в российских локальных антропонимиконах: четыре десятилетия бытования в периферии витебского именника 2-й половины XX в. насчитывает *Эмилия* (срезы 1954, 1974, 1984, 1994); по три – *Альбина* (1944, 1984, 1994) и *Анжела* (1964–1984), *Виолетта* (1974–1994) и *Илона* (1964, 1974, 1994), *Инга* (1974–1994) и *Эльвира* (1944, 1964, 1994). В разные периоды единично зафиксированы заимствования из восточных (*Алия, Айгун, Гюльнара, Залина, Лейла, Наринэ, Каринэ, Нанули, Роксана, Тахмина, Мадина*) и современных западноевропейских, в том числе западнославянских языков (*Янина, Геля* ← Гелена, *Ядвига, Снежана, Лиана, Анэля, Дана, Иветта, Клара, Изабелла, Лузия, Розалия, Элеонора, Элла, Грета, Эмма, Лилиана, Жаклина, Ирена, Марианна, Виргиния* и мн. др.), причем заметное увеличение последних относится к периоду «перестройки» и соответствует современным тенденциям в развитии апеллятивной лексики.

Сопоставление статистической организации мужской и женской частей антро-

понимикона во второй половине XX в. обнаружило, во-первых, сходство в удельном весе частых имен (самое большое расхождение количественных показателей на контрольном срезе 1974 г. составляет **3,89%**), во-вторых, значительное расхождение в динамике удельного веса первой пятерки лидирующих антропонимов в 50-е (среди новорожденных мальчиков – **50,26%** имяносителей, девочек – **44,97%**) и 70-е годы (**58,97%** / **50,54%**). Амплитуда колебаний антропонимной периферии достигает «пиковых» точек в 50-е (резкое сокращение контингента, обслуживаемого единичными именами, в женской подсистеме с **9,34%** до **1,96%**, в мужской – с **4,52%** до **1,34%**) и 90-е годы (его повышение до **4,98%** / **2,14%**), а для группы женских именовании – еще и в 70-е гг., когда рост процентных показателей фонда редких имен приближается к **6%**, выдвигая его на максимальный для XX в. уровень – **16,18%**.

Критические точки в соотношении статистических групп женских личных именовании не всегда совпадают с периодами резких изменений их частотности: так, если расширение репертуара (1974 г. – **29,17%**, 1984 г. – **40,96%**, 1994 г. – **50,51%**) и употребительности редких имен однозначно приходится на 1980–1990-е гг., то период увеличения единичного фонда имен значительно шире, нежели пик его употребительности, и охватывает три десятилетия (1954 г. – **35,80%**, 1964 г. – **41,10%**, 1974 г. – **52,78%**).

Заключение. Итак, на основании проведенного исследования мы приходим к пониманию того, что женский именник, равно как и мужской, на современном этапе выходит на новую стадию своего развития, для которой характерны тенденция к увеличению числа имен, снижение уровня концентрации, усиление выделительной функции имени, рост антропонимной периферии за счет повышенного внимания языкового коллектива к заимствованным и редким календарным именам. Одной из отличительных особенностей женского именовании является стремление к разноименности, обуславливающее повышенное качественное и количественное разнообразие его репертуара, меньшее проявление тенденции к концентрации, меньшую степень употребительности «сквозных» имен.

Л и т е р а т у р а

1. Бондалетов, В.Д. Русская ономастика: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2101 «Рус. яз. и лит.» / В.Д. Бондалетов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.
2. Душечкина, Е.В. Культурная история имени: Светлана / Е.В. Душечкина // Имя: семантическая аура / Ин-т славяноведения РАН; отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 323–360.
3. Васенко, И.С. Динамика женского именника г. Барнаула в XX в. / И.С. Васенко // Ономастика в кругу гуманитарных наук: материалы междунар. науч. конф., Екатеринбург, 20–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург, 2005. – С. 296–301.
4. Королева, И.А. Имена на Смоленщине: история и современность: учеб. пособие по спецкурсам «Русская антропонимика», «Имена смолян: прошлое, настоящее, будущее» / И.А. Королева, И.В. Данилова, А.Н. Соловьев; отв. ред. И.А. Королева. – Смоленск: СГПУ, 2005. – 196 с.
5. Зайчикова, Л.П. Русский именник г. Одессы. Проблемы развития и взаимодействия: автореф. ... дис. канд. филол. наук: 10.02.01 / Л.П. Зайчикова; Одесский гос. ун-т им. И.И. Мечникова. – Одесса, 1986. – 16 с.
6. Митина, О.В. Идеология маскулинности в России: постановка проблемы и экспериментальное исследование / О.В. Митина, А. Касперт, Н.А. Низовских // Общественные науки и современность. – 2003. – № 2. – С. 164–176.

7. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание [сб. ст.: пер. с англ.] / А. Вежбицкая; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М.: Рус. слов., 1997. – 411 с.

S U M M A R Y

The article deals with revealing of the main tendencies of development and peculiarities of the dynamic processes of female urban anthroponimicon in the second half of the XXth century.

Поступило 16.03.2010

УДК 802.0-3+808.2-3

Экспрессивная характеристика сбирательности в русском и английском языках

И.А. Григорик

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Дается обзор литературы по проблеме изучения экспрессивности в русле национально-прагматической информации, выявляется семантическая специфика экспрессивных лексических единиц, рассматривается соотношение между коннотативными семами, а также между денотативным и коннотативным содержанием семантики экспрессивных лексических единиц, выделяются различные классы экспрессивных лексических единиц с точки зрения иерархии семантических компонентов и типы лексических экспрессивных значений.

В выводах подчеркивается, что лексическая семантика экспрессивного слова имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса и выражает субъективные аспекты восприятия человеком реального мира. Поскольку же концентрация национально-культурной прагматической информации имени собирательного велика, то это обязательно должно быть учтено в процессе межкультурной коммуникации.

Интерес к проблеме экспрессивности, вспыхнувший в последние десятилетия, объясняется вниманием к языковой личности, а точнее, «к описанию языка как средства воздействия на языковую личность, на ее поведение и внутреннюю духовную деятельность» [1].

Цель данной статьи – изучить экспрессивность собирательных имен в русле национально-прагматической информации, что обязательно должно учитываться в процессе межкультурной коммуникации. В работе ставятся задачи выявить семантическую специфику экспрессивных собирательных единиц русского языка, рассмотреть коннотативный аспект их значения, а также сравнить их с эквивалентными единицами английского языка.

Эмоции, свойственные человеку, проявляются в сугубо индивидуальных, субъективных формах, что касается оценки, то она социально обусловлена. Обе эти сущности, будучи отраженными сознанием человека, становятся языковыми значимостями и составляют определенную часть семантического содержания экспрессивных языковых знаков.

Материал и методы. Вопросы экспрессивности освещаются в литературе в разных аспектах:

– семантическом (Д.Н. Шмелев, В.Г. Гак, Н.А. Лукьянова, В.И. Шаховский, Э.С. Азнаурова, И.А. Стернин и др.);

- семиотическом (Ю.М. Лотман, Б.А. Плотников, Г.В. Степанов);
- синтаксическом (А.П. Сковородников);
- лингвостилистическом (М.Н. Кожина, Э.С. Азнаурова, Ю.М. Скребнев);
- социолингвистическом (Д.Н. Шмелев);
- социопсихолингвистическом (А.И. Бабайлова, О.Д. Наумова, Т.М. Дридзе);
- в аспекте общей теории речевой деятельности (А.А. Брудный, И.Н. Горелов, В.А. Маслова, Ю.А. Сорокин).

Для решения поставленных задач мы проводили анализ собирательной лексики сравниваемых языков, используя комплекс методов: компонентный анализ, описательный и сопоставительный методы.

Объектом исследования является категория собирательности в русском языке и ее сопоставление с эквивалентными единицами английского языка. Мы обратили внимание на тот факт, что значительная часть собирательных существительных русского языка имеет экспрессивный оттенок.

Результаты и их обсуждение. Экспрессивность – это семантическая сущность, точнее, синтез сущностей, создающий экспрессивный эффект. Данное общее направление работы предполагает поиск той призмы, через которую можно было бы посмотреть на экспрессивный лексический фонд собирательности, репрезентированной разговорными средствами языка. Такой призмой для нас служит лексическая семантика экспрессивного слова, которая, как показало наше исследование в этой области, имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса слов.

Объединяя экспрессивные лексические единицы (ЭЛЕ) в единую подсистему на основе их функциональной и семантической общности и противопоставляя ее собственно номинативной подсистеме, мы предполагаем, что экспрессивный фонд неоднороден, что ЭЛЕ неоднотипны в двух аспектах: с точки зрения соотношения между денотативно-сигнификативным и коннотативным содержанием в структуре их значения, а также с точки зрения соотношения между коннотативными компонентами, составляющими коннотативное содержание слова [2].

Признавая как факт, что любое слово представляет собой неразрывную связь означаемого и означающего и что семантика экспрессивного слова специфична по сравнению с семантикой собственного номинативного слова, мы полагаем, что существует корреляция между означаемым и означающим [3–5].

Сема «эмоциональная оценка» выступает в двух антонимических вариантах: положительная (мелиоративная) и отрицательная (пейоративная). На уровне речевого употребления слова каждой из этих вариантов представлен рядом аллосем. Под аллосемой мы понимаем конкретный вариант семы.

Аллосемы мелиоративной оценки: одобрение, ласкательность, удовольствие, восторг, восхищение. Аллосемы пейоративной оценки: неодобрение, осуждение, пренебрежение, презрение, отвращение, омерзение, недовольство, возмущение, насмешка, сарказм. Шутка и ирония занимают особое место, так как имеют завуалированный характер, кроме того, это текстовые категории. Слова мелиоративной оценки в словарях маркируются: *деточки* – «ласк.» пейоративной – *скопище, бестолковщина* – «не-

одобр.»), *бабьё, хамьё* – «презр.», *солдатьё* – «пренебр.».

Как показывает анализ фактического материала, характер эмоциональной оценки сильно зависит от контекста, в частности, от той эмоции, которой окрашен тот или иной контекст. Поэтому одно и то же слово может употребляться в речи с разными видами эмоциональной оценки [6].

Мы придерживаемся широко известного в современной лингвистике представления о лексическом значении слова как о сложной системе взаимосвязанных компонентов. Последние выделяются с помощью компонентного анализа на двух уровнях: макроуровне и микроуровне. На первом уровне мы выделяем макрокомпоненты, каждый из которых на следующем уровне «расщепляется» на микрокомпоненты. В семантике экспрессивного слова объединяются два макрокомпонента: денотативно-сигнификативный (денотативно-сигнификативное содержание), осуществляющий связь между языковым знаком и объективной реальностью, и коннотативный (коннотативное содержание), связанный с отражением сферы эмоционально-психической деятельности – чувств, эмоций, эмоциональных переживаний человека. Эти компоненты находятся в отношении иерархического соподчинения: в семантике конкретных слов один из них может выступать в качестве его ядра, а другой – периферии. Денотативное и коннотативное содержание, каждое в отдельности, представляет собой систему взаимосвязанных микрокомпонентов или сем. В денотативное содержание обычно включаются следующие семы: категориальная, лексико-грамматическая, собственно-лексическая. К коннотативным семам мы относим «эмоциональную оценку», «образность» и «интенсивность». Каждая из них в разной мере «тяготеет» к денотативному содержанию, в большей мере – «интенсивность» и «образность», в меньшей мере – «эмоциональная оценка». Ядерная сема довольно легко выделяется даже интуитивно, периферийная сема – неосновная, неярко проявляется по сравнению с ядерной, для ее выделения нужно проводить контекстный анализ, анализ словарных дефиниций.

Одним из компонентов экспрессивности является микроразличение, связанное с качественно-количественной характеристикой обозначаемого словом явления. Этот компонент – «интенсивность». Интенсивность как семантический феномен мы связываем не с любой количественной квалификацией, а только с той, которая демонстрирует отклонение от «нормальной» меры, вследствие чего воспринимается говорящим иначе, чем обычное, соответствующее норме. Интенсивность экспрессива – это его потенциальная способность актуализировать представление субъекта о высокой степени меры реального явления или признаков, присущего предмету как его свойство или приписываемого ему. Иначе говоря, это способность экспрессивного знака выразить качественно-количественную характеристику референта, которая выделяет его из класса одноименных референтов. В экспрессивном слове интенсивность входит в коннотативную семантику [7].

Мера явления получает значимость коннотативной семы в тех случаях, когда она отражается через призму восприятия ее субъектом, соотносится с его представлением, с его видением данного явления, с его эмоциональным отношением и оценкой воспринимаемого им явления. Поэтому в семантике экспрессивного слова сема «интенсивность» связана с другими коннотативными семами, участвующими в порождении

экспрессивности – «эмоциональной оценкой» и «образностью». Однако эта связь может быть эксплицитной или скрытой. Интенсивность как семантический признак не есть свойство, присущее только экспрессивам, многие собственно номинальные слова имеют этот признак. Интенсивность ЭЛЕ относится к коннотативному содержанию, а интенсивность номинативного слова – к денотативному. Экспрессивное слово отражает не реальную меру явления, а представление о ней субъекта. Это различие служит основным критерием разграничения экспрессивных и неэкспрессивных интенсивов. Семы «образность» и «эмоциональная оценка» в значении образного слова оказываются взаимосвязанными.

Итак, экспрессивность – это семантическое содержание слова, составляющими компонентами которого являются «эмоциональная оценка», «образность», «интенсивность» в разных комбинациях друг с другом, может быть репрезентирована суффиксами в русском языке: *-j*, *-щин(а)*, *-ищ(е)*, *-н(а)*: *бабьё (women, womenfolk)*, *дурачьё (fools)*, *жульё (swindlers)*, *сборище (assemblage, medley, mob)*, *скопище (gathering crowd)*, *безотцовщина (fatherlessness)*, *бестолковщина (muddle-headed person)*, *диал. мужичьё (men)*, *ворьё (thieves)*, *об опустившихся людях (обычно мужчинах) хулиганьё (hooligans)*, *хамьё (boors)*, *ходня (гости) – guests*. Мы объединяем данные слова в одну лексико-семантическую группу, под которой понимаем «образы множества», выражающие обобщенный смысл «большое количество однородных предметов, явлений или лиц». В английском языке экспрессивные суффиксы отсутствуют, и представленные эквиваленты являются словами нейтральной лексики, за редким исключением: *старичьё* имеет эквивалент *chaps* (слово разговорного стиля), *бестолковщина – muddle-headed person*. В англо-русском словаре *muddle* переводится как: беспорядок, путаница, «каша» в голове, таким образом, *muddle-headed person* имеет значение «человек с беспорядочной головой». В русском языке *скопище* имеет отрицательную, ироническую экспрессивность, в английском языке *gathering crowd – собравшаяся толпа* передает нейтральную оценку.

Самую яркую картину слов, оформленных экспрессивными суффиксами, представляют имена собирательные русского языка, за которыми закреплено определенное прагматическое содержание. Самым нейтральным называют суффикс *-ств(о)*. Однако слова с этим суффиксом тяготеют к книжной речи и потому соотносятся с особой стилистической оценкой: это часто слова высокого, торжественного, приподнятого звучания, как в случае со словом «*офицерство*».

Вниз по стилистической шкале идут суффиксы *-j*, *-н(я)*, *-щин*, а вверх – *-ищ(а)*. На одном полюсе – «*инженерия (engineers)*, *пионерия (pioneers)*», а на другом – «*мужичьё (men)*, *солдатня (soldiery)*, *военищина (militarists, soldiery)*». Суффикс *-j* (*бабьё, дядьё*) вносит в большинстве случаев оттенок разговорности, соединенный нередко с экспрессией презрения,

-ня (малышня, солдатня) – придает словам экспрессивную окраску уничижения, *-щина (деревенищина, армейщина)* – экспрессию презрения. Сравнив экспрессивные собирательные существительные русского языка с соответствующими эквивалентами английского языка, можно утверждать о наличии стилистических лакунных единиц в английском языке, так как собирательные экспрессивные слова русского языка

передаются нейтральными эквивалентами в английском (стилистические лакуны).

Среди лексико-семантической группы «образы множества» выделяются метафорические лексико-семантические варианты (ЛСВ), называемые нами «образами множества». Данные ЛСВ передают образы «живые» и «стертые», или «мертвые». «Живые» образы непосредственно и «сильно» мотивируются соответствующими номинативными ЛСВ, эта связь осознается носителями языка: *армия ученых, крыс, рыб, тараканов; косяк женихов, поклонников, слушателей*. «Стертые» или «мертвые» образы синхронно не мотивированы номинативными ЛСВ: *ватага, артель рыбаков, шайка, банда*. ЛСВ актуализирует не объект и не реальные признаки объекта, а лишь идею, мысль о большом количестве, а значит имеет лишь сигнификат. Коннотация отражает представление говорящего о большом количестве однородных объектов. Структура ЛЗ «образов множества» не имеет денотата, ее место занимает коннотация и сигнификат настолько сросшиеся, что нет необходимости расщеплять ЛЗ на две структуры. Инвариантное содержание «много» передается любым ЛСВ данной группы, при этом варьируется степень меры количества. Скрытую неявную периферию коннотации переносных ЛСВ составляет сема «эмоциональная оценка». Оценка «образов множества» связана с контекстом, нередко для ее выявления необходим макроконтекст. Образность и количественная интенсивность являются семантической основой экспрессивности метафорических ЛСВ данной ЛСГ.

Словообразовательные дериваты выражают резко отрицательную оценку и сочетаются с экспрессивными существительными негативной оценки: *сборище бродяг (a crowd of tramps)*. Оказиональный «образ множества» строится по определенному типу узуального образа. Он имеет две семантические «опоры»: одна из них – номинативное значение данной лексемы, на основе которого формируется новое, переносное значение или оттенок значения – иначе говоря, образные ассоциации, предопределяющие семантический «сдвиг» в номинативном ЛСВ, другая – лексико-семантическая аналогия.

Метафорические лексико-семантические варианты также широко используются в английском языке. Экспрессивность данных единиц английского языка легко воспринимается русскоговорящим населением: *a well of knowledge, an ocean of love, a bunch of fools*.

Заключение. Итак, многие собирательные имена русского языка обладают целым рядом эмоциональных и оценочных коннотаций. Эти коннотации подвижны, динамичны, зависимы от контекста, однако можно установить набор коннотативных микрокомпонентов, составляющих относительно замкнутый ряд. Например, слово «*старишьё*» (*old men, chaps*) может употребляться в русском языке как наименование: 1) пренебрежительное; 2) шутовское; 3) сочувственное; 4) ироническое. Отношения конститuentов этого ряда напоминают парадигматические, из чего можно заключить, что одним из важных свойств коннотации является гетерогенность. Актуализация одного из оттенков зависит и от «социального контекста», и от отношения к социально-речевому и стилистическому узусу времени, и от авторских интенций в конкретном речевом акте.

Как известно, полные стилистические парадигмы (типа «*лик–лицо–рожа*») встречаются нечасто. Интересно, что некоторые из собирательных имен с морфемным показателем собирательности представляют такие парадигмы: «*офицерство – офицерия – офицершьё*» (*the officers*) – экспрессивность в русском языке передается суффиксом -j, а в англий-

ском языке данные эквиваленты передаются нейтральным словом, при этом можно говорить о национальной специфике русских экспрессивных слов, которые видны носителям языка, но остаются незамеченными представителями другой языковой общности [5]. При переводе экспрессивные единицы не передаются, а могут быть замещены средствами другой языковой системы, например, другими существительными, употребленными в переносном значении (*шушера, хамьё, шваль* и их эквиваленты *riff-raff, boors, riff-raff*) имеют денотативно отрицательное значение, а переносное значение формируется с помощью использования другой лексики, например, все эти группы людей можно назвать *rubbish* – мусор, что придаст именно данному слову переносное экспрессивное значение.

Таким образом, в нашем исследовании экспрессивность рассматривается в семантическом аспекте. При анализе подобных единиц выявилось, что лексическая семантика собирательного экспрессивного слова русского языка имеет определенную специфику по сравнению с семантикой собственно номинативного класса и выражает субъективные аспекты восприятия человеком реального мира. Мы не можем утверждать, что англоязычное население не может выразить иронию или презрение, или любую другую оценку, но выражается это в английском языке не на морфологическом уровне, как в русском, а на уровне словосочетания или предложения, а иногда целого текста. *We need a couple of strong bodies for our team* – *Нашей команде необходима пара сильных тел (=сильных людей)*. *We need some new blood in the organization (=new people)* / *Нашей организации необходима новая кровь (=новые люди)*. Концентрация национально-культурной прагматической информации имени собирательного настолько велика, что это обязательно должно быть учтено в процессе межкультурной коммуникации.

Л и т е р а т у р а

1. Маслова, В.А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В.А. Маслова. – Минск: Выш. шк., 1997. – С. 12.
2. Шмелев, Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 2006. – 280 с.
3. Акимова, Т.Г. Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / Т.Г. Акимова, Д.И. Руденко, А.Е. Супрун. – СПб., 1996. – 264 с.
4. Холодович, А.А. Проблемы грамматической категории / А.А. Холодович. – Л., 1979. – 304 с.
5. Храковский, В.С. Типология интерактивных конструкций / В.С. Храковский. – Л.: Наука, 1989. – 296 с.
6. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 339 с.
7. Туранский, И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке / И.И. Туранский. – М.: Выс. шк., 1990. – 176 с.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analyses of expressive characteristics of the collective nouns in a comparative survey of the English and Russian languages. The research stresses the definite specification of expressive words and shows the subjective aspects of reality. The concentration of cultural national information is so significant that it should be considered in the process of intercommunication.

Поступило 12.03.2008

УДК 808.2-3

Явление интерференции в именнике старообрядцев

И.Я. Кураш

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Рассматриваются особенности проявления интерференции в именной системе старообрядцев. Определяется круг вопросов, требующих разрешения, обосновывается актуальность подобного исследования.

Выявляя основные проблемы, возникающие при изучении старообрядческого именника, автор подчеркивает необходимость обращения к истории и культуре старообрядчества для более полного и всестороннего анализа собственных имен как единиц, являющихся принадлежностью культурной, социальной и языковой сферы.

На основе анализа всего комплекса собственных имен старообрядческого населения выделяются основные проявления интерференции в единицах различных уровней именной системы. Делается вывод об изменении именника в результате межъязыковых и культурных взаимодействий старообрядцев с представителями других этнических групп и религиозных конфессий.

Важность изучения структурных особенностей, путей формирования и принципов функционирования региональных именных систем на территории Беларуси неоднократно подчеркивалась многими исследователями. Работа в этом направлении дает возможность произвести системное синхроническое и диахроническое описание состояния белорусского именника, выделить общие черты и классифицировать изменения. Основная задача, которая стоит перед ономастами, изучающими отдельные регионы, заключается в выявлении степени соответствия локальных тенденций в развитии и функционировании имен собственных общеполорусским и восточнославянским традициям. Все специфические явления рассматриваются как проявления своеобразия и оригинального характера, в которых и заключается ценность системы собственных имен, являющейся важным элементом культуры народа.

При исследовании именника, носители которого характеризуются не только территориальной, но и языковой, социальной, культурной обособленностью, возникает ряд трудностей. Одной из проблем, требующей разрешения, является вопрос о степени обособленности и закрытости ономастикона старообрядческого населения, проживающего на белорусских землях. Решение этой проблемы позволяет выявить характер межъязыкового взаимодействия на таком специфическом языковом уровне, как собственные имена, и дает возможность зафиксировать лингвистическую и культурную сторону интерференционных процессов.

Цель данной статьи – выявить особенности проявления интерференции в именнике старообрядцев, проживающих в западной части Витебской области. Выбор имен-

но этого региона не случаен, так как население его характеризуется языковой, конфессиональной и этнической неоднородностью, а появление там старообрядцев зафиксировано в 1655 году [1].

Материал и методы. В качестве объекта исследования избирается система собственных имен старообрядцев, проживающих в западной части Витебщины. Предметом исследования являются специфические фонетические, морфологические, словообразовательные черты, особенности структуры и функционирования антропонимов и микропонимов, которые позволяют определить степень и характер влияния диалектного и конфессионального окружения.

Основными методами работы являются описательный и сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. Анализируя ономастикон такой особой этноконфессиональной группы, как старообрядцы, необходимо обратиться к истории и культуре, так как именно экстралингвистическими факторами обусловлены самобытность и уникальность именника старообрядческого населения.

Важнейшей особенностью любой традиционной маргинальной культуры, по мнению С.Е. Никитиной, является ее замкнутость, вернее, «тот особый баланс между замкнутостью/закрытостью и открытостью, который помогает ей выжить, оставаясь самой собой» [2]. Традиционализм старообрядчества как его доминантная черта подчеркивается всеми исследователями, но степень проявления этого признака различна и зависит от условий, в которых функционирует и развивается конфессиональная культура. В результате миграции старообрядцы оказались расселены по всему миру, и степень их зависимости от внешних культурных, социальных, языковых факторов определяется чужеродностью среды, в которую они попали.

Долгое время аксиомой считалось утверждение о культурной и языковой непроницаемости старообрядцев, так как глубокая религиозность, культурная и бытовая самоизоляция исключала тесные контакты с иноверцами, и таким образом пресекались все возможные попытки заимствований и взаимодействий.

В современных работах, выполненных в русле историко-религиозного и культурологического направлений, можно проследить два диаметрально противоположных взгляда на будущее старообрядчества как социального и культурного феномена. На основании формальных признаков (отход от патриархального быта, жестких религиозных ограничений) делаются выводы об угасании религиозного самосознания старообрядцев, утрате самобытности и распаде данного типа культуры. Другие исследователи видят в этих изменениях попытку приспособиться к современным условиям, возродить и обновить веру.

Исследование изменений, произошедших в среде старообрядцев, несомненно, представляет интерес с точки зрения изучения интерференционных процессов в социальной и культурной сферах. Традиционно выводы о межкультурном взаимодействии делались на основе анализа этнографического материала (Е.Ф. Фурсова, С.Е. Никитина, Н.И. Шитова, Т.И. Хурсан), что включало изучение обычаев, обрядов, элементов материальной культуры (традиционной одежды, культовых предметов), а также народных ремесел. Однако до сих пор не было предпринято попытки исследования явления интерференции в системе собственных имен старообрядческого населения.

Ценность такого ракурса исследования определяется целым рядом факторов.

Собственные имена являются принадлежностью трех сфер – языковой, религиозной и общественной, и это промежуточное положение делает их наглядным и корректным материалом для изучения взаимодействия языков, религий и социальных установок.

Являясь языковым знаком, они имеют план выражения (фонетический облик и морфологическую структуру), в котором нашли отражение и специфические диалектные черты, присущие материнскому говору, и заимствованные элементы, что позволяет делать выводы о направлении и глубине интерференционных процессов. Исследование основных норм функционирования всех видов простых и составных антропонимов и микропонимов поможет выявить обусловленность этих норм внелингвистическими (в первую очередь религиозными) факторами.

Таким образом, ценными представляются исследования онимических систем, создателями и носителями которых являются старообрядцы, так как отдельные разряды собственных имен в большей или меньшей степени отражают зафиксированный вербально опыт и позволяют эксплицировать информацию о социальных приоритетах, мотивационных ориентирах и аксиологических установках.

Обращение к именам собственным как объекту исследования выдвигает на первый план и некоторые проблемы, обусловленные как экстралингвистическими, так и лингвистическими причинами.

1. С одной стороны, территориально изолированное положение русских говоров в Беларуси привело к более развитым межгрупповым контактам, так как их население «в такой же мере зависит от окружающей среды, в какой оно изолировано от своего собственного массива или родины» [3]. С другой стороны, ограничивающее воздействие на языковые контакты и интерференцию, оказываемое религией, весьма серьезно и устойчиво. В связи с этим возникает необходимость выявить «слабые» участки именной системы, наиболее подверженные интерференции.

2. Региональный характер исследования именной системы старообрядцев требует изучения особенностей диалектной среды, так как удовлетворительное объяснение того или иного явления можно получить лишь при учете закономерностей фонетического строя диалекта.

3. На различных уровнях именной системы интерференция проявляется по-разному. З. Абрамович отмечает, что различные виды изменений зависят от типа собственного имени: «фонетические изменения полнее всего обнаруживаются в именах, особенно христианских, языковая интерференция на лексическом и словообразовательном уровнях – в фамилиях» [4].

Анализ всего комплекса собственных имен старообрядческого населения указанного региона позволил нам выявить основные проявления интерференции в единицах различных уровней именной системы.

1. Проявления интерференции в сфере личных имен и прозваний:

а) функционирование канонических имен, оформленных по старообрядческой и православной традициям:

Николай (правосл. св.) – *Никола* (старообр. св.), *Адриан* (правосл. св.) – *Андреян* (старообр. св.);

б) наличие имен, не зафиксированных в старообрядческих святцах, но имеющих

соответствия в православном или католическом именниках:

Ангелина, Вероника, Галина, Игорь, Гвидон, Чеслав, Янина;

в) сосуществование имен, оформленных по латинскому и по греческому образцу, что отражает взаимодействие византийско-греческой и римско-католической традиции:

Домника и Доминика, Кристина и Христина, Степанида и Стефанида;

г) изменения в фонетическом облике имен:

Я[γ]ор, А[γ]афья, Кырыл, Хрыстина, [jiγар] – Игорь, Ар[ц']имон, [д'з']митрий, Наталля, Настаззя, Восип, Паўла;

д) появление форм с суффиксами субъективной оценки, специфичными для белорусского языка:

Ирця, Стэфця;

е) бытование женских прозваний на *-ова*, образованных только от личных имен:

Фока – Фокова, Евграф – Еграф – Графова.

2. Проявления интерференции в сфере фамильных онимов:

а) мена звуков в основе и в форманте, причиной которой является влияние соседних диалектов:

Бялоусов (влияние польской произносительной традиции), *Цветков – Кветков* (бел. *кветка*), *Дивинчуков – Дзивинчуков, Тетерюков – Цецерюков;*

б) продуктивность отдельных формантов (*-енко, -ёнок/-онок, -ук/-чук*), характерных для белорусской антропонимии:

Азаренко, Глушонок, Климук;

в) участие в образовании фамилий, имен, не канонизированных старообрядческой церковью:

Бартош – Бартоломей (Bartłomiej), латинизированный вариант имени *Варфоломей, Шыманов* (старообрядческое церковное *Симон*, католическое *Шимон (Szimon)*);

в) заимствование отдельных основ:

Цыбулев, Жавмерчик, Каштальянов.

3. Проявления интерференции в сфере микропонимов:

а) наличие элементов литовских заимствований и полонизмов: *гора Жамейтиса, Велькянишский лес, Велькянишское болото.*

Заключение. На основе исследования можно сделать вывод, что именник старообрядческого населения западной части Витебской области, являясь составной частью общерусской именной системы, подвергся изменениям в результате межъязыковых и культурных взаимодействий старообрядцев с представителями других этнических групп и религиозных конфессий. Все инновации, возникшие в именной системе старообрядцев вследствие взаимодействия в языковой и культурной сферах, можно отнести со следующими типами интерференции:

а) интерференция на фонетическом уровне;

б) интерференция на словообразовательном уровне;

в) интерференция на уровне отдельных имен и основ («культурная» интерференция).

Влиянию диалектного окружения в первую очередь подвергся фонетический облик имен, так как наиболее часто черты интерференции проявляются там, где «элемен-

ты взаимодействующих структур двух языков не тождественны, т.е. на «слабых», открытых участках систем. Например, отчетливо сказываются количественные и качественные различия на фонетическом уровне» [5, с. 218].

Изменения в словообразовательной структуре личных имен и фамилий прослеживаются достаточно последовательно. Хотя наличие вариативных преемственных пар (*Кот – Котов, Синица – Синицын*) в фамильной системе старообрядцев говорит о процессе переоформления фамильных именовании в соответствии со словообразовательным стереотипом, а основной тенденцией этого процесса является использование типично русских формантов *-ов, -ев, -ин*, вместе с тем наличие в словообразовательной структуре фамилий отдельных формантов, характерных для белорусской антропоники, свидетельствует о явлении интерференции.

Состав именной системы изменился в результате влияния православной и католической традиций. Наличие в именной системе старообрядческого населения католических имен и производных от них фамильных онимов, заимствование которых произошло, скорее всего, еще в период становления фамильной системы старообрядцев, подтверждает гипотезу о влиянии конфессионального окружения, несмотря на значительную степень замкнутости и консерватизма общин. Кроме этого, подтверждением интерференции служит и существование параллельных имен и фамилий, фонетически оформленных по латинскому (*Бенедикт, Степанов*) и по греческому образцу (*Венедикт, Стефанский*). В целом, несмотря на массовый характер использования церковных имен, функционирование фамилий, образованных на базе неканонических имен (*Богданов, Юрин*), свидетельствует о проницаемости именной системы старообрядцев.

Микротопонимная система изучаемого региона характеризуется синкретизмом, взаимодействием различных элементов, возникших в результате интерференционных процессов, которые обусловлены поликонфессиональным и полиэтничным характером населения региона.

Л и т е р а т у р а

1. Гарбацкі, А.А. Стараабрадніцтва на Беларусі ў канцы XVII – пачатку XX ст. / А.А. Гарбацкі. – Брэст: Выд-ва Брэсцкага дзярж. ун-та, 1999. – С. 71.
2. Никитина, С.Е. Старообрядчество как конфессиональная культура: взгляд этнолингвиста / С.Е. Никитина // История и география русских старообрядческих говоров: сб. ст. – М., 1995. – С. 85.
3. Вайнрайх, У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / У. Вайнрайх. – Б.: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – С. 155.
4. Abramowicz, Z. Nazwy osobowe Białostoczczyzny XV–XVII w. jako odbicie kontaktów językowych i kulturowych w Wielkim Księstwie Litewskim / Z. Abramowicz // Studia Russica XVIII. – Budapest, 2000. – С. 6.
5. Булахов, М.Г. Особенности интерференции белорусского и русского языка / М.Г. Булахов // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М.: Наука, 1972. – С. 218.

S U M M A R Y

The article deals with the features of interference phenomenon of the Old Believers names.

Поступило 17.03.2010

УДК 808.212-3

Маркированность поэтонимной лексики как семантико-функциональная реалия

А.Н. Деревяго

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Маркированность онимической лексики является неотъемлемой реалией внутритекстового пространства, которая сказывается на семантической и функциональной валентности текста. Социальная маркированность поэтонимной лексики как наиболее сложное и многомерное явление традиционно не является объектом преимущественного внимания исследователей, редко попадая в поле научных интересов. Тем не менее эта характеристика онимов наиболее точно и достоверно определяет параметры тех коммуникативных ситуаций, что конструируются авторами в границах текстового пространства. Именно подробности ситуаций межличностных взаимодействий позволяют адресату текста в полной мере их смоделировать, используя предшествующий опыт реального общения. В приведенных контекстах ярко отражается процесс переключения разных стилей и типов коммуникации, которые проявляются в том числе и в варьировании формул именования отправителями и адресатами высказываний.

Поэтическая модель мира, которая создается автором в художественном тексте, предполагает определенную степень соответствия системе субъектно-объектных взаимоотношений реальной действительности. Формирующийся при этом круг лирических образов позволяет установить семантические центры текста, позиции части которых занимают онимы. Схема, определяющая говорящего и адресата речи в языке, при создании модели мира в поэтическом тексте воплощается в систему различения ведущего, центрального образа (персонажа) и сферы адресных лирических образов. Эти группы образов обладают собственными, специфически маркированными онимическими средствами выражения. Таким образом соблюдается и отражается схема соположения лиц в реальном мире, где «значение «быть первым лицом», «быть вторым лицом» или «быть третьим лицом» включает в себя элементарное и одновременно основное определение мест этих лиц в конструкции коллектива» [1].

Маркированность лексических единиц в границах реального речевого коммуникативного акта становилась объектом исследовательского интереса целого ряда лингвистов, в числе которых – А. Вежбицкая, Л. Крысин и др. Однако в условиях текстового пространства, сконструированного по модели реальности, действуют свои законы как строфической, так и смысловой организации. Так, лирика есть жанр литературы, основным содержанием которого является непосредственный субъективный отклик автора на факты окружающей его действительности и движение поэтической мысли.

Адрес для корреспонденции: 210027, г. Витебск, ул. Чкалова, д. 19, корп. 1, кв. 6, тел.: +37529 697-14-22 – Деревяго А.Н.

Материал и методы нашего исследования представлен массивом антропонимов, сформированным посредством метода сплошной выборки из текстов поэтических произведений В. Брюсова, О. Мандельштама, Б. Пастернака и И. Бродского. Изучение названных имен собственных обеспечивается методикой описательного метода, который основывается на единстве приемов наблюдения, обобщения и интерпретации описываемых фактов.

Особенность поэтического произведения как предельно антропоцентричного текста состоит в том, что в его пределах чаще всего выделяется единственный лирический герой (персонаж) – референт. Цель нашего исследования – выявление маркированности поэтонимной лексики и определение ее специфики как семантико-функциональной реалии. Объектом нашего исследования являются маркированные антропонимы, предметом – смысловые атрибуты «социального статуса», проявляющиеся в антропонимной подсистеме, так как антропоним в тексте – онимическая проекция какого-либо реального лица – человека, обладающего определенным статусом, то есть соотносительной позицией в социальной системе, определяемой по ряду признаков, специфичных для данной системы, где «статус отвечает на вопрос: «кто он?», роль – на вопрос: «что он делает?». Поэтому можно сказать, что роль – это динамический аспект статуса» [2].

Результаты и их обсуждение. Семантика имени собственного имеет несколько составляющих ее компонентов, в числе которых – ядро, основанное на системе относительно устойчивых представлений о предмете, и область периферийного значения, концентрирующая всю дополнительную, энциклопедическую информацию о носителе имени. Периферийная семантика не регулярна, имеет характер пресуппозиционного компонента. Вслед за А. Вежбицкой, Ч. Филлмором, Ю.Д. Апресяном и др. стоит говорить о наличии в структуре семантики и модальной рамки, которая передает оценку обозначаемого факта говорящими.

Индикация статуса референта, презентуемого в художественном тексте посредством имени собственного, базируется на нескольких объективных художественных потребностях: необходимости определения соотношенности лирического образа и места, с которым связываются описываемые события, установления половой принадлежности персонажа, возрастного ценза или характера отношения к центральному образу со стороны других персонажей. Таким образом, индикация статуса происходит по трем основным направлениям: национальные и ареальные характеристики – например, *Андрей, Глеб, Николай, Джованни, Честер, Фредерик, Мишель, Томас, Дик, Дуглас, Элеонора* (Бродский), *Паоло, Джульетта, Устинья, Ирина, Настасья* (Вознесенский) и др.; половые и экспрессивно маркированные характеристики кратких именных форм – например, *Федя – Федор, Миша – Михаил, Настя – Анастасия, Маша – Мария* (Бродский), *Ося – Осип, Таня – Татьяна, Боря – Борис, Софа – София* (Мандельштам), *Эдик – Эдуард, Витя – Виктор* (Вознесенский); признаки социального статуса – например, *Ахмет – Оглы, Гарун-аль-Рашид, Шейх-Гуссейн, Юлий Август, Сети Первый* (Гумилев), *Олег, Елена, Леди Годива, Дима Куликов, Альберт Фролов, Вьяцев, Э. Ларионова* (Бродский), *Ильич, Тимофеевна, Наталья Федоровна* (Мандельштам), (тетя) *Мотя, Андрей Полисадов, Трофим Денисыч* (Вознесенский).

Данные векторы находятся в отношениях субординации, характер которой задается общими художественными тенденциями периода, в границах которого создавалось поэтическое произведение, или же особыми задачами смысловой выразительности, в соответствии с которыми автор выстраивает систему номинации лирических образов. Так, в поэтических системах В. Брюсова, Б. Пастернака, Н. Гумилева, О. Мандельштама, представляющих поэтическую реальность XX в., основополагающим является определение национальной/ареальной статусности, в то время как в поэзии И. Бродского и А. Вознесенского ведущими становятся признаки социального статуса.

Наиболее сложна в области прагматического компонента значения группа оном-статусных индикаторов, выполняющих социально-оценочную функцию. Социальный статус как определенная позиция в обществе связан с определенными ожиданиями. В непосредственной связи с иерархией прав и обязанностей человека в обществе людей, с набором социальных ожиданий находится система именования каждой личности.

В сфере речевого употребления роль универсального нейтрального ядра социально скорректированной номинации выполняется расширенной структурной моделью «личное имя + отчество + фамилия». В случае конкретной коммуникативной ситуации определяющую роль играет целевая установка общения. С учетом этого в границах текстовой модели реального ономастического пространства в качестве нейтрального ядра могут выступать различные структурные организации. Так, поэтические произведения Н. Гумилева, О. Мандельштама, Б. Пастернака и И. Бродского объединяются общей моделью социальной номинации «личное имя (в полной форме) + фамилия».

Роль отправителя речи (автора) является обуславливающей для выбора формы именования. Наиболее последовательно она проявляется в подборе структурных вариантов именования в зависимости от специфики ситуации, модель которой создается автором в условиях поэтического контекста. Примером выступает группа именований центрального персонажа поэмы Б. Пастернака «Спекторский» – *Серезжа, Сергей, Сергей Спекторский, Спекторский*. Выбор варианта именования зависит от коммуникативных задач, с которыми связывается реализация подобных вариантов в ситуации реального общения (система именований создается автором по образцам реальной номинации): *Серезжа* – ситуация близкого взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают и к которым хорошо относятся»: «*Их назвали, но как-то невдомек. / Запало что-то вроде «мох» иль «лемех». / Переспросить Серезжа их не мог, / Затем что тон был взят как в близких семьях*» [3, с. 284]; *Сергей* – ситуация отстраненного взаимодействия субъектов, «обращаюсь к тебе так, как обращаются к людям, которых хорошо знают»: «... *В таких мечтах: «Ты видишь, – возгласил, / Входя Сергей, – я не обманщик, Сашка*» [3];.. *Сергей Спекторский* – ситуация дистанцированного взаимодействия в сфере объективных официальных межличностных отношений, «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых знают недостаточно хорошо и к которым хорошо относятся»: «*Три дня тоска, как призрак криволицый, / Уставясь вдаль, блуждала средь тюков. / Сергей Спекторский точно провалился. / Пошел в читальню, да и был таков*» [3, с. 290]; *Спекторский* – ситуация отстраненного взаимодействия, «обращаюсь к Вам так, как обращаются к людям, которых не знают достаточно хорошо и отношение к которым индифферентно»: «*Был*

день, *Спекторский* понял, что не столько / Прекрасна жизнь, и Ольга, и зима, / Как подо льдом открылся ключ жестокий, / Которого исток – она сама» [3, с. 270].

В роли периферийных компонентов социально маркированных именований выступают онимы со структурными элементами:

- а) «личное имя (гипокористическая форма) + фамилия»;
- б) «личное имя (инициальная форма) + фамилия».

Различия в форме первого компонента приведенных выше структур привносит в семантику именования различительную, дифференциальную коннотацию: в первом случае нейтральное именование приобретает оттенок неофициальности сферы функционирования, во втором случае – оттенок намеренного подчеркивания официальности обстановки общения, особой отстраненности объекта называния от других: «*Э. Ларионова. Брюнетка. Дочь / полковника и машинистки. Взглядом / напоминала взгляд на циферблат*» [4]. Художественное «манипулирование» в этой области именования прослеживается в незавершенном цикле стихов И. Бродского «Школьная антология». Структурной организацией цикла (пять частей и заключение) вызывается ассоциация с процессом перелистывания школьного альбома: 1-я часть – Э. Ларионова, 2-я часть – Олег Поддобрый, 3-я часть – Т. Зими́на, 4-я часть – Ю. Сандул, 5-я часть – А. Фролов. Каждое имя актуализирует некий элемент личностного воспоминания, связанного с каждым из перечисленных лирическим героем персон: «*Э. Ларионова. Брюнетка*» [4, с. 113]; «*Т. Зими́на: прелестное дитя*» [4, с. 115]; «*Ю. Сандул. Добродушие хорька*» [4, с. 116]; «*Альберт Фролов, любитель тишины*» [4, с. 118].

Определения, дополняющие антропонимы, отличаются характерологическим качеством; положение в абсолютном начале текста наделяет их дополнительной смысловой валентностью. Постановка пунктограммы «точка» после онимов *Э. Ларионова* и *Ю. Сандул* утверждает существование особой социальной коннотации: объекты, носившие эти имена, находились в положении отстранения (группа пренебрегаемых и отвергаемых), а потому в авторском тексте заслуживают лишь первичной констатации внешности («брюнетка») и оценочной (с пейоративным оттенком) характеристики характера («добродушие хорька»). Двоеточие сообщает о последующем разъяснении социального (группового) статуса лица, спроецированного в поэтическом образе, представленном онимом *Т. Зими́на*: мелиоративный оценочный элемент коннотации свидетельствует о положении предпочитаемого лица в сфере межличностного взаимодействия. Иронический компонент коннотативного значения реализуется в номинации *Альберт Фролов*: сочетание разных по происхождению онимов (заимствованный элемент «Альберт» и русский по происхождению «Фролов») предопределяет дальнейшее несоответствие реального и иллюзорного в восприятии героем своего положения в социуме: определенное автором качество персонажа («любитель тишины»), соотносящееся с первым, «аристократическим» элементом номинации, противопоставляется настоящему социальному положению персонажа («Мать штемпелем стучала по конвертам на почте») на основе дифференциальной пары «тишина – стук (стучать)». Из системы номинации текстовой вехи в цикле стихотворений «Школьная антология» выпадает один элемент – лишенный нарочитой официальности оним *Олег Поддобрый*. Он именуется единственным (из названных выше) персонажем, с именем которого у лирического героя-

повествователя связаны воспоминания, основанные на близких дружеских отношениях и сходстве индивидуальных судеб. Автор не дает концентрированную дефиницию ни по признаку внешнего облика, ни по характеру, чему мешает специфика личностных связей, характеризующая субъективностью и способствующая многословности: *«Олег Поддобрый. У него отец / был тренером по фехтованью. Твердо / он знал все это: выпады, укол. / ... Я помню его руки и лицо, / потом – рапиру с ручкой деревянной. / Мы фехтовали в кухне иногда»* [4, с. 114].

Нейтральная социальная маркированность отличает именованья, представляющие одночленную модель «*фамилия*». Традиционно на долю таких именованья выпадает основная нагрузка при именовании, в частности, прецедентных персон: в текстовом пространстве, насыщенном субъектными реалиями той или иной исторической эпохи, прецедентные онимы обычно «нейтрализуют», уравнивают другие именованья подобно тому, как широко известная личность в любой речевой ситуации по статусным свойствам однозначно более рейтинговая, нежели любой другой участник коммуникативного акта. В поэзии случаи употребления одночленной модели «*фамилия*» для именованья лирического героя, созданного автором текста, достаточно редки. Так, единицы *Горбунов* и *Горчаков* используются для именованья центральных образов одноименной поэмы И. Бродского. С развитием межличностных отношений, объединяющих лирических героев, со сменой ситуативных декораций проявляется ведущее положение то одного, то другого персонажа; эта динамика находит отражение на уровне заглавия, где I, II, VI, VII, XI, XII части носят название «Горбунов и Горчаков», III – «Горбунов в ночи», IV – «Горчаков и врачи», VIII – «Горчаков в ночи», IX – «Горбунов и врачи». Общей смысловой доминантой может быть признан оним *Горбунов*, именующий соответствующего героя: *Горбунов* выступает как центральный образ, концентрирующий в себе экзистенциальные философские взгляды автора, мысль о том, что земная жизнь, подчиняясь рациональным законам, ограничивает человеческую свободу, предоставляя людям страдание и боль, одиночество и отчужденность (на этом положении основывается трактовка имен центральных персонажей: Горбунов – отторжение, отчужденность, отсутствие доступа во внешнюю реальность, подобно тому, как человеческое общество отвергает возможность признания своими полноправными членами людей с физическими недостатками, не похожих на других, в частности, горбунов (Горбунов ← Горбун ← горбун); *Горчаков* предстает рядовым членом реального мира, получившим от него определенную дозу горечи и огорчений: *«Ты хочешь огорчить меня?» «Конечно. / На то я, как известно, Горчаков»* [4, с. 177]. Коммуникативная ситуация, модель которой выстраивается автором, достаточно статична, а потому не требует переключения, которое выразилось бы в смене форм именованья героев. Напротив, такая последовательность и константность лишь подчеркивает устойчивую взаимосвязь образов с теми философскими идеями, которые вплетаются в описанные автором ситуации. Неспроста на уровне интертекстуальных связей появляется прецедентный антропоним *Фрейд*, чей образ в контексте неразрывно связан с темой сна. Как известно, австрийский врач-психиатр и психолог отводил сну особое место, рассматривая их как один из способов преодоления психологических проблем. Оним Фрейд, введенный в контекст, проецирует соответствующие смысловые блоки: *«Фрейд говорит, что ка-*

ждый – пленник снов / Как странно в это вдумываться снова... / Могилы исправляют горбунов!.. / Конечно, за отсутствием иного / лекарства»... [4, с. 197]. Герой видит во сне море (символ первичного неистощимого, безграничного источника жизни) и грибы (символ жизни после смерти [5]), причем последний знак является истинным, вновь обращая к основному мотиву – человеческая отчужденность в земном мире может быть преодолена только смертью и переходом в другой мир. Разнообразие семантических групп онимов, составляющих ономастический фон, создают впечатление бесприютности и несвязанности центрального лирического героя ни с чем в этом мире.

Социальная маркированность онимической лексики в поэзии В. Короткевича последовательно проявляется в поэме «Слова пра чалавечнасць». Для именованного персонажа используются единицы **Чаховіч, Чаховіч Рыгор, Рыгор**. Вариант *Рыгор* – для выражения более тесных межсубъектных связей, когда в прагмакомпоненте содержится элемент «обращаюсь к тебе так, как к людям, которых хорошо знаю», *Чаховіч Рыгор* – для моделирования коммуникативной ситуации большего субъектного отдаления участников; *Чаховіч* – для ситуации знакомства при обращении к объекту, с которым ранее контактов не имелось. Специфической лингвокультурной чертой, свойственной белорусской картине отражения социальных взаимоотношений субъектов, является употребление единиц со структурой «*пан* + личное имя», «*пан* + фамилия» – **пан Рыгор, пан Чыкоўскі**. К семантике именованного добавляется смысловой блок «я выражаю благодарность, проявляю особое уважение в ответ на принятое приглашение к коммуникации».

Реализация скрытой текстовой антитезы связана с употреблением именованных главных героев – мужа и жены – *Чаховіч Рыгор* и *Ганна Львоўна*. Модель «личное имя + отчество» чаще употребляется для подчеркивания социального пиетета, связанного с особым субъективным отношением к объекту именованного. В контекст номинация *Ганна Львоўна* транслирует это первичное значение, которое существует и в реальной коммуникации, а вслед за ним – дополнительные смысловые блоки: стремление героини к социальному уважению и привилегированному положению привели ее к трагичному финалу; персонажи с именами *Чаховіч Рыгор* и *Ганна Львоўна* становятся несовместимыми: «*Ў гэткім ціхім, глухім, старажытным горадзе, / У якім жыццё няспешна ішло, / Працякала палова жыцця Рыгора, / А ў жыцці і шчасце, і гора было*» [6] – «*Ганне Львоўне хацелася шуму сталіцы, / Рысакоў, бульвараў, дасціпных людзей, / А не гэтай дзюры, дзе можна ўтаніцца / Ад тугі, ад нуды, ад разбітых надзей*» [6, с. 99].

Вывод. Таким образом, маркированность онимической лексики является неотъемлемой реалией внутритекстового пространства, которая сказывается на семантической и функциональной валентности текста. Социальная маркированность поэтической лексики как наиболее сложное и многомерное явление традиционно не является объектом преимущественного внимания исследователей, редко попадая в поле научных интересов. Тем не менее эта характеристика онимов наиболее точно и достоверно определяет параметры тех коммуникативных ситуаций, что конструируются авторами в границах текстового пространства. Именно подробности условий межличностных взаимодействий позволяют адресату текста в полной мере их смоделировать, используя предшествующий опыт реального общения. В приведенных контекстах ярко отражает-

ся процесс переключения разных стилей и типов коммуникации, которые проявляются в том числе и в варьировании формул именования отправителями и адресатами высказываний.

Л и т е р а т у р а

1. Лотман, Ю.М. О поэтах и поэзии: анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 2001. – С. 90.
2. Крысин, Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка / Л.П. Крысин. – М., 1989. – С. 35.
3. Пастернак, Б. Избранное: в 2 т. / Б. Пастернак. – М.: Художественная литература, 1985. – Т. 1: Стихотворения и поэмы. – 1985. – С. 284.
4. Бродский, И. Остановка в пустыне / И. Бродский. – СПб.: Пушкинский фонд, 2000. – С. 113.
5. Тресиддер, Д. Словарь символов / Д. Тресиддер. – М.: Фаир пресс, 2001. – С. 65.
6. Караткевіч, Ул. Збор твораў: у 8 т. / Ул. Караткевіч. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1987. – Т. 1. – С. 98.

S U M M A R Y

The article is devoted to the problem of researching the onomastic elements of poetical text. The author singles out that the characteristic of onims defines in the best way the parameters of those communicative situations which are constructed by the authors within the framework of text space.

Поступило 19.03.2010

УДК 808.26(043)

Жанрава-стылёвая адметнасць драматургіі Віцебшчыны

Т.У. Аляксеева

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Падкрэсліваецца актыўнае развіццё драматургічнага жанру на Віцебшчыне. Аналізуецца дзейнасць Фёдара Палачаніна, рускамоўных аўтараў Барыса Кантаровіча і Генадзя Катлярова, рэжысёраў Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа Віталія Баркоўскага і Валерыя Маслюка. Падаюцца лаканічныя біяграфічныя звесткі пра драматургаў, раскрываецца асноўная праблематыка і тэматыка твораў, характарызуецца стылёвая манера аўтараў. Акцэнтуюцца ўвага на цікавасці майстроў п'яра да маральна-этычных пытанняў, філасофскіх паняццяў, перадачы гістарычных фактаў, выкарыстанні ёмістых абагульненняў пры апісанні падзей і стварэнні вобразнай сістэмы. Разам з тым кожны аўтар мае адметны індывідуальны стыль, адрозніваецца і іх манера выкладу апаведу.

Адзначаецца, што рэгіянальная драматургія з'яўляецца неад'емнай часткай сучаснай нацыянальнай літаратуры і культуры.

Віцебскі рэгіён багаты на таленты. Варта падкрэсліць актыўнае развіццё драматургіі, абумоўленае тым, што ў гэтым кірунку вельмі плённа працуюць майстры п'яра. Адметнасцю драматычнага жанру з'яўляецца тое, што «аўтар не можа актыўна ўмешвацца ў ход падзей, даць разгорнуты каментарый або апісанне прыроды, штосьці “дагаварыць” за героя, псіхалагічна абгрунтаваць, ацаніць яго ўчынак, а ў асноўным абмяжоўваецца кароткімі рэмаркамі» [1]. Драматычны твор прызначаны для выканання на сцэне, для зрокавага ўспрыняцця кожнай дзеючай асобы.

У драматургіі Віцебшчыны назіраецца філасофскае асэнсаванне жыццёвага досведу, зварот да гістарычных рэалій, раскрыццё маральна-этычных праблем, выкарыстанне ёмістых абагульненняў пры апісанні падзей і стварэнні вобразнай сістэмы.

У беларускім літаратуразнаўстве не асветлена дзейнасць многіх драматургаў пазначанага рэгіёну, адсутнічае сістэматызацыя іх спадчыны. Пэўныя звесткі пра асобных аўтараў можна знайсці ў працах Ю. Іваноўскага, Т. Катовіч, Л. Сялянкі, Г. Шпакоўскай. Разам з тым даследчыкамі не падаецца грунтоўны аналіз творчасці Барыса Кантаровіча, Генадзя Катлярова, Віталія Баркоўскага, Валерыя Маслюка, Фёдара Палачаніна.

Мэта нашага артыкула – ахарактарызаваць дзейнасць вышэйназваных драматургаў Віцебшчыны. Задачы даследавання наступныя:

- 1) раскрыць тэматыку і праблематыку творчасці Барыса Кантаровіча, Генадзя Катлярова, Віталія Баркоўскага, Валерыя Маслюка, Фёдара Палачаніна;
- 2) выявіць агульнае і адметнае ў стылёвых манерах пералічаных аўтараў;
- 3) акрэсліць жанравую разнастайнасць спадчыны драматургаў Віцебшчыны.

Творчасць рускамоўных драматургаў Барыса Кантаровіча і Генадзя Катлярова. Б. Кантаровіч нарадзіўся 26 красавіка 1929 года ў Віцебску, скончыў Мінскі юрыдычны інстытут. Больш вядомы як выкладчык Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя П.М. Машэрава. У апошнія гады займаўся літаратурнай дзейнасцю, у выніку ім былі напісаны наступныя зборнікі: «Першыя і апошнія» (1998), «Нявольнікі гонару» (2000), «Незадоўга да і пасля Халакоста» (2002), «Звычайныя справы» (2002). У сваіх п'есах аўтар даследуе маральна-этычныя пытанні ў межах грамадства ці асобнай сям'і, узнаўляе гістарычныя факты, ілюструе з дакументальнай праўдзівасцю дзейнасць знакамітых асоб. Яго светапогляд грунтуецца на гуманізме, дэмакратыі і нацыяналізме, якія непасрэдным чынам паўплывалі на творчую манеру аўтара. У кінасцэнарыі «Палкоўнік Лакціёнаў» ужываецца мноства выдуманых герояў, сітуацый, аднак мастацкая задума заснавана на рэальных правобразях і падзеях. Хутка мяняецца час і месца дзеяння ў творы, згадваюцца такія беларускія гарады і мястэчкі, як Лепель, Полацк, Малыя Жаркі і іншыя. Б. Кантаровіч перадае гераізм партызанаў у барацьбе за сваю незалежнасць, апісвае расстрэл мірных жыхароў.

Актуальна гучаць праблемы бацькоў і дзяцей, раскрываецца непаразуменне двух пакаленняў («Першыя і апошнія»), моц пачуццяў. Персанажы ставяцца ў складаныя ўмовы, праз якія праяўляецца іх сапраўдная сутнасць. Кантаровіч пранікае ў глыб чалавечай душы, аналізуе ўнутраныя пакуты, сумненні, хістанні персанажаў. Аднак героі застаюцца вернымі сям'і, уласнаму гонару. П'еса «Галіна Пятрова» пабудавана на інтрызе, тайне. Сам пісьменнік на баку чыстага, сапраўднага кахання, таму натуральным з'яўляецца ўсведамленне галоўнай гераіняй Пятровай сваёй задачы: дапамагаць блізкім і родным людзям рабіць жыццё зразумелым і жаданым. Драматург праявіў сябе тонкім псіхалагам, даследчыкам матывацыі ўчынкаў персанажаў. Аўтар прасочвае сувязь паміж мінулым і сучасным, уздымае пытанне адказнасці дарослых за выхаванне моладзі, разважае пра сэнс жыцця, шчасця. Кніга «Звычайныя справы» змяшчае п'есы, напісаныя ў вершаванай форме. Твор «Тэатра звычайныя справы» жанрава акрэслены як тэасцэнарыі. Гэтым паняццем ён жадаў падкрэсліць адметнасці кампазіцыі. Тут адсутнічае размежаванне на дзеі, акты, карціны, ёсць толькі ланцуг шматлікіх сітуацый. У п'есе «Я жыццё правёў у прадчуванні цуда» выпісаны вобраз вядомага мастака Марка Шагала, узноўлены факты з біяграфіі дзеяча культуры, вызначана прафесійная пазіцыя: «Мастацтва – гэта стан душы, яе свабоды» [2], «Без унутранай, асобнай рэвалюцыі – няма знешняй, грамадскай. З гэтай унутранай любові і дабрыні і пачынаецца чалавектворца, ва ўсім» [2, с. 174]. У творы акцэнтуюцца ўвага на прыхільнасці да роднага Віцебска не толькі Марка Шагала, але і самога аўтара. Барыс Кантаровіч сцвярджаў: «Напэўна, наш горад валодае такой моцнай аўрай, яго гісторыя і аблічча настолькі захапляюць тых, хто жыў ці жыве ў ім, што ўздзеянне гэта адбівалася і адбіваецца на ўсіх іх справах, як моцны магніт прыцягваў і прыцягвае іх думкі і памкненні» [3]. Таму так часта звяртаўся аўтар да адлюстравання падзей, звязаных з Віцебскам.

Генадзь Катляроў – член Саюза пісьменнікаў Беларусі. Нарадзіўся 19 красавіка 1937 года ў г. Добруш Гомельскай вобласці, аднак большую частку жыцця правёў на Віцебшчыне. Скончыў чыгуначны тэхнікум у Оршы, працаваў на заводзе «Эвістар». Творы драматурга высока адзначаны грамадскасцю. П'еса «За гадзіну да пад'ёму» заня-

ла 1-е месца ў Рэспубліканскім літаратурным конкурсе Міністэрства абароны, прысвечаным 85-годдзю Беларускай арміі. За п'есу «Мост» аўтар атрымаў медаль Прэзідэнта Рэспублікі Беларусь «Да 60-годдзя вызвалення Рэспублікі Беларусь ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў». У сюжэтную канву апошняга з названых твораў пакладзены рэальныя факты 1944 года, раскрываецца ход гістарычных падзей у перыяд вызвалення моста Блахіным у Віцебску. Вядомыя і такія п'есы драматурга, як «Катэдж для генерала», «Вышэйшая мера», «Агароджа на вакне», «Партыйцы завода». Асабліва адметныя апошнія два драматургічныя творы, змешчаныя ў кнізе «Цені бледнага месяца». Тут аўтара цікавяць тэмы ўзаемаадносін паміж мужчынам і жанчынай, вернасці і здрады, маральнай ўстойлівасці грамадства. Генадзь Катляроў здолеў стварыць яркую камічную сітуацыю ў п'есе «Партыйцы завода», у якой выкрываюцца хібы людзей у час «перабудовы»: выкарыстанне службовых пасадаў у сваіх мэтах, падхалімства, разбэшчанасць, п'янства, непрыстойныя міжасобныя паводзіны.

Твор «Агароджа на вакне» мае сучасны сюжэт, характэрны для рэальнага жыцця. Відавочны любоўны трохкутнік, парушаны звычайны сямейны лад. Напаўзвар'яцелая жанчына-інвалід выступае носьбітам сумленнасці, дзіцячай наіўнасці і чысціні, добразычлівасці. Акцэнтавана пастаўлена ў п'есе праблема людской адзіноты, недахопу дзіцячай увагі да бацькоў.

Літаратурная дзейнасць рэжысёраў Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа. Асобна трэба акрэсліць спадчыну рэжысёраў Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа, якія самі з'яўляюцца стваральнікамі п'ес. Хоць Віталь Баркоўскі (псеўданім В. Остраў) нарадзіўся не на Віцебшчыне, аднак творчасць яго звязана з гэтым рэгіёнам. Зварот да ўласнай распрацоўкі п'ес адбыўся ў яго пасля доўгага вывучэння спадчыны айчынных і замежных драматургаў. Змястоўнай па задуме атрымалася п'еса «Зямля» (паводле творчасці Я. Коласа). Тут у кола дзеючых персанажаў уключаны вобразы з розных кніг класіка беларускай літаратуры (Антось, Міхал, Доля, Муза і іншыя), гучаць і радкі з паэмы «Новая зямля». Лейтматывы ў п'есе – шанаванне продкаў, мастак і мастацтва, шчасце і воля народа.

П'еса «І нас пацалуе Світанак» закранае балючую праблему ўсяго свету – барацьбу з наркаманіяй. Адлюстроўваецца паступовы распад прыстойнай сям'і чыноўніка, безабароннасць перад гэтай атрутай. Менавіта ў сям'і адбываецца фарманне асобы дзіцяці. Драматург паказвае ў творы, што яе выхаваўча-фармуючая роля адыходзіць на другі план, не з'яўляецца для бацькоў першасным арыенцірам. Кар'ера, матэрыяльныя каштоўнасці займаюць дамінуючае месца ў сістэме прыярытэтаў людзей, таму геранія абсалютна не падрыхтавана да самастойнага жыцця, з лёгкасцю і хуткасцю далучаецца да наркотыкаў.

У пастаноўках для В. Баркоўскага «галоўнае – думка, узбуйненая да паэтычнага абагульнення. Яму цікавыя не праблемы побыту і жыццёвага ладу, а праблемы душы. Таму і форма ягоных спектакляў самая разнастайная. То нязмушаная, то гратэская і пакрычастая, то геаметрычна ўдакладненая» [4]. Усё зробленае ім мае псіхалагічную заглыбленасць. Аўтар «акцэнтуюе цэласнасць унутранага свету чалавека ў шматгранным сучасным асяроддзі. У мастацкіх структурах яго твораў наваколле процістаіць чалавеку, а чалавек дзякуючы сваёй духоўнай моцы імкнецца пераадолець разарванасць свету...» [5].

Валерый Маслюк нарадзіўся 30 сакавіка 1953 года ва Ушачах. На працягу 1997–2001 гг. з’яўляўся рэжысёрам Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа. Яго спектаклі вызначаліся метафарычнасцю, загадкавасцю, псіхалагізмам, філасофскай паглыбленасцю. Найбольш драматычныя перыпетыі з жыцця грамадства адлюстроўваліся аўтарам на сцэне. Па словах Ю. Іваноўскага, пісьменнік занатоўвае тое, «што адбываецца з краінай, нацыяй, яе свядомасцю, пракаветнай мараллю» [6].

Гэтым рэжысёрам-пастаноўшчыкам напісаны і ўласныя п’есы: «Пад сонцам», «Кацігарошак», «Усё о’кей, браточкі!», «Фламенка, альбо Танец каханья», «Хоба». Тры апошнія творы ўваходзяць у кнігу «Я паспею, я ўсё паспею...», якая была выдадзена дзякуючы калегам і сябрам творцы. Заўважаецца імкненне драматурга высветліць прычыны жорсткасці, амаральнасці, бездухоўнасці ў свеце. Персанажы прадстаўлены палярнымі, кантрастнымі. Аўтар канцэнтруе ўвагу на асобе чалавека, даследуе розныя сацыяльныя пласты, паказвае, як матэрыяльны дабрабыт уплывае на людзей, кіруе іх учынкамі, паводзінамі. Яго п’есы жывыя, яскравыя, надзённыя. Асоба драматурга прасочваецца ў кожным творы, відавочны яго песімізм, распач.

У сваіх творах В. Маслюк «такі ж, які ў спектаклях, які быў у будзённым жыцці, у побыце, у зносінах з сябрамі: найперш неаб’якавы да ўсіх праяў бездухоўнасці, агрэсіўнасці, бяздушша, карацей – мяшчанскага манкурцтва, якое ўсё больш раз’ядае нашы істоты і нашу свядомасць, кранальны, шчыры, “нервовы, улюбёны ў радзіму і жыццё”» [7]. Драматург прымушае задумацца наконт будучыні. Некалькі ідэйна-сюжэтных ліній прасочваецца ў драме «Пад сонцам»: экалагічны стан вёскі пасля чарнобыльскай аварыі, праблема п’янства, цяжкая доля жанчын.

У большасці п’ес раскрываюцца два планы: рэальны і містычны. У апошнім дзейнічаюць персанажы фантастычныя. Гэта дапамагае аўтару адлюстраваць уласныя ўяўленні, мроі. У творах «Усё о’кей, браточкі!» і «Хоба» цэнтральным з’яўляецца вобраз падлетка. Уводзячы ў мастацкую тканіну твораў гэты персанаж, драматург папярэджвае нашчадкаў пра сур’ёзныя наступствы, сцвярджае, што жыццё недасканалае. Менавіта дзеці вырашаюць лёс усяго жывога. Дзеянне п’есы «Усё о’кей, браточкі!» адбываецца ў вагоне-рэстаране міжнароднага цягніка, які накіроўваецца за мяжу. Аўтарам сабраная разам каляровая і стракатая сістэма герояў: новы рускі, круты (звязаны з крыміналам), ліліпут, стары яўрэй, міліцыянер, прастытутка і інш. Героі пакідаюць сваю Радзіму, шукаючы лепшага: асабістага шчасця, багацця на чужыне. Напрыклад, Пажылы пра людзей у нашай краіне кажа: «Нешта робіцца і нехта робіць, але часцей за ўсё – для сябе, ад нізу самага да самага гарышча! Не толькі тут, але тут так яскрава, даўным-даўно перасталі звяртаць увагу на бязвінна пралітыя дзіцячыя, ды і дарослыя, слёзы, нацыі і асобы. А віноўнікі слёз пралітых кожную ноч салодка спяць, душы свае прадаўшы» [8]. У вагоне здзяйсняюцца забойствы, аднак ніхто не можа адшукаць злодзея. Да апошняга моманту аўтар трымае дзеянне ў напружанні, пакуль не высвятляецца, што ўсё гэта зроблена падлеткам. Грамадства пакарана малодшым пакаленнем, дзіця не шкадуе нават роднай маці. Цікавіць яго толькі адно: ці пакажа тэлебачанне. Гэтае пакаленне тэхнагеннае, аўтаматызаванае, дасведчанае ў многіх пытаннях, але разбуральнае, вынішчальнае.

У п'есе «Хоба» выпісаны вобраз бескарыслівага пісьменніка, што асобна жыве ад жонкі і дзяцей, далёка ад цывілізацыі. Творца звяртае ўвагу на жытло персанажа, адзначае, што хата падобная да вострава ці плыта. Галоўны герой кажа, што «зноў вучыўся хадзіць, разумець, што такое зямля, лес, вада. Я тут пасадзіў сваю першую бульбіну, і тут у мой вулей прыляцела пчала... Я ўпершыню тут сказаў сваё слова» [8, с. 190]. Толькі ў гэтай пустэчы ён адчуў палёжку ад сквапнасці, бруду. Зноў менавіта падлетак выконвае ролю ахоўніка цэнтральнага персанажа, дапамагае яму высветліць унутраную сутнасць родных людзей, якіх цікавяць перш за ўсё грошы. Душа таленавітага чалавека не вытрымлівае, герой ідзе на самагубства. Прасочваецца ідэйна-сюжэтная лінія людзі-звяры (ваўкі). Бачна, што звяры душэўныя, чулыя, трымаюцца адзін аднаго. Яны стаяць вышэй асобных людзей, якія страцілі свае лепшыя ўнутраныя якасці.

П'еса «Фламенка» прысвячаецца юнацтву. У ёй выпісаны вобраз жанчыны, якая ўсё жыццё кахае аднаго чалавека, не здраджае свайму пачуццю.

Настаўніца Лізавета Раманаўна жыве мінулым, думкамі, успамінамі, таму працягвае захоўваць фотаздымкі каханага, артыкулы з газет. Нават выбівае сабе пуцёўку ў дом адпачынку, даведваючыся пра яго знаходжанне там.

Сюжэт пабудаваны на размовах персанажаў. Гераіня слухна даводзіць доўгачаканаму госцю: «Ты настолькі добры, што з лішкам. Разумееш, ёсць “ліха”, а калі маленькае – “лішка”. Дык вось, тваё дабро з “лішкам”. Я не аб працы... А вось у жыцці табе ўсіх шкада. І не хочаш быць побач, а застаешся: трэба ж быць добрым, шкада. І не любіш чалавека, поскудзь ён: ну, як жа пакрыўдзіць, нельга, чалавек жа, шкада... Гаркаватае тваё дабро...» [8, с. 159]. Сапраўды, гэтая дабрыня прыносіць боль, зло, агіду.

Для твора характэрны нерэальны пачатак (з'яўленне дамавіка-анёла-ахоўніка). Гэты кватэрны вяхар разам з усімі разважае, думае, папярэджае пра небяспеку (прыход рабаўніка).

Фінал п'есы адкрыты. Мужчына ў роздуме: «Нам што рабіць? Што далей? Ах, калі б толькі ведаць, калі б толькі ведаць...» [8, с. 177]. Аднак аўтар завазрае ўвагу на тым, што ўсе героі знаходзяцца побач і ў вясёлым настроі.

Як бачна, В. Маслюк закранае ў творах агульначалавечыя пытанні, значныя і актуальныя. Выкарыстанне драматургам уласных мрояў дазваляе прасачыць матывы ўдасканалення грамадства, папярэдзіць многія няшчасці.

Драматургія Фёдара Палачаніна. Фёдар Палачанін належыць да ліку найбольш актыўных драматургаў рэгіёну. Нарадзіўся 27 жніўня 1951 года ў вёсцы Чаркасы Докшыцкага раёна Віцебскай вобласці. Удзельнічае ў выступленнях Докшыцкага народнага тэатра з 1980 года. Працаваў намеснікам начальніка аддзела адукацыі Докшыцкага райвыканкама. У апошнія гады паспяхова займаецца пісьменніцкай дзейнасцю. Выдадзены яго кнігі «Расплата за нелюбоў» (1998), «Недаспяваная песня» (2001), «Белы абрус» (2002), «Урок на ўсё жыццё» (2003), «Не свая віна» (2003), «Недаспяваная песня ў сэрцы гучыць» (2004), «Вяртанне да першачысціні» (2004), «Пазычанае шчасце» (2005), «Нявыпраўленая памылка» (2005). Вядома, што ў 2005 годзе на абласной выставе-конкурсе літаратурных матэрыялаў кніга «Недаспяваная песня ў сэрцы гучыць» адзначана дыпламам 1-й ступені ўпраўлення адукацыі Віцебскага аблвыканкама.

Драматургія аўтара вызначаецца своеасаблівым адлюстраваннем жыццёвых калізій, надзённасцю тэмаў. Дамінуе зварот аўтара да маральна-этычнай праблематыкі. Пагаджаемся з В. Паўлоўскай, што «мараль прадстаўляе сабой асобую сферу сацыя-культурных адносін, у якой знаходзіць адлюстраванне дыхатамія добра і зла, праз якую ажыццяўляецца рэгуляцыя і самарэгуляцыя чалавечай жыццядзейнасці, адбываецца фарміраванне і праяўленне ўласна чалавечага ў чалавеку» [9]. Фёдар Палачанін займае будзе сюжэт твораў, уздымае найбольш вострыя пытанні сям'і, грамадства, міжасобных адносін. У першую чаргу яго цікавіць персана чалавека, памылкі, здзейсненыя людзьмі ў напружаныя моманты, пошук выйсця з крызіснай сітуацыі.

У эпіцэнтры ўвагі драматурга наступныя пытанні: бацькі і дзеці, Радзіма, эміграцыя, адзіноцтва, памылкі маладосці, хлусня ў грамадстве, «вольнае» і сапраўднае каханне.

Аўтар даводзіць герояў да ўсведамлення сваіх няправільных дзеянняў, да прызнання памылак. Менавіта пасля гэтага прыходзіць супакаенне душы, ачышчэнне сумлення.

Ф. Палачанін лічыць, што «толькі матэрыяльныя каштоўнасці не могуць быць жыццёвым арыенцірам, што чалавек нараджаецца, каб дбаць пра чысціню сваёй душы, клапаціцца пра гармонію і душэўны камфорт у нашым агульным вялікім доме» [10].

Персанажы ў драматурга падаюцца даволі палярнымі асобамі. Гэта дапамагае аўтару глыбей раскрыць маральную прыгажосць і чысціню паводзін і думак людзей.

Вялікую ролю адыгрывае ў творчай спадчыне аўтара праблема бацькоў і дзяцей. Ужо ў аднайменнай п'есе з першай кнігі «Расплата за нелюбоў» гераіня не прымае дзяўчыну, з якой жадае звязаць свой лёс яе сын. Палачанін прытрымліваецца думкі, што нельга ўмешвацца ў шчасце іншых.

У п'есе «Белы абрус» канфлікт узнікае з-за нежадання сына Вадзіма хадзіць у школу. Юнак заганарыўся, пачаў сябе лічыць інтэлігентам у першым пакаленні: «Я ж цяпер самы вучоны чалавек у нашай сям'і» [11], аднак маці вельмі трапна гаворыць: «Калі мы і менш за цябе класаў прайшлі, затое нас жыццё вучыла, і больш строга, чым цябе. Маладыя ад старых вучацца» [11, с. 75]. Аўтар лічыць, што варта цаніць навакольнае асяроддзе, блізкіх людзей, дзякуючы якім чагосьці дасягаеш у свеце.

Ф. Палачанін адыходзіць ад выключна станоўчай трактоўкі вобраза маці. У яго творах маці можа перашкаджаць шчасцю роднай дачкі («Спытай сэрца сваё»), адмаўляецца ад дзіця («Нявыпраўленая памылка»), робіць аборт («Не свая віна»).

Апісвае ён і глупствы моладзі, зайздасць да іншых, пакуты адзіночкі людзей; ілюструе наступствы «вольнага» кахання; раскрывае ўзаемаадносінны ў сям'і, дрэнныя звычкі чалавека, уплыў веры на лёс закаханых, імкненне персанажаў да набыцця адукацыі, іх стаўленне да Радзімы. Высмейваюцца такія рысы характару, як пляткарства, падман, хітрасць, сквапнасць і іншыя.

Калі ў творы «Белы абрус» бацька героя лічыць, што для паступлення ў навучальныя ўстановы патрэбны толькі розум, што «за грошы – гэта не навука» [12], то ў трагедыі «Не свая віна» жанчына пасля няўдалай спробы дачкі паступіць у медыцынскі інстытут упэўнена прамаўляе: «Хто мае капітал, той і да шчасця хутчэй даб'ецца. Цяпер жа ўсё прадаецца, усё купляецца: і вучоба, і работа...» [11, с. 4]. Такім чынам, надзённа гучыць праблема значнасці матэрыяльных каштоўнасцей у грамадстве пры вырашэнні асабістых спраў.

У камедыі «Санаторная песня» пастаўлена пытанне разбэшчанасці, непрыстойнасці, здрады блізкім. Санаторый падаецца месцам, дзе распаўсюджаныя падман, любоўныя прыгоды, дзе не звяртаецца ўвага на нормы маралі і этыкі. Пісьменнік асу-джае такую схему паводзін, не прымае пошук іншымі героямі такіх «забаў» і іх прынцып весела правесці час.

У п'есе «Кветкі дзяцінства» характарызуецца жыццё беларусаў за межамі сваёй краіны, у Польшчы. Фёдар Палачанін сцвярджае, што не трэба выракацца ўласных каранёў, роднай мовы, культуры, дзе б далёка чалавек ні знаходзіўся.

У драме «Спытай сэрца сваё» раскрываецца вобраз жанчыны, якая не была «гаспадыняй свайго лёсу» [12, с. 101]. Марыне ўжо даўно за трыццаць год, аднак яна не можа вырашыць пытанне, якое датычыцца яе асабістага шчасця, будучага жыцця. Менавіта па гэтай прычыне разладжваецца і вяселле. Аўтар завастрае ўвагу на праблеме адзінокага чалавека, прыводзіць прыклады такіх людзей, апісвае іх думкі, побыт, цяжкае існаванне. Цётка Марына прызнаецца: «Адзінота праклятая... Не атрымалася ні кар'еры, ні сям'і. А так хацелася б, каб і ў мяне было ўсё, як у людзей. Пасля работы ўсе бягуць дамоў, толькі мне няма да каго спяшацца... Мяне ніхто не чакае. Дамашнія вокны ўсіх сустракаюць святлом, а мяне – толькі цемрай...» [12, с. 105–106]. Тут адчуваецца горьч, крыўда на сябе, вялікія душэўныя пакуты гераіні: «...Нікому не спатрэбілася ні мая прыгажосць, ні адукацыя, ні тое, што я добрая гаспадыня» [12, с. 104].

У камедыйным творы «Учарашняга дня не вернеш» высмейваецца залішняе даверлівасць чалавека. Галоўная гераіня хоць і была хітрай і няшчырай, аднак сама патрапіла ў пастку. Прыход да яе цыганкі карэнным чынам змяніў сітуацыю. Нечаканая госця прамаўляе такія словы: «Думаеш, што замуж выйшла, дык і шчасцю на хвост наступіла. Мужык твой – гэта паўшчасця толькі» [12, с. 123]. Грэта ступае на авантурны шлях, губляе свайго каханага. Жанчына не прытрымлівалася законаў маралі, таму была пакарана лёсам. Аўтар пераконвае, што трэба заўсёды рабіць прагнозы на будучае, задумвацца, якую карысць нясуць здзейсненыя ўчынкі, ці з'яўляюцца яны бар'ерам на чым-небудзь шляху да спакойнага і шчаслівага жыцця.

Драматычны твор па сваім змесце больш трагічны, чым камедыіны. Фёдар Палачанін завастрае ўвагу на распадзе сям'і, абвінавачвае ў гэтым жанчыну. Менавіта хітрасць, зайздасць, выхваленне перад іншымі перашкаджаюць гераіне нармальна будаваць міжасобныя адносіны. Муж Грэты Арцём адзначае: «...Хопіць тваіх грахоў да канца жыцця, каб па-сапраўднаму за іх раскаяцца. Усё жыццё рабіла толькі дрэннае. У вёсцы, напэўна, няма ніводнай сям'і, дзе не ліліся праз цябе людскія слёзкі. Запомні! Хітрэйшай за ўвесь свет не будзеш!» [12, с. 148].

Пісьменнік застаецца верным сваёй ідэі: дабро перамагае зло, а галоўны герой атрымлівае своеасаблівы ўрок, пачынае разумець машабнасць зробленай шкоды.

П'еса «Не свая віна» падае ўзор дабрыні і чулівасці да ўсяго акаляючага. Нават выбар будучай прафесіі гераіні (жадае стаць урачом) характарызуе яе з лепшага боку. Бачна, што Верачка паважае сваіх бацькоў, цікавіцца іх здароўем, віншуе з усімі святамі. Адносіны з каханым таксама пабудаваны на даверлівасці і цеплыні. Аўтар сцвярджае, што такім людзям даводзіцца складана ў амаральным грамадстве, таму так трагічна заканчваецца жыццё гераіні (сяброўка падштурхнула пад цягнік).

Прадстаўнікі маладога пакалення жывуць толькі сённяшнім днём. Пра гэта слушна гаворыцца ў п'есе «Нявыпраўленая памылка»: «Праўду кажучь людзі: пытае старасць, што прыгатавала маладосць...» [12, с. 41].

Варта адзначыць, што творчасць Ф. Палачаніна прасякнута рэлігійнымі матывамі. У асобных п'есах цалкам выкарыстоўваюцца сакральныя сюжэты, падаецца ўласнае разуменне гэтых падзей. Многія яго літаратурныя героі жывуць з верай у Бога, прытрымліваюцца хрысціянскіх заветаў.

Рэлігійная тэма спалучаецца з тэмай каханьня, адзіноты. Напрыклад, у меладраме «Нявыпраўленая памылка» выказваецца наступная думка: «Нельга жыць на свеце з крыўдай у сэрцы. Яна можа нарабіць бяды. Трэба прывучаць сябе дараваць сваім крыўдзіцелям. А гэта ж маці! Дзецям вельмі цяжка судзіць учынкі бацькоў. На тое ёсць Бог» [12, с. 63].

У драме «Вяртанне да першачысціні» паказаны складаны шлях да ісціны. Аўтар звяртае ўвагу на тое, як алкагалізм раз'ядноўвае сем'і, перашкаджае шчасцю. Толькі размова з айцом Андрэем дае галоўнаму герою ўсведамленне таго, што кожны чалавек абсалютна вольны і незалежны ў выбары ўласнага лёсу, сваіх шляхоў на гэтай зямлі.

Менавіта «крызіснае становішча сацыяльнага жыцця адметна ажывіла рэлігійныя пачуцці многіх людзей. Імкнучыся пераадолець індывідуальныя перажыванні і пакуты, выкліканыя складанымі жыццёвымі калізіямі, знайсці суцэльнае і духоўнае апору ва ўмовах сацыяльнай нестабільнасці, людзі вяртаюцца да традыцыйных рэлігійных каштоўнасцей, альбо пачынаюць прызнаваць тыя ці іншыя нетрадыцыйныя вераванні» [9, с. 11]. Пра гэта распавядаюць і п'есы Фёдара Палачаніна.

Драматург з'яўляецца добрым аналітыкам. Ён заўсёды імкнецца высветліць першапрычыны канкрэтнага здарэння, канцэнтруе ўвагу на вырашэнні безвыходнай сітуацыі.

Літаратурна-музычныя кампазіцыі Палачаніна «Зямны шлях Ісуса Хрыста», «З гісторыі жыцця Дзевы Марыі», «Голас сумлення» выконваюць гнесеалагічную функцыю. Біблія занатоўвае адвечныя духоўныя каштоўнасці, да якіх варта звяртацца, супастаўляць асабістае жыццё з яе прадпісаннямі. Менавіта такога пункту гледжання прытрымліваецца пісьменнік. Асоба Хрыста невычарпальная, таму ўзнікае цяга да яе разгляду, да знаходжання нечага новага, блізкага кожнаму грамадзяніну свету.

У мастацкую тканіну твораў драматург уводзіць вершаваныя радкі, а літаратурна-музычная кампазіцыя «З гісторыі жыцця Дзевы Марыі» поўнасьцю мае вершаваную форму. Іакім і Ганна, Марыя, Ісус, Іосіф прадстаўлены ў адпаведнасці з біблейным першаварыянтам.

Напрыклад, наконт Марыі можна даведацца наступнае:

Яна мела чыстае сэрца,

Госпада Бога любіла

І ў шчырых малітвах

Шмат часу праводзіла [11, с. 182].

Аўтар не адыходзіць ад рэлігійных тэкстаў, дакладна перадае жыццёвы шлях Ісуса, Марыі ад нараджэння да смерці. Неад'емнай і станоўчай часткай кампазіцый вярта лічыць падвядзенне аўтарам высноў:

Шанаваць бацькоў сваіх
Ісус Хрыстос заклікаў,
Каб добра было на зямлі,
Якую Гасподзь даў ... [11, с. 189].
Дзе дзяцінства тваё праляцела,
Старонку тую заўсёды любі.
Па жыцці ідзі дастойна і смела,
З дабрынёю ў сэрцы жыві [11, с. 194].

У творы «З гісторыі жыцця Дзевы Марыі» распавядаецца пра паходжанне хрысціянскага свята Пакрова, пра ушанаванне Божай Маці, якая дзеля людзей вытрымала столькі пакут. Нягледзячы ні на што «з бяды, палону і пакут яна народ ратавала» [11, с. 217].

Відавочна асуджаюцца тут такія якасці, як чэрствасць, злосць, адсутнасць жалю і спагады да іншага.

Літаратурна-музычная кампазіцыя «Голас сумлення» змяшчае некалькі прытчаў, удала ўведзеных у сюжэт (пра пшаніцу і пустазелле, пра рабаўніка, пра даўжніка, аб дзесяці дзевях). Гэта маральна-светапоглядны кодэкс грамадства, каштоўная спадчына для захавання дабрыні, чалавечнасці ў свеце. Кожная з іх – гэта ўрок нашчадкам. Актуальна гучаць наступныя заветы: «ад сэрца дараваць свайму бліжняму ягоныя грахі» [11, с. 225], «сцеражыцеся прагавітага захаплення багаццем, бо жыццё чалавека не залежыць ад лішку ў яго дастатку» [11, с. 225], «кожны, хто сябе сам узвышае, паніжаны будзе. А хто сябе паніжае, узвышаны будзе» [11, с. 228] і іншыя. У творы акцэнтуюцца ўвага на наяўнасці ў нашым жыцці «крыўды, несправядлівасці, маральнай разбэшчанасці» [11, с. 219]. На думку аўтара, зварот да Бібліі дапамагае ачысціцца ад гэтага бруду, маральна ўдасканаліцца.

Наогул, свае заўвагі і каментарыі Фёдар Палачанін будзе лаканічна, але выказвае самае істотнае, неабходнае для ўспрыняцця матэрыялу. Адчуваецца пастаянна прысутнасць яго асобы, сімпатыя да пэўнага героя.

Мова персанажаў індывідуалізаваная. Варта адзначыць вялікую колькасць прыказак і прымавак, крылатых выслоўяў, што дае мажлівасць узбагаціць мастацкі тэкст.

Драматург не проста павярхоўна апісвае праблему, а тлумачыць яе сутнасць, прапаноўвае свае варыянты вырашэння цяжкага становішча. Аўтар разважае над філасофскімі катэгорыямі шчасця, праўды, хлусні, адзіноты, сэнсу жыцця, тлумачыць з'яўленне несправядлівасці ў свеце, людской абыякавасці. Зварот да біблейнай тэматыкі дапамагае раскрыць тыя маральна-этычныя пастулаты, паводле якіх грамадства павінна жыць, улічваць іх ва ўзаемаадносінах паміж сабою.

Заклучэнне. Такім чынам, пісьменнікі Віцебшчыны паспяхова працуюць у жанры драматургіі. Імі ўзнаўляюцца гістарычныя моманты віцебскай зямлі, падаюцца значныя факты з жыцця знакамітых людзей. Адрозніваецца сама манера выкладу апаведу аўтарамі, кожны з іх мае адметны індывідуальны стыль. У аснове сваіх п'ес В. Маслюк выкарыстоўвае ўласныя мроі, уводзіць у кантэкст твораў фантастычныя элементы; Ф. Палачанін прытрымліваецца біблейскіх прынцыпаў, хрысціянскай маралі; В. Баркоўскі імкнецца арыгінальна перапрацаваць агульнавядомыя сюжэты;

Б. Кантаровіч узбагачае жанравую сістэму драматургіі, ім створаны тэасцэнарый, кінасцэнарый, драмы ў вершах. Усіх майстроў слова аб'ядноўвае цікавасць да маральна-этычнай праблематыкі, якая заўсёды гучыць надзённа, нясе прарочыя папярэджанні для наступных пакаленняў. Дамінуюць таксама разважанні над вечнымі пытаннямі, філасофскімі катэгорыямі. Усё гэта дае падставы сцвярджаць, што рэгіянальная драматургія з'яўляецца неад'емнай часткай сучаснай нацыянальнай літаратуры і культуры.

Л і т а р а т у р а

1. Валынец, Ю. Спецыфічныя асаблівасці драматычных твораў / Ю. Валынец // Беларуская мова і літаратура ў школе. – 1991. – № 1. – С. 22.
2. Кантарович, Б. Первые и последние / Б. Кантарович. – Витебск, 1999. – 185 с.
3. Кантарович, Б. Дорогие мои земляки / Б. Кантарович. – Витебск, 2004. – С. 4.
4. Творчыя партрэты рэжысёраў Нацыянальнага акадэмічнага драматычнага тэатра імя Якуба Коласа. – Мінск, 2001. – С. 6–7.
5. Катовіч, Т. Экзістэнцыяльныя пошукі Віталія Баркоўскага / Т. Катовіч // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 20 красавіка. – С. 11.
6. Іваноўскі, Ю. Боль працінаў сэрца...: [Творчасць Валерыя Маслюка] / Ю. Іваноўскі // Літаратура і мастацтва. – 2003. – 18 красавіка. – С. 10.
7. Іваноўскі, Ю. Ён многае паспеў... [Пра кніжку В. Маслюка «Я паспею, я ўсё паспею... »] / Ю. Іваноўскі // Віцебскі рабочы. – 2002. – 6 красавіка. – С. 4.
8. Маслюк, В. Я успею, я всё успею...: Поэзия. Графика. Драматургия / В. Маслюк. – Витебск, 2002. – С. 144.
9. Паўлоўская, В.А. Духоўна-маральная бяспека сучаснага грамадства: сацыяльна-філасофскі аналіз / В.А. Паўлоўская // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. – 2008. – № 1. – С. 10.
10. Салянка, Л. З верай і надзеяй / Л. Салянка // Літаратура і мастацтва. – 2007. – 23 сакавіка. – № 12. – С. 6.
11. Палачанін, Ф. Нявыпраўленая памылка: дапаможнік для класных кіраўнікоў, выкладчыкаў курса «Рэлігіязнаўства», кіраўнікоў драматычных гурткоў / Ф. Палачанін. – Мінск, 2005. – С. 77.
12. Палачанін, Ф. Не свая віна: п'есы / Ф. Палачанін. – Мінск, 2003. – С. 90.

S U M M A R Y

The creative work of playwrights of the Vitebsk region is considered in the article. The work of the Russian-speaking authors Boris Kantorovich and Gennadiy Kotlyarov and the directors of the National Academic Drama Theatre named after Yakub Kolas Vitaliy Barkovskiy and Valeriy Maslyuk and the activity of Fyodor Polochanin is analysed. Concise biographic information about the playwrights is given, the basic problems and themes of their works are revealed, the authors' style manner is characterized.

Поступило 10.03.2010

УДК 811.161.3'373

Беларуская граматычная тэрміналогія ў вучэбных і публіцыстычных выданнях 1917–1918 гадоў

В.В. Радзюк

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Аналізуюцца асаблівасці функцыянавання беларускай граматычнай тэрміналогіі ў вучэбных і навукова-публіцыстычных выданнях перыяду 1917–1918 гадоў, абумоўленыя паскоранымі і інтэнсіўнымі працэсамі развіцця тэрміналагічнай лексікі ў паслякастрычніцкі перыяд. Даследаванне праводзіцца на аснове прац вядомых беларускіх мовазнаўцаў – Б. Тарашкевіча, Я. Лёсіка, Б. Пачобкі, А. Луцкевіча, Я. Станкевіча, Р. Абіхта, якія займаліся пытаннямі нармалізацыі новай беларускай літаратурнай мовы, адпаведна і яе тэрміналагічных сродкаў. Значны акцэнт робіцца на даследаванні Б. Тарашкевіча “Беларуская граматыка для школ” як на першасным вопыце пабудовы адэкватнай сістэмы граматычных тэрмінаў.

Робіцца вывад аб нармалізацыйным патэнцыяле граматычнай тэрміналогіі 1917–1918 гадоў і аб яе ўплыве на станаўленне сучаснай беларускай граматычнай тэрмінасістэмы.

Пытанні развіцця і фарміравання беларускай навуковай тэрміналогіі выступаюць у апошнія гады прадметам пільнай увагі даследчыкаў. Аднак гісторыя лінгвістычнай тэрміналогіі, пытанні яе фарміравання, упарадкавання і функцыянавання недастаткова распрацаваны ў айчыннай лінгвістыцы. На сённяшні дзень даследаванню лінгвістычнай тэрміналогіі ў дзяржаўным аспекце прысвечаны працы Л.А. Антанюк, В.П. Краснея, М.Ф. Гуліцкага, А.І. Падлужнага, А.Я. Міхневіча, П.У. Сцяцко, П.П. Шубы.

Мэта дадзенай працы заключаецца ў вызначэнні спецыфікі функцыянавання беларускай граматычнай тэрміналогіі ў вучэбных і публіцыстычных выданнях 1917–1918 гадоў.

Матэрыял і метады. Дзеля дасягнення пастаўленай мэты прааналізаваны першыя беларускія граматыкі, вучэбныя выданні і публікацыі ў друку на мовазнаўчыя тэмы з 1917 па 1918 год.

Вынікі і іх абмеркаванне. У паслякастрычніцкі час упершыню ў гісторыі новай беларускай літаратурнай мовы востра адчуваецца недахоп беларускамоўных тэрміналагічных сродкаў [1]. Як вядома, лексіка беларускай літаратурнай мовы дарэвалюцыйнага часу была цесна звязана з вясковым побытам, культурай і светапоглядам сельскага насельніцтва, таму аснову беларускага слоўніка складалі словы агульнага ўжытку. Лексіка, якая абазначала абстрактныя паняцці, займала невялікае месца, нават істотнае папаўненне беларускай тэрміналогіі ў нашаніўскі

перыяд не палепшыла справы, бо выклікала развіццё ў асноўным мастацка-публіцыстычнага стылю [2]. На думку А.Я. Баханькова, менавіта ў паслякастрычніцкі перыяд у працэсе развіцця беларускай літаратурнай мовы назіраецца парушэнне эвалюцыйнага ходу моўных змяненняў, якое выклікалася супярэчнасцю паміж рэальнымі магчымасцямі лексікі і інтэнсіўным павелічэннем патрэбнасцей у сродках намінацыі ў сувязі са змяненнем ролі літаратурнай мовы ў грамадстве [3]. Гэта паскоранасць найбольш выразна праявілася ў папаўненні слоўнікавага складу абстрактнай, кніжнай і тэрміналагічнай лексікай.

Першыя спробы да сістэматызацыі асноўных правіл беларускай літаратурнай мовы, а значыць і адпаведнай тэрміналогіі, былі зроблены ў 1917 годзе А. Луцкевічам у брашуры “*Jak prawilna pisac ra bielarusku*”, выдадзенай у Вільні, у артыкулах, надрукаваных у газеце “*Вольная Беларусь*”, Я. Лёсіка і А. Д-ча. Большасць тэрмінаадзінак, выкарыстаных аўтарамі, рэпрэзентуюць фанетычную тэрміналогію, арфаграфічныя, графічныя і марфемныя тэрмінаадзінкі. Граматычная тэрміналогія 1917 года прадстаўлена адзінкавымі тэрмінанайменнямі, якімі карыстаецца Я. Лёсік: *граматыка, глаголы, другая асоба, трэйцяя асоба* [4]. Як вядома, у пазнейшых даследаваннях Я. Лёсіка, Б. Тарашкевіча, Б. Пачобкі і іншых навукоўцаў тэрмінаадзінка *глагол* далейшага распаўсюджвання не атрымала, а марфалагічныя тэрміны *асоба, другая асоба, трэцяя асоба* шырока ўжываюцца і ў сучаснай лінгвістычнай тэрмінасістэме.

Значнае ўзбагачэнне беларускай граматычнай тэрміналогіі пачынаецца з 1918 года. Менавіта ў гэты час выдаюцца першыя беларускія граматыкі і падручнікі новага этапа станаўлення беларускай літаратурнай мовы (R. Abiht, J. Stankewiĉ “*Prosty sposab stacca ŭ karotkim ĉase hramatnym*”, A. Luckiewiĉ, J. Stankewiĉ “*Bielaruski prawapis*”), у газетах друкуюцца артыкулы на мовазнаўчыя тэмы (Я. Лёсік “*Наш правопис*”, Я. Станкевіч “*Правопис і граматыка*”), рэцэнзіі і справаздачы (Я. Лёсік “*Рэцэнзія на падручнік А. Луцкевіча і Я. Станкевіча “Беларускі правопис*”, X. “*Справаздача аб “Граматыцэ беларускай мовы” Б. Пачобкі*”, Тройца В. “*Рэцэнзія на “Беларускую граматыку для школ” Б. Тарашкевіча*”). Названыя выданні змяшчаюць пэўную колькасць марфалагічных і сінтаксічных тэрмінаадзінак, якія па-рознаму паўплывалі на фарміраванне сучаснай граматычнай тэрмінасістэмы. У сучаснай мовазнаўчай практыцы замацавалася невялікая колькасць тэрміналагічных намінацый, выкарыстаных аўтарамі: *пабочны сказ, прыметнік, спражэнне, загадны лад, мужчынскі род, месны склон, парны лік, часціны мовы, лічэбнік, цяперашні час*. Некаторыя тэрмінаадзінкі функцыянавалі ў мовазнаўчай практыцы ўсяго паслякастрычніцкага перыяду: *іменьнік, зборныя іменьні, прадлог, адказы, жаночкі род, займеньні, асабовыя заімки, чыньнікі* і інш. Тэрмінаадзінкі прааналізаваных падручнікаў, артыкулаў і рэцэнзій хоць і ўзбагачалі колькасна тэрміналогію 1917–1918 гадоў, але не ўтварылі сістэмы, бо абазначалі моўнае паняцце, не адлюстроўваючы яго істотныя прыметы і не ўступаючы ў рода-відавую сувязі з іншымі паняццямі. У беларускім мовазнаўстве паслякастрычніцкага перыяду “*Граматыка беларускай мовы*” Б. Пачобкі і “*Беларуская граматыка для школ*” Б. Тарашкевіча з’явіліся першымі

даследаваннямі марфалогіі і сінтаксісу беларускай літаратурнай мовы, у якіх тэрміналагічная лексіка характарызуецца пэўным структурным адзінствам і адыгрывае істотную ролю ў станаўленні сучаснай граматычнай тэрмінасістэмы.

У “Граматыцы беларускай мовы” Б. Пачобкі шырока прадстаўлена граматычная тэрміналогія: са 130 тэрмінаадзінак падручніка 83% складаюць марфалагічныя найменні і 17% сінтаксічныя. Характэрна, што 30% тэрмінаадзінак маюць адпаведнае азначэнне па рода-відавой прымеце, напрыклад: *агульны лад* “паказвае чыннасць, але не паказвае, што і калі спаўняе тую чыннасць” [5], *галосьнік* “гэта ёсць нязьменная часць мовы, выражаючая розныя раптоўныя ўзгалосы, або з прычыны парушэння души, або дзеля пасьледавання якіхколіч гукаў” [5] і інш. 18% найменняў фіксуюць змест тэрмінаадзінкі пры дапамозе пералічэння элементаў, якія ўваходзяць у азначэнне, напрыклад: *прыпадкі* “прыпадкаў ёсць сем: іменны, залежны, дайны, берны, зробны, мейсцовы і клічны” [5], *віды чыньнікаў* “віды ёсць тры: закончаны, незакончаны і многа разны” [5], *лічбы* “лічбы ёсць дзве: адзіночная і множная” [5] і інш. Найбольшая колькасць тэрмінанайменняў (52%) вызначаецца кантэкстна, калі аўтар толькі прад’яўляе адзінку: *агульныя іменьнікі* “калі іменьнік выражае імя, данае якбы на асабістую ўляснасць якойколіч речы, ці асобы, тады ён называецца асабістым, усе іншыя *іменьнікі* называюцца *агульнымі*” [5], *займкі належнасці* “займкі бываюць: асабістыя, зваротны, *належнасці*, паказныя, пытайныя, адносныя, недасказныя, сказныя” [5], *злучане* “злучане спамагаючых чыньнікаў: быць і мець” [5] і інш. Такім чынам, адзінкавыя факты паступова фарміруюць першасную сістэму, якая рэпрэзентуе асноўныя марфалагічныя катэгорыі, граматычныя класы слоў і іх характарыстыкі, сінтаксічныя з’явы беларускай мовы. Матэрыял даследавання дэманструе, што граматычная тэрміналогія Б. Пачобкі характарызуецца пэўным структурным адзінствам, нягледзячы на схематызм у распрацоўцы марфалагічных і сінтаксічных аспектаў. Так, марфалагічныя паняцці аўтар размяркоўвае на 11 груп, аб’яднаных паводле прынцыпу падзелу на часціны мовы: *іменьнік, прыметнік, лічэбнік, займак, чыньнік і яго формы – прыметная і сказная, сказьнік, прыймак, злучнік, галосьнік*. Кожная самастойная часціна мовы мае азначэнне і класіфікуецца па лексіка-граматычных разрадах і марфалагічных катэгорыях. Тэрмінаадзінкі, якія выяўляюць граматычныя паняцці, адпаведныя сучаснаму граматычнаму класу “Службовыя часціны мовы” ў граматыцы Б. Пачобкі, прадстаўлены трыма найменнямі: *злучнік, прыймак – “нязьменная часць мовы” і частка* (адзінка, якая ўжываецца эпізадычна, падчас характарыстыкі *залежнага ладу чыньніка*: “Прызнакам гэтага ладу служыць *частка* бы, б...” [5]). Клас выклічнікаў прадстаўлены тэрмінаадзінкай *галосьнік*, якая таксама характарызуецца як “нязьменная часць мовы”. Сінтаксічныя паняцці рэпрэзентуюцца тэрмінаадзінкамі, якія характарызуюць тыпы простага сказа (*безабсудныя і безпрысудныя, поўныя і няпоўныя, разьвітыя і кароткія, зьлітыя сказы*), яго галоўныя (*глаўныя часці сказа – абсуд і прысуд*) і даданыя члены (*аб’ясьняючыя часці сказа – дапаўненьні, варунковыя словы, або варункі*).

Прыкладна 9% ужытых Б. Пачобкам тэрміналагічных найменняў не стала набыткам сучаснай граматычнай тэрмінасістэмы і не выкарыстоўвалася ў працах

мовазнаўцаў 20–30-х гадоў: *агульны лад, адмена чыннікаў, безабсудны сказ, берны прыпадак, будучы дальшы час, варунковыя словы, галосьнік* і інш. Тэрмінаадзінкі *мужчынскі род, прыметнік, лічэбнік, парадкавы лічэбнік, зборны лічэбнік, цяперашні час, прошлы час, будучы проты час, злучнік, сказ, няпоўны сказ, разьвіты сказ* трывала замацаваліся ў сучаснай мовазнаўчай практыцы. Каля 70% намінацый выкарыстоўваліся ў даследаваннях лінгвістаў 20–30-х гадоў ХХ ст.: Р. Астроўскага, П. Бузюка, В. Воўк-Левановіча, Я. Лёсіка, І. Пратасэвіча і І. Самковіча, Я. Станкевіча, Б. Тарашкевіча. Прыкладна 10% тэрмінаадзінак, выкарыстаных Б. Пачобкам, замацаваны як нарматыўныя ў “Слоўніку граматычна-лінгвістычнае тэрміналогіі” 1927 года: *іменьнік, мужчынскі род, прыметнік, лічэбнік, прошлы час, злучнік, дапаўненьне, сказ, няпоўны сказ* і інш.

Такім чынам, граматычная тэрміналогія, ужытая ў працы Б. Пачобкі, характарызуецца не толькі колькасным пашырэннем марфалагічных і сінтаксічных тэрмінаадзінак і іх структурным адзінствам, але і нармалізатарскім патэнцыялам для развіцця граматычнай тэрмінасістэмы.

Істотную ролю ў станаўленні сучаснай граматычнай тэрміналогіі адыграла “Беларуская граматыка для школ” Б. Тарашкевіча. Як вядома, працэс развіцця тэрміналогіі ўключае не толькі колькаснае пашырэнне саставу тэрмінаў, але і ўдасканаленне іх унутранай арганізацыі (іерархізацыю і класіфікацыю), вылучэнне ўзаемасувязей паміж тэрмінамі на аснове ўсталявання сістэмы паняццяў пэўных раздзелаў лінгвістыкі і пабудовы адэкватнай сістэмы тэрмінаў. На думку А.Я. Міхневіча, Б.А. Тарашкевіч, апісваючы граматычны лад беларускай літаратурнай мовы, у асноўным вырашае гэту задачу, паколькі лінгвістычная тэрміналогія, выкарыстаная аўтарам, характарызуецца сістэмнасцю паняццяў, адэкватнасцю моўным з’явам, семантычнай дакладнасцю і празрыстасцю, адзінствам традыцыйнага і новага, спалучэннем агульнанавуковага і нацыянальнага, лаканічнасцю і мілагучнасцю [6].

У “Беларускай граматыцы для школ” [7] значнае месца займае распрацоўка пытанняў марфалогіі і сінтаксісу: са 168 выкарыстаных тэрмінаадзінак, якія рэпрэзентуюць розныя раздзелы мовазнаўства (фанетыка, арфаграфія, графіка, марфалогія, сінтаксіс, пунктуацыя), 78% граматычных найменняў, з якіх адпаведна 78% – марфалагічных і 22% – сінтаксічных. Аўтар не толькі дае азначэнне большасці тэрмінаў, але і раскрывае этымалогію тэрмінаадзінак, напрыклад: *абвестны лад* – “абвяшчае”, што было, што ёсць і што будзе” [7], *дзеіны стан* – “паказвае, што нейкая асоба або рэч сама нешта “дзеіць” [7], *дзеяслоў* – “дзеясловам называецца такое слова, што азначае стан або дзеянне (дзея гэтага і называецца дзеясловам) [7], *загадны лад* – “выражае “загад” або просьбу, покліч, перасьцярогу ці што падобнае” [7], *займя* – “ужываецца заместа імя, прыметы або чысла (за-імя)” [7] і інш. На нашу думку, такі падыход метадычна апраўданы, бо з’яўляецца шляхам да засваення моўнага паняцця і ўсталявання граматычнай тэрмінаадзінкі ў сістэме.

Для тэрмінасістэм паняцце сістэмнасці грунтуецца ў першую чаргу на гіперанімічнай карэляцыі тэрмінаў, калі відавочна паняцці семантычна падпарадкоўваюцца родаваму сігніфікату, які ўяўляе сабой больш шырокае паняцце. У падручніку

Б.А. Тарашкевіча граматычная тэрміналогія прадстаўлена як сістэма, якая падзяляецца на два разрады: “*Часьціны мовы*”, што адпавядае раздзелу мовазнаўства “Марфалогія”, і “*Сказ*”, прысвечаны сінтаксісу. У першым раздзеле разглядаюцца 5 родавых груп: *зьменныя часьціны мовы (імя, прымета, чысло, займя, дзеяслоў)* і *нязьменная часьціна мовы (прыслоўе), прыймя, злуч і кліч*. У параўнанні з папярэднімі выданнямі (Р. Абіхт і Я. Станкевіч, А. Луцкевіч і Я. Станкевіч, Б. Пачобка) тэрміналогія ў “Беларускай граматыцы для школ” атрымала не толькі колькаснае пашырэнне, але і ўдасканаленне адносінаў іерархічнага падпарадкавання тэрмінаадзінак. Упершыню ў беларускай літаратурнай мове вызначана *прыслоўе як акасыянеўшая форма зьменных часьцін мовы*, катэгорыя *прадметнага іменьня* (канкрэтнага назоўніка), *агульнага роду і парнага ліку іменьняў* (агульнага роду і парнага ліку назоўнікаў), *клічнага склону, звычайная, вышэйшая, найвышэйшая і няправільная ступень прыраўнаваньня прыметаў* (звычайная, вышэйшая, найвышэйшая і суплетыўная форма ступені параўнання прыметнікаў), *неазначальная форма дзеяслова, станы дзеяслова – актыўны, або дзейны і залежны, або пасыўны, ніякі і сярэдні* (залежны і незалежны станы дзеяслова, зваротныя дзеясловы), *часьціна мовы, вытворная ад дзеяслова, – дзеяслоўнае імя, а таксама сінтаксіс як навука аб сказе, прыдатак як від азначэння* (“прыдатак ёсьць азначэньне, выражанае імем” [7]), *зваротак і тыпалогію частак складанага сказа – асноўны, або незалежны, даданы, або залежны, даданыя сказы дзейніка, азначэньня і акалічнасьці*.

Марфалагічная і сінтаксічная тэрміналогія Б.А. Тарашкевіча з’явілася асновай сучаснай беларускай граматычнай тэрмінасістэмы: значная частка тэрмінаў трывала замацавалася ў сучасным мовазнаўстве, некаторыя тэрмінаадзінакі змяніліся або выцесніліся іншымі варыянтамі толькі часткова, невялікая група тэрміналагічных найменняў не выкарыстоўваецца ў сучаснай мовазнаўчай практыцы, але адыгрывае вялікую ролю ў станаўленьні сістэмы граматычных паняццяў. Колькасныя характарыстыкі граматычнай тэрміналогіі Б.А. Тарашкевіча ў адносінах яе ўжывання ў тагачасных і сучасных лінгвістычных працах можна адлюстравіць у табліцы:

Табліца

**Колькасныя суадносіны граматычных тэрмінаадзінак
у “Беларускай граматыцы для школ” Б.А. Тарашкевіча (Вільня, 1918)**

Нумар групы	Назва групы	Колькасць працэнтаў граматычных тэрмінаадзінак
1	Граматычныя тэрмінаадзінакі, якія функцыянуюць у сучаснай тэрмінасістэме без змен	51%
2	Граматычныя тэрмінаадзінакі, якія функцыянуюць у сучаснай тэрмінасістэме ў змененым выглядзе	48%

Заканчэнне табл.

3	Граматычныя тэрмінаадзінкі, якія не ўжываюцца ў працах мовазнаўцаў 1920–1930-х гадоў	16%
4	Граматычныя тэрмінаадзінкі, якія функцыянавалі ў мовазнаўчай практыцы 1920–1930-х гадоў	69%

Група 1. Са 137 тэрмінаадзінак, ужытых у працы Б.А. Тарашкевіча, 51% функцыянуе ў сучаснай тэрмінасістэме без змен: *часціны мовы, нязьменная часьціна мовы, імя, уласнае імя, склон, зваротнае дзеянне, умоўны лад, простая форма будучага часу, прыслоўе прычыны, прыдатак, дапаўненьне, укоснае дапаўненне, акалічнасьць часу, разьвіты сказ, поўны сказ, даданы сказ і інш.*

Група 2. 48% найменняў ужываецца ў сучаснай тэрміналагічнай сістэме ў змененым выглядзе: *часьці мовы, іменьнік, зборнае іменьне, жаночкі род, займя, прадбудучы час, дзеяслоўнае імя, прыслоўе мейсца, прыменьне, прыйма, злуч, кліч, асноўныя часьціны сказу, сказьнік, простае дапаўненьне, кароткі сказ і інш.,* прычым палова тэрмінаадзінак з гэтай колькасці знайшла шырокае адлюстраванне ў працах лінгвістаў 20–30-х гадоў ХХ ст.: у дапаможніках Я. Лёсіка, у артыкулах Я. Станкевіча і В. Воўк-Левановіча, у падручніках Я. Станкевіча, К. Міцкевіча, А. Багдановіча, І. Пратасэвіча і І. Самковіча, Л. Гарбацэвіча, Р. Астроўскага, Х. Сыцепановіча, К. Шапялёвіча, В. Чудовіч і С. Дружылоўскай.

Група 3. 16% тэрмінаадзінак Б.А. Тарашкевіча не ўжываюцца ў працах мовазнаўцаў 1920–1930-х гадоў, але толькі 7 найменняў з гэтай колькасці не з’явіліся набыткам сучаснай граматычнай тэрміналогіі: *рады мовы, чыслы, лічныя чыслы, дробныя чыслы, супольнае дзеянне, акасьцянеўшыя формы, прыменьне.* Астатнія адзінкі з гэтай групы або ўжываюцца ў сучаснай тэрміналагічнай сістэме (*простая форма будучага часу, складаная форма будучага часу, прыслоўі часу, прыслоўі прычыны*), або з’явіліся асновай для сучасных граматычных тэрмінаў (*зьменныя часьці мовы – зменныя часціны мовы, прыметы якасьці – якасныя прыметнікі, парадкавыя чыслы – парадкавыя лічэбнікі, дзеяслова – дзеяслоў і інш.*).

Група 4. 69% граматычных тэрмінаадзінак з працы даследчыка функцыянавала ў тагачаснай мовазнаўчай практыцы. Як сведчыць прааналізаваны матэрыял, ужо ў 1919 годзе ў “Невялічкім беларуска-маскоўскім слоўніку” М. Гарэцкага рэкамендаваліся 4 тэрміны як нарматыўныя, у 1925 годзе М. Байкоў і С. Некрашэвіч у “Беларуска-расійскім слоўніку” фіксавалі 23 граматычныя тэрміны, “Слоўнік граматычна-лінгвістычнае тэрміналогіі” ў 1927 годзе – 51 адзінку. Найбольш актыўна граматычная тэрміналогія “Беларускай граматыкі для школ” замацавалася ў лінгвістычнай спадчыне Я.Ю. Лёсіка: у працах даследчыка 1921–1926 гадоў выкарыстоўваецца 80% тэрмінаадзінак Б.А. Тарашкевіча, з якіх 43 тэрміны ўжываюцца і ў сучаснай граматычнай тэрмінасістэме.

Такім чынам, “Беларуская граматыка для школ” Б. Тарашкевіча адыгрывае значную ролю ў працэсах станаўлення і стабілізацыі беларускай граматычнай тэрміналогіі: даследчык не толькі значна пашырыў тагачасную марфалагічную і

сінтаксічную тэрміналогію, але і прывёў яе ў сістэму на аснове гіпера-гіпанімічнай карэляцыі адзінак; тэрміналогія падручніка з’явілася асновай сучаснай граматычнай тэрмінасістэмы: 51% тэрмінаадзінак, ужытых аўтарам, функцыянуе ў сучаснай мовазнаўчай практыцы; 48% найменняў не стала набыткам сучаснай лінгвістычнай тэрмінасістэмы, але 50% з гэтай колькасці аказалі значны ўплыў на яе развіццё, бо паслядоўна ўжываліся мовазнаўцамі 20–30-х гадоў.

Заклучэнне. Праведзенае даследаванне дазваляе зрабіць выснову аб тым, што функцыянаванне беларускай граматычнай тэрміналогіі ў 1917–1918 гадах абумоўлена інтэнсіўнымі працэсамі развіцця тэрміналагічнай лексікі паслякастрычніцкага часу і характарызуецца: 1) значным колькасным пашырэннем граматычных тэрмінаадзінак, якія выпрацоўваліся як спантанна, падчас распрацоўкі арфаграфічных і пунктуацыйных норм, так і свядома, падчас навуковага апісання марфалагічных і сінтаксічных фактаў новай беларускай літаратурнай мовы; 2) імкненнем тагачасных даследчыкаў да структурнага адзінства пры падачы тэрмінаў: у 1918 годзе ў беларускім мовазнаўстве з’яўляюцца даследаванні ў галіне марфалогіі і сінтаксісу (“Беларуская граматыка для школ” Б. Тарашкевіча і “Граматыка беларускай мовы” Б. Пачобкі), якія фарміравалі першасныя сістэмы граматычных тэрмінаадзінак і адыгралі істотную ролю ў станаўленні беларускай граматычнай тэрмінасістэмы.

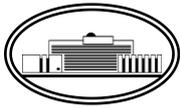
Л і т а р а т у р а

1. Шакун, Л.М. Гісторыя беларускага мовазнаўства: вучэб. дапаможнік / Л.М. Шакун. – Мінск: Універсітэцкае, 1995. – 271 с.
2. Гуліцкі, М.Ф. Беларуская савецкая тэрміналагічная лексікаграфія (20–30-я гады) / М.Ф. Гуліцкі // Беларуская мова. – Вып. 7. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980. – С. 131–138.
3. Лексікалогія сучаснай беларускай літаратурнай мовы / пад рэд. А.Я. Баханькова. – Мінск: Навука і тэхніка, 1994. – 463 с.
4. Лёсік, Я. Граматыка і родная мова / Я. Лёсік // Вольная Беларусь. – 1917. – № 17. – С. 1–2.
5. Расовка, В. Граматыка bielaruskaj mowy / В. Расовка. – Wlwnia: Drukarnia “Homan”, 1918. – 24 s.
6. Міхневіч, А.Я. Першая беларуская граматыка для школ / А.Я. Міхневіч // Жывая спадчына / уклад. Т.В. Кузьмянкова [і інш.]; пад рэд. А.Я. Міхневіча. – Мінск: Народная асвета, 1992. – С. 214–223.
7. Тарашкевіч, Б. Беларуская граматыка для школ / Б. Тарашкевіч. – Вільня: Друкарня М. Кухты, 1918. – 62 с.

S U M M A R Y

The paper deals with the analysis of doubling, synonymity and variance of the grammatical terms in the works of Belarussian linguists at the beginning of the 20th century. The author concludes that grammar terminology of 1917–1918s influenced on the forming of contemporary Belarussian system of grammar terminology.

Поступило 29.04.2010

УДК 94(476)«1941/1944»:502

Эксплуатация природных ресурсов Беларуси в период нацистской оккупации

Е.А. Гребень

Белорусский государственный аграрный технический университет

Рассматривается проблема эксплуатации немецкими оккупационными властями природных ресурсов Беларуси в годы Великой Отечественной войны. Анализируются нормативные акты, регламентировавшие немецкую политику относительно природных богатств республики. Характеризуется процесс эксплуатации водных и лесных ресурсов, формы и методы привлечения гражданского населения на работы в ходе разработки природных богатств, механизм допуска гражданского населения оккупированной территории к их использованию. Констатируется наличие долгосрочных колонизаторских планов нацистов в Беларуси.

Беларусь на фоне других оккупированных регионов СССР обладала довольно ограниченными природными ресурсами, однако в хозяйственном плане для оккупационных властей также представляла определенный интерес. Помимо трудовых ресурсов, промышленного потенциала и сельского хозяйства существовала потенциальная возможность для эксплуатации некоторых природных богатств, в частности, водоемов, лесов, торфяников.

Материал и методы. Для исследования использовались материалы Государственных архивов Витебской, Гомельской, Минской, Могилевской областей (распоряжения командования тыловой зоны группы армий «Центр», регламентирующие порядок эксплуатации трудовых ресурсов Беларуси, переписка коллаборационной администрации по этому вопросу). В работе использовались общенаучные и специально-исторические методы исследования.

Результаты и их обсуждение. Первое распоряжение, регламентирующее рыбную ловлю на территории тыловой зоны группы армий «Центр», было издано 2.04.1942 г. Оно содержало основные принципы рыбной ловли. В документе давалось определение лиц, являющихся профессиональными рыболовами (граждане, занимающиеся ловом в рамках существовавших рыболовных артелей). В особых случаях разрешалось привлечение к лову лиц, не имеющих рыболовных свидетельств. Районным управлениям ставилась задача оперативно рассмотреть поданные заявления рыболовов. Оперативность объяснялась тяжелым положением с продуктами питания, и организация рыбной ловли рассматривалась оккупационными властями как альтернативный источник поступления продуктов питания для вермахта, оккупационной администрации и городского населения.

На заявлении начальник района ставил резолюцию относительно благонадежности просителя и достоверности указанных персональных данных.

Окончательное решение о выдаче удостоверений принималось фельдкомендатурой, после чего проситель уплачивал в кассу районной управы пошлину в размере 10 руб.

Рыболовы одной местности составляли товарищества, в чье ведение передавался инвентарь довоенных рыбных артелей. Разрешение на ужение для частного лица подавалось волостному бургомистру и визировалось ортскомендатурой.

О том, что рыбная ловля рассматривалась как способ снять напряженную ситуацию с продуктами, свидетельствует оговаривавшаяся в документе потенциальная возможность производить лов в запретное время с санкции местной комендатуры. В более поздних документах это положение отсутствовало. Улов мог быть реализован среди горожан под контролем продовольственного отдела городской управы [1, л. 13].

Допускался лов рыбы во всех типах водоемов. С 15.04 по 15.05 допускалось использование только снастей неподвижной установки (сети и др.); невода, бредни, волокуши запрещались. Ширина ячеек сетей разрешалась не менее 15 мм. Определялись минимальные размеры вылавливаемых рыб различных видов: угорь, судак, щука, сом – не менее 35 см, карп – 30 см, налим – 25 см, форель – 20 см, окунь, голавль, плотва, лещ, линь, карась – 15 см, рак – 15 см, ловля рака с икрой не разрешалась. В документе подчеркивалось, что Хозяйственная инспекция «Центр» обладала правом изменять установленные размеры вылавливаемой рыбы [2, л. 148].

16.06.1943 г. в тыловой зоне группы армий «Центр» вышло «Распоряжение о занятии рыболовством», более детально регламентирующее правила эксплуатации водоемов, согласно которому право на лов рыбы предоставлялось крестьянским общинным хозяйствам, на территории или на границе с территорией которых расположены водоемы. Крестьянские общинные хозяйства должны были или сами пользоваться правом на рыбную ловлю, или в случае нежелания или отсутствия возможности передавать его другим общинам путем письменного заявления в районное земельное управление (крайсландвирт). Право пользования водоемами рассматривалось в контексте «обязательства правильного хозяйничанья рыбными водоемами», иными словами – обязанности сельской общины следить за водными и рыбными ресурсами в рамках выполнения военного сбора, а также помимо обязательной поставки продуктов община должна была эксплуатировать водоемы и поставлять продукцию рыбного промысла.

Крестьянское общинное хозяйство осуществляло рыбный промысел при помощи рыбаков – членов общины. Городские рыбаки присоединялись к членам ближайшего крестьянского общинного хозяйства, а в случае переселения их в общину могли претендовать на земельный надел [1, л. 115]. То есть право рыбного лова обуславливалось правом владения земельного участка не менее среднего размера приусадебного участка в конкретной общине.

Рыболовством могли заниматься граждане, получившие на это специальное удостоверение, которое необходимо было всегда иметь при себе во время занятия промыслом. Община была обязана ежегодно к 1 декабря предоставлять список сельских и городских рыбаков. Рыболовное удостоверение выдавалось до конца текущего года крайсландвиртом после проверки благонадежности просителя в фельдкомендатуре.

Граждане, не занимающиеся профессионально рыбной ловлей (рыбаки-любители), получали удостоверение на право ужения удочкой, прошения об этом также поступали в крайсландвирт. Выдача удостоверений для рыбаков-любителей осуществлялась тем же порядком, но санкционировалась ортскомендатурой. Ортскомендатура также могла выдавать удостоверения на право ужения удочкой для военнослужащих. Количество выдаваемых в районе удостоверений регулировалось крайсландвиртом [1, л. 115 об.].

Водоемы одного района составляли единый рыболовный район, находящийся под управлением районного старшего рыболова, состоявшего на службе в крайсландвирте. Рыболовный район, в свою очередь, делился на рыбные участки под управлением старших участковых рыболовов, назначаемых из местных рыбаков (должность не оплачивалась). Границы рыбных участков определялись крайсландвиртом, рыболовные районы при необходимости могли объединяться в рыболовные округа. Рыбаки одного района объединялись в Районную артель рыболовов, управление которой размещалось в крайсландвирте [1, л. 116].

Процесс рыбной ловли был жестко регламентирован. Воспрещалось ловить рыбу в ночное время (через час после захода солнца и за час до восхода). Орудия лова, заброшенные до момента захода солнца, могли оставаться в воде на всю ночь, но извлекаться только в дневное время. Воспрещалась ловля на расстоянии 200 м от мостов и плотин (мера предосторожности на случай диверсий со стороны партизан, которые могли маскироваться под рыболовов), а также были запрещены установка ловушек и других стационарных орудий лова, загораживающих более половины ширины реки; использование в ходе лова взрывных и химических веществ, а также снастей, наносящих рыбе механические повреждения (щипцы, остроги, гарпуны).

Как и в предыдущем документе, регламентировался размер ячей рыболовных сетей. В сухом виде допускались следующие параметры: в ставных, сплавных, плавающих сетях – 30 мм, в неводах и подволоках – 30–40 мм, за исключением орудий лова угрей, которые не подлежали вышеуказанным ограничениям. При ловле мелкой рыбы с особого разрешения крайсландвирта допускалось использование сетей с более мелкими ячейками. До особого распоряжения о введении в эксплуатацию сетей вышеуказанных размеров допускалось использование сетей с другими размерами до их износа [1, л. 116–116 об.]. Как видно, размер ячеек по сравнению с 1942 г. был увеличен. Этот факт можно рассматривать как желание сохранить рыбные ресурсы в интересах нацистского государства, поскольку немцы пока еще надеялись на свою победу в войне и продолжали лелеять планы послевоенной колонизации и эксплуатации территории Беларуси. В начальный же период оккупации, когда происходило становление оккупационной системы выкачивания продовольствия из Беларуси, допускались сети с мелкими ячейками, захватывающие мелкую рыбу.

Был определен размер разрешенной к вылову рыбы различных видов: лосось не менее – 35 см, угорь, судак – 30 см, карп, щука – 28 см, линь, форель – 20 см, рак – 8 см. Выловленные рыба или рак менее разрешенного размера должны были выпускаться обратно в водоем [1, л. 116 об.]. На период нереста определенных видов рыб вводился полный запрет на их вылов, например, форель и лосось воспрещалось ловить с 10.10 по 10.01, раков – с 1.11 по 31.05 и т.д. Главное земельное управление при Хозяйственной

инспекции тыловой зоны группы армий «Центр» могло определять водоемы как питомники или заповедники, в которых воспрещался лов рыбы и раков. На общины возлагалась обязанность по поддержанию в порядке эксплуатируемых водоемов: очистка от засорения, зарастания, коряг. Воспрещалось проведение хозяйственных работ, которые могли повлечь изменения естественных условий водоемов [1, л. 117].

Коллаборационная администрация доводила до сведения распоряжения оккупационных властей, иногда конкретизируя или варьируя некоторые положения. В приказе № 29 по Добрушскому городскому управлению от 22.04.1942 г. кратко передавалась суть распоряжения немецких властей относительно рыболовства от 2.04.1942 г. и конкретизировался размер штрафа за несанкционированную ловлю рыбы в р. Ипуть – 1000 руб. плюс конфискация рыболовных снастей [3, л. 21]. В приказе по горуправлению № 35 от 12.05.1942 г. изменялись положения предыдущего приказа. Речь уже шла о праве лова не только для членов артелей, но допускался лов гражданами, получившими разрешения торгового отдела, штраф составлял уже 100 руб. Кроме того, отмечалось, что граждане, производящие лов сетями, обязаны за сезон сдать 100 кг рыбы в столовую [3, л. 28]. В приказе по горуправлению от 20.05.1942 г. процесс рыболовства еще более детализировался. Например, разрешалось ловить на удочку при уплате сбора в размере 10 руб. (как и ранее), а при ловле сетями – 50 руб., при этом в столовую сдавать нужно было уже 50 кг рыбы [3, л. 31].

Создание новых или возрождение старых рыболовных артелей происходил осенью 1941 г. В западных областях Беларуси, которые очень быстро были оккупированы, такие структуры, очевидно, и не прекращали свою деятельность. Браславская районная управа уже в июле 1941 г. утвердила цены на закупаемую у рыболовных артелей продукцию [4, л. 8, 17, 30]. Осенью 1941 г. функционировал Лепельский рыбный участок. В ноябре было реализовано рыбы на 2569,5 руб. [5, л. 63].

В составе коллаборационной администрации могли существовать специальные подразделения, отвечающие за эксплуатацию рыбных ресурсов. В рамках Временного управления г. Бобруйска осенью 1941 г. существовал рыбопромышленный отдел, выдававший разрешения на рыбный промысел. С гражданином, желающим производить лов рыбы, заключался договор-контракт, в котором оговаривались водоемы, в которых можно было ловить (в частности, р. Березина), оговаривалась обязанность ежедекадно сдавать выловленную рыбу на склад рыбопромышленного отдела. В свою очередь отдел обязывался оплачивать рыбу по цене 5,2 руб. за килограмм крупной рыбы, 3 руб. – за среднюю, 2,6 руб. – за мелкую. Оплата производилась дважды в месяц до 19 числа за первую половину месяца и до 3 числа следующего месяца за вторую половину. За производимый лов рыбы гражданин и его иждивенцы получали продуктовые карточки, причем за невыполнение декадного обязательства сдавать рыбу на склад право на получение продуктов отменялось до погашения задолженности, что, по мнению оккупационных властей, должно было стимулировать работника заниматься промыслом и не утаивать улов [6, л. 85]. За разрешение на рыбную ловлю уплачивался сбор в размере 10 руб. [6, л. 47, 48].

Относительно охоты подробных приказов в годы нацистской оккупации не издавалось, поскольку данный вид деятельности оккупационные власти рассматривали как привилегию исключительно немцев. Поэтому в упоминаемом выше распоряжении от 2.04.1942 г. краткий параграф затрагивал вопросы охоты. Отмечалось, что местным

жителям категорически запрещалось охотиться как с использованием огнестрельного оружия (право ношения оружия было только у сотрудников местной полиции и некоторых чиновников коллаборационной администрации), так и с использованием петель, капканов, самострелов, химических средств. Любой местный житель, охотившийся на дичь, рассматривался оккупационными властями как браконьер и подлежал расстрелу [1, л. 13]. Охотничьи собаки лиц, пойманных в процессе охоты, подлежали конфискации, обычные собаки и другие животные, используемые на охоте, пристреливались [7, л. 61]. В дальнейшем эти положения могли содержаться в других нормативных актах оккупационной администрации в различных регионах Беларуси, но за ненадобностью не расписывались детально [8, л. 9].

Жители оккупированной Беларуси регулярно привлекались к работам в лесу. Типичной повинностью являлась рубка и вывоз леса, которые приобретали все более массовый характер. В лесоматериалах испытывала потребность экономика нацистской Германии, местные предприятия, используемые нацистами для обеспечения армии, вермахт для проведения работ оборонительного характера и предприятия, учреждения и городское население для отопления построек. В результате оккупационные власти интенсивно эксплуатировали лесные ресурсы Беларуси. Каждая волость должна была ежегодно выполнять план лесозаготовок и вывозки леса, для чего привлекалось значительное количество сельского населения, в первую очередь коневладельцы. В случае уклонения от подобных работ предусматривался штраф и конфискация коней. Крайсландвирт Богушевского района в 1943 г. издал запрет коневладельцам перемещаться по району до окончания лесозаготовок [9, л. 69]. Понимая, что угрозами проблему невыхода на лесозаготовки не решить, власти иногда могли использовать более действенные приемы. Койдановская районная управа сообщила населению, что если оно не приступит к рубке и вывозу леса, то будет конфискован весь заготовленный для собственных нужд лесоматериал [10, л. 3].

Частным лицам за рубку деревьев на дрова или в качестве стройматериалов необходимо было уплачивать пошлину лесничеству и получать лесорубный билет. Однако подавляющее большинство жителей оккупированной Беларуси по причине своей бедности не могло, а зачастую и не желало оплачивать самостоятельно заготавливаемые в лесу дрова, производя несанкционированные порубки. Сотрудники лесничеств пытались пресекать подобные действия, но в силу их массового характера наказать удавалось немногих. Изредка удавалось застать нарушителя на месте порубки или в момент вывоза из леса дров, в других случаях сотрудники лесничеств производили обход крестьянских дворов, искали свежесрубленный лес и пытались привлечь крестьян к ответственности. Документы о штрафах за несанкционированную порубку леса встречаются в документах коллаборационной администрации регулярно. Сотрудник лесхоза составлял акт, в котором указывалась порода дерева, количество кубометров и оценочная стоимость, на основании чего выписывался штраф. Акт давался на подпись нарушителю, которые часто не желали его подписывать [11, л. 35].

22.07.1942 г. житель Бобруйского района Николай С. был обвинен в несанкционированной рубке леса. В составленном акте отмечалось, что нарушение было зафиксировано уже вторично. Он срубил две сосны толщиной 16 и 24 см, оценочная стоимость которых составила 61,6 руб., а штраф, взыскиваемый в десятикратном размере от оценочной, был определен в 616 руб. В акте о порубке содержались также графы «было ли лесонарушите-

лем оказано сопротивление и в чем оно выразилось» и «объяснение лесонарушителя»; отмечалось также, что рубка велась без наличия лесорубного билета [12, л. 229, 229 об.]. В аналогичном случае лесник Озерецкого лесничества Толочинского района оштрафовал жителя села Ворошевичи В. за самовольную порубку 15 елей 8,1 м³ корневой стоимостью 75,45 руб., наложив штраф в размере 754,5 руб. [13, л. 2].

Интенсивно эксплуатировались торфяники, поскольку торф служил сырьем для местных электростанций. В Койдановском районе на основании распоряжения гебитс-комиссара в апреле 1943 г. к этим работам было приказано привлечь все население от 16 до 50 лет [14, л. 81]. Там же летом 1943 г. каждый крестьянский двор должен был вырезать и высушить в недельный срок 20000 штук торфяного кирпича. В случае выполнения указанной нормы обещалось больше не привлекать крестьян к подобным работам в текущем году, в ином случае предусматривалось отправка на торфоразработки до конца года [14, л. 61]. Как и в случае лесозаготовок, население массово уклонялось от этой исключительно тяжелой повинности.

Крестьяне в рамках исполнения обязательной трудовой повинности привлекались к сбору желудей, ягод, лекарственных трав. Согласно распоряжению крайсландвирта население Волковской волости Толочинского района летом 1943 г. получило план сдачи до 1.09.1943 г. 4635 кг ягод. Сбору подлежала черника, земляника, брусника, малина. Уклоняющимся от сбора ягод грозили наказанием [15, л. 14, 17]. Чтобы стимулировать население, обещалась выдача 0,5 кг соли за 1 кг сданных ягод. Жителям Евлаховской волости Толочинского района летом 1943 г. было предложено собирать и сдавать в сушеном виде в магазин в Толочине листья березы, крапивы, ежевики, терновника, боярышника, мяты и др. лекарственных растений. За килограмм сданного сырья в зависимости от его ценности обещалась оплата 5–10 руб. [7, л. 35]. Тогда же население волости было оповещено и о заготовке дикорастущих ягод, которые предлагалось сдавать на Озерецкий плодвинзавод [7, л. 57].

Заключение. Нацистская оккупация Беларуси помимо осуществляемой оккупационными властями в отношении белорусов политики геноцида проявилась также в интенсивной эксплуатации природных ресурсов. Уже с осени 1941 г. оккупационные власти приступили к активному использованию водных ресурсов, лесных богатств и торфяников. Анализ нормативных актов, регулирующих использование природных ресурсов, свидетельствует о наличии колонизаторских планов немецких оккупационных властей в отношении территории Беларуси.

Л и т е р а т у р а

1. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2088. – Оп. 2. – Д. 1.
2. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 260. – Оп. 1. – Д. 163.
3. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1318. – Оп. 1. – Д. 2.
4. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2848. – Оп. 1. – Д. 232.
5. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2088. – Оп. 1. – Д. 37.
6. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 858. – Оп. 1. – Д. 18.
7. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2134. – Оп. 1. – Д. 8.
8. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 1351. – Оп. 1. – Д. 1.
9. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2087. – Оп. 2. – Д. 1.

10. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 43.
11. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 27.
12. Государственный архив Могилевской области. – Фонд 859. – Оп.1. – Д. 61.
13. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2127. – Оп. 5. – Д. 1.
14. Государственный архив Минской области. – Фонд 681. – Оп. 1. – Д. 4.
15. Государственный архив Витебской области. – Фонд 2079. – Оп. 1. – Д. 3.

S U M M A R Y

The problem of the use of natural resources of Belarus by the German occupation authorities during the Great Patriotic war is discussed in the article. Legal texts that regulated the German policy on the natural resources of the republic are analyzed. The process of exploitation of water and forest resources is characterized, as well as forms and methods of getting civilians involved in the work in the course of exploration of the natural resources, the mechanism of access to their use for the civil population of the occupied territory. The fact of existence of long-term colonialist plans of the Nazis on Belarus is stated.

Поступило 29.04.2010

УДК 94(476)«17/18»

Эволюция религиозной политики российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века

П.В. Шевкун

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

В результате разделов Речи Посполитой в состав Российской империи были включены территории преимущественно с неправославным населением. Правительство Екатерины II пыталось закрепить свою власть на присоединенных белорусских и литовских землях, не меняя основ сложившейся конфессиональной политики. Однако российская монархия, опирающаяся на православие, не могла восприниматься полностью легитимной со стороны неправославной аристократии новых земель. Решению этой проблемы были посвящены варианты конфессиональной политики Павла I и Александра I.

Павел I, исходя из мистического понимания царской власти, планировал наполнить монархическую идею новым содержанием для того, чтобы она могла противостоять революционным тенденциям и атеистическим идеям времени. Александр I выстраивал свой вариант конфессиональной политики, исходя из идеи внецерковного христианства.

Провал проектов Павла I и Александра I был связан с оппозицией гегемонистским устремлениям России на международной арене и развивающимся национальным движением, использующим конфессиональную принадлежность подданных империи в своих целях.

Республика Беларусь является поликонфессиональным государством. В целях оптимизации церковно-государственных отношений становится востребованным опыт прошлого. Среди этапов конфессиональной истории Беларуси выделяется период 1772–1825 гг. В это время белорусские земли вошли в состав Российской империи. Одновременно наблюдались изменения и в религиозно-конфессиональной политике.

В работах белорусских ученых (Е.Н. Филатовой, Е.К. Анищенко, С.В. Морозовой, С.Я. Куль-Сильверстовой), затрагивающих конфессиональную политику Российской империи на белорусских и литовских землях, пока недостаточно прослежена связь между государственной идеологией и правительственными мероприятиями в отношении конфессий северо-западных губерний империи. В работах российских историков как дореволюционных, так и современных практически не рассматривалось влияние конфессиональной структуры белорусско-литовских земель на политику в сфере государственно-конфессиональных отношений. Польские исследователи традиционно концентрируют внимание на истории католических и, отчасти, униатских епархий, однако не углубляются в анализ особенностей российской конфессиональной политики.

Целью данной работы является анализ российской конфессиональной политики в 1772–1825 гг., определение ее характерных черт, проявившихся в результате присое-

динения к империи белорусских и литовских земель.

Материал и методы. Основой исследования послужили опубликованные источники, статистические данные и историография по данной проблематике. В методологическое основание работы положены принципы историзма и объективности в сочетании с ценностным подходом. Использовались: историко-генетический, хронологический, логический методы, а также системный подход.

Результаты и их обсуждение. К концу XVIII в. Россия превратилась в крупнейшую политическую силу Европы, Великая французская революция дала основание российским самодержцам рассматривать себя как опору монархии и христианских ценностей в Европе.

Присоединенные земли Речи Посполитой имели для России особое значение. Их конфессиональный состав отличался от европейской части России. Из 3 млн 850 тыс. человек (на 1791 г.) католики составляли 1 млн 470 тыс., униаты – 1 млн 500 тыс., православные – 250 тыс., старообрядцы – 140 тыс., протестанты – 60 тыс. [1]. Конфессиональная структура белорусско-литовских территорий империи явилась своего рода катализатором перемен в идеологии и, прежде всего, в религиозной политике. Новым обстоятельствам не соответствовала в полном объеме ни петровская идея Великой России, ни тем более допетровская идея Святой Руси. Перед Екатериной II и ее преемниками возникла задача утвердить свою власть на новых землях и выработать принципы конфессиональной политики в изменившихся условиях.

Основные контуры новой конфессиональной политики были намечены в правлении Екатерины II. Екатерина II стремилась представить свою власть на землях Беларуси и Литвы как новую законную силу. В этом не было чрезмерных притязаний, так как европейская монархия выросла из феодальных отношений и присяга на верность правителю рассматривалась как необходимое условие утверждения его власти. Екатерина II, сохраняя имения и распространяя дворянские сословные привилегии на шляхту, требовала принесения присяги. Власть и новое дворянство должны были воспринимать друг друга как элементы единой государственной системы. В этой связи действия шляхты, выступающей за восстановление Речи Посполитой, воспринимались императрицей как действия «дерзких и развратных бунтовщиков, изменяющих присяге и Отечеству своему» [2]. Однако сословная политика была лишь одним аспектом процесса легитимации власти российской монархии на присоединенных землях. Важнейшая роль в нем отводилась государственно-конфессиональным отношениям. Монархическая власть «выросла из церкви, из церковного идеала, органически связана с церковью и по идее, и по установлению» [3]. В акте коронации концентрируется смысл и значение монархии, а церковная организация, высший иерарх которой ее проводит, становится освящающей государственную власть структурой. Поэтому единоверие власти и подданных являлось естественным условием существования монархии. В период абсолютизма связь религии и монархии была не так заметна, однако никоим образом не отменялась блеском императорской власти. Разница в вероисповедании российских властей и белорусско-литовской шляхты, в основном католической, делала незавершенным процесс консолидации привилегированного сословия империи.

Екатерина II ясно понимала связь своей власти с православием и, будучи, по ее

собственным словам, «начальницей своей Церкви», стремилась если не решить проблему, вытекающую из разноречия, то максимально ее сгладить. Это достигалось, во-первых, тем, что императрица не стремилась к активному вмешательству в конфессиональную ситуацию на присоединенных землях. Свобода вероисповедания являлась одной из основных привилегий, гарантированных императрицей шляхте. До 1780 г. просьбам белорусского православного епископа Георгия Конисского о присоединении униатов к православной церкви не давалось ходу. Только с 1780 г. при условии соблюдения секретности были разрешены действия, иницирующие переходы в православие. Однако они вызвали массу административных и юридических проблем для властей [4] и в большинстве случаев произошли лишь на землях, чьими владельцами стали русские: П.В. Завадовский, И.Н. Михельсон, Н.Л. Воронин, И.Н. Римский-Корсаков, Д.В. Каховский и др. [1, с. 101]. Численный рост православной конфессии в указанное время не имел для властей принципиального значения, ибо шляхта не меняла вероисповедания. В условиях абсолютизма именно аристократия являлась естественной опорой трона. Во-вторых, Екатерина II требовала принесения верноподданнической присяги от духовенства и монашества. В-третьих, предпринимались действия по присвоению императрицей права управления католической и униатской церквами. В 1772 г. католический и униатские архиереи по экономическим вопросам были подчинены Лифляндской, Эстляндской и Финляндской юстиц-коллегии [1, с. 20]. На высшие церковные должности Екатерина II выбирала кандидатуры по своему усмотрению. Так были назначены С. Богуш-Сестренцевич, И. Лисовский [1, с. 26]. Папа был вынужден утверждать решения Петербурга. В-четвертых, Екатерина меняла границы католических и униатских епархий, создавала новые. В 1773 г. была создана Белорусская католическая епархия [1, с. 20]. В 1783 г. – Могилевское католическое архиепископство и консистория [1, с. 20]. Указом 6 сентября 1775 г. созданы две новые католические епархии с консисториями: Пинская и Инфляндская. В 1775 г. были ликвидированы все униатские епархии. Оставалось только Полоцкое униатское архиепископство [1, с. 25].

В действиях императрицы прослеживается не только абсолютистская, идущая от Петра I, тенденция. Екатерина II показывала еще и заботу об экономическом и административном устройении неправославных, прежде всего католического и униатского, вероисповеданий в империи. В этой связи примечательна история с орденом иезуитов в России. Известно, что Екатерина отрицательно относилась к ордену. Она считала, что иезуиты «не могут быть по законам терпимы в наших областях», а «оставление в их руках училищ вредно правлению» [1, с. 19]. В 1773 г. выходит бреве Клементя XIV, в котором заявлялось о роспуске ордена иезуитов. Несмотря на собственные взгляды и позицию Папы, императрица не распустила орден, и в 1783 г. Папа согласился с его существованием в России. На решение монарха повлиял ряд факторов, среди которых фактор поддержки ордена на белорусско-литовских землях был далеко не последним [1, с. 21]. Екатерине II представился удобный случай показать себя радетельницей об интересах католичества не меньшей, а в данной ситуации даже большей, нежели понтифик. Этими мерами она хотела оправдать свою власть над католической администрацией и в очередной раз показать, что, даже будучи православной, способна заботиться об интересах всех своих подданных.

Таким образом, императрица стремилась в условиях присоединения земель Речи Посполитой приспособить российскую православную монархию к изменившейся конфессиональной ситуации в стране. Однако указанные мероприятия не представляли собой продуманной и цельной политики. Одна из центральных проблем монархического правления – проблема легитимности власти в глазах инославного населения и аристократии в особенности – решена не была. Ее решение требовало выработки особой универсальной религиозной концепции императорской власти, которая позволила бы видеть своим государем российского императора и православным, и католикам, и протестантам. Сложность проблемы заключалась также в том, что изменения в характере императорской власти не могли не затрагивать интересы Рима. В результате новая религиозная концепция должна была быть не только общеимперской, но и претендовать на статус общеевропейской. Попытка создания такой доктрины связана с именем Павла I – преемника Екатерины II.

Правление Павла I было достаточно коротким, но чрезвычайно деятельным. При нем в среднем принималось 42 законодательных акта в месяц, тогда как при Екатерине II – лишь 12 [5]. Значительная часть распоряжений затрагивала конфессиональную сферу. Павел I продолжил политику Екатерины II по централизации и подчинению церковных институтов. В 1797 г. при Лифляндской, Эстляндской, Финляндской юстиц-коллегии был создан новый судебный орган для католиков и униатов – Департамент римско-католических дел. 26 января 1798 г. он был выделен в самостоятельный орган [1, с. 21]. В 1798 г. принят указ «О бытии в империи Российской шести Диоцезиям, или Епархиям римской церкви». 28 апреля 1798 г. были открыты две униатские епархии [1, с. 31]. В 1800 г. в особое ведомство выделялось военное духовенство [6]. Эти мероприятия лишь внешне напоминали политику Екатерины II. Император вкладывал в них гораздо больший смысл. Здесь видны теократические устремления монарха. Они концентрированно выражены положением, сформулированным самим Павлом: «русский государь – глава церкви». Своеобразный принцип, по которому не столько император нуждается в церковном благословении, сколько сам считает необходимым «благословлять церковь». Подобный взгляд позволил Павлу I подняться над конфессиональными различиями. Как отметил Н.Я. Эйдельман, «...покорность верноподданного, исправные платежи перевешивают разницу обрядов и оцениваются по официальной государственно-религиозной шкале выше, чем тонкости вероучений» [5, с. 129]. Правление Павла I характеризуется большей, нежели при Екатерине II, веротерпимостью. В 1798 г. было принято положение о непринуждении униатов к принятию «греческой веры» [1, с. 103]. В 1798 г. Павел I, благоволивший иезуитам, посетил коллегиум в Орше, а в конце 1800 г. Папа получил приглашение царя посетить Петербург [5, с. 79]. Как заметил российский исследователь А. Каппелер, «Павел уважал традиционные институты на окраине империи» [7].

Вместе с тем большое внимание уделялось и православию. В 1797 г. земли архиерейских домов были удвоены [8]. 11 января 1798 г. принят указ об обработке церковных земель прихожанами [1, с. 29]. Указом от 18 декабря 1799 г. общая сумма жалования духовенства повышалась более чем на 112%. В 1799 г. узаконены меры по обеспечению вдов и сирот духовенства [8, с. 397]. Император наметил путь преодоле-

ния раскола в русском православии. Были приняты «Правила единоверия». Давление на старообрядцев заметно снизилось [5, с. 126]. Изменения конфессиональной политики, явившиеся следствием теократических представлений императора, нуждались в дополнительном обосновании. Будучи замкнутой в пределах империи, теократическая идея оказывалась бессмысленной и даже вредной, так как: 1) полный государственный контроль над религиозными институтами и политика относительной веротерпимости существовали и при Екатерине II; 2) в православие вносились представления о характере царской власти, несвойственные не только православию, но и христианству в целом; 3) католическое духовенство, население империи и, прежде всего, аристократия не могли воспринимать власть императора по-новому, ибо в духовных вопросах подчинялись Риму. Таким образом, теократическая идея не могла не подразумевать и подразумевала общеевропейское продолжение. В 1800 г. Павел I обратился с намерением объединения российского православия и римского католицизма. Своеобразие представлений Павла было в том, что он не планировал некий новый вариант религиозной унии. Достаточно было объединения власти. Поэтому российский император видел себя в роли следующего Папы [5, с. 79]. Основные контуры новой религиозной политики подразумевали и социальный аспект. Объединение дворянского сословия вокруг императора должно было усиливаться не только снятием конфессиональных барьеров. Замысел Павла I был более масштабным. Своей деятельностью он хотел вдохнуть в слабеющую монархическую идею и традиционное христианство новые силы. Идеал мальтийского рыцарства призван был противостоять революционному духу якобинства и атеизма. Император, несмотря на свое православие, становится великим магистром ордена. Мальтийский орден был интересен Павлу тем, что, по его мнению, мог объединить под предводительством монарха военные и духовные силы Европы, не взирая на разницу в вероисповедании и национальной принадлежности, организовать их для борьбы с революционным движением и защитить этим существующий порядок в мире. 29 ноября 1798 г. был подписан манифест о создании ордена в России, а 15 февраля 1799 г. утверждаются «Правила для принятия дворянства Российской империи в орден св. Иоанна Иерусалимского» [9]. Павел I не завершил своих начинаний. В результате дворцового заговора в марте 1801 г. он был убит.

В правлении Александра I был предложен новый оригинальный проект. Первоначально император стремился к совмещению екатерининского и павловского подходов в конфессиональной политике. Екатерина писала, что плохо запрещение или недозволение различных вер. Александр I в свою очередь считал, что нетерпимость есть порождение невежества, только образованность и науки обуздают религиозный фанатизм. Действительно, широкая веротерпимость являлась наиболее яркой чертой российской политики этого времени. Были приняты указы о защите униатства. Католикам и православным предписывалось вернуть захваченные у униатов церкви. К 1809 г. униатская церковь состояла уже из четырех епархий [1, с. 31]. В декабре 1813 г. в империи был введен запрет на любую миссионерскую деятельность, в том числе и для православной церкви. Запрещалась межконфессиональная полемика. После провозглашения Царства Польского католицизм был объявлен государственной религией автономии [6, с. 298]. Несмотря на все эти мероприятия, конфессиональной политике не хватало завершенности. Различные силы при дворе старались склонить Александра I в

свою сторону. Масоны требовали не просто терпимого, но уважительного отношения к иноверцам. Традиционалисты выступали за союз православной церкви и верховной власти. Ультрамонтаны (ультракатолики) утверждали, что только католицизм способен надежно укрепить монархию и придать ей соответствующий политическому значению статус.

В условиях приближающейся войны наблюдался некоторый откат к традиционным представлениям. Подтверждалось ставшее уже обычным для России деление конфессий на господствующую, терпимые и нетерпимые. После победы в Отечественной войне 1812 г. изменились значение и статус России на международной арене. Александр I стал вершителем судеб Европы, и вновь, как при Павле I, актуализировалась проблема поиска взаимосвязи между европейскими амбициями России и необходимостью внутренней консолидации империи. В это время окончательно оформилась конфессиональная политика Александра I.

Основной идеей, призванной определить характер Российской монархии, становится идея «общехристианского государства», то есть государства, строящего свою политику на основе внецерковных христианских ценностях. Ее реализация не зависела непосредственно от внешних обстоятельств. В отличие от проектов Павла I (объединение церквей, мальтийское рыцарство или претензии на папский трон), достаточно было государственной воли, соответствующих институтов управления и системы образования. В 1810 г. создается Главное управление духовных дел иностранных исповеданий в статусе министерства для проведения единой религиозной политики. В 1817 г. оно преобразовано в Министерство духовных дел и народного просвещения [1, с. 27]. При нем созданы четыре департамента: греко-российского исповедания; римско-католического, греко-униатского, армянского; всех протестантских течений; нехристианских вероисповеданий. Утверждение в обществе идеологии общехристианского государства проводилось как через государственное управление религиозными организациями, так и через систему образования. С этой целью в 1808–1814 гг. была проведена реформа духовной школы [6, с. 426]. Несколько ранее для противостояния религиозной католической реакции бывшая Виленская академия была реорганизована в Виленский университет. При нем для подготовки католических священников создавалась Главная духовная семинария, преподавание в которой было проникнуто духом либерализма [10].

На международной арене европейский статус России не требовалось утверждать. Он уже был утвержден в ходе военных кампаний 1812–1813 гг. Необходимым являлось лишь признание «внецерковного христианства» как идеи, объединяющей европейские монархии. В 1815 г. образовался «Священный союз» в составе России, Австрии и Пруссии. В манифесте, подготовленном Александром I, звучали обязательства монархов править по законам христианской этики, несмотря на различия вероисповеданий. Манифест зачитывали в России по всем церквам.

Таким образом, вследствие определенной внутренней и внешней политики Александр I, казалось, добился воплощения своей конфессиональной программы. Однако изменения в организации управления религиозными организациями и реформы образования не повлияли на консервативный характер конфессиональных доктрин. Критика конфессиональной политики императора звучала как из православного, так и

из католического лагеря. Запрещение ордена иезуитов в 1820 г. явилось ударом российских властей не по католичеству, как зачастую считается, а по ультрамонтанистской оппозиции правительственному курсу. На международной арене против российской политики выступил и Папа Пий VII. Подобное заявление серьезно осложнило реализацию политической линии Петербурга, так как реакция главы католической церкви была определяющей в формировании общественного мнения среди католиков империи. В итоге основная цель российской конфессиональной политики – консолидация привилегированного сословия империи через придание универсального характера российской монархии – оказалась недостигнутой. Идея «внецерковного христианства» отдаляла монархию от православия и православных корней, но не приближала ни к католицизму, ни к протестантизму.

События конца 1810 – начала 1820 гг. продемонстрировали малую результативность религиозно-политического курса как внутри империи, так и на международной арене. В 1818 г. после празднования в Йенском университете 300-летия Реформации произошли студенческие волнения в Пруссии. Реакцией на них в Европе стало ограничение свободы университетского преподавания [11]. В России это было воспринято как свидетельство ошибочности российского видения идеологии «Священного союза». В начале 1820-х гг. были раскрыты тайные патриотические общества при Виленском университете. «Неблагодарные поступки молодежи второстепенной значимости», по характеристике М.К. Огинского, вызвали суровые меры властей [12]. События в западных провинциях России показали, что идея общехристианского государства не способна не только вдохнуть в старую самодержавную форму новое содержание, но и противостоять росткам национального самосознания. Особенно это связано было с развитием польского национального движения. Официальный отказ от данной государственной конфессиональной политики произошел в 1824 г. в виде отставки ее вдохновителя министра народного просвещения и духовных дел кн. А.Н. Голицына [6, с. 213].

Заключение. Присоединение земель Речи Посполитой изменило конфессиональную ситуацию в империи. В правление Екатерины II намечаются основные направления новой конфессиональной политики. В правление Павла I и Александра I были предложены ее особые варианты. С целью консолидации высшего сословия империи российскими властями предпринимается попытка обоснования и придания универсального характера государственной власти как через своеобразное обращение к прошлому, так и к современным на тот момент религиозно-философским идеям. Однако реализация государственных проектов натолкнулась на конфессиональный традиционализм, европейскую оппозицию гегемонистским устремлениям России и на развивающееся национальное движение, которое начинает использовать конфессиональную принадлежность в своих целях.

В последующем правлении Николая I происходит окончательное оформление российской доктрины государственно-конфессиональных отношений. Сделано это было ценой отказа от особой политической роли России в Европе и временного соединения религиозного монархического и секулярного национального принципов. Ситуация, в которой оказалась самодержавная Россия, не позволила ей стать государством одинаково справедливым ко всем своим подданным независимо от вероисповедания.

Л и т е р а т у р а

1. Филатова, Е.Н. Конфессиональная политика царского правительства в Беларуси 1772–1860 гг. / Е.Н. Филатова. – Минск: Бел. наука, 2006. – С. 6.
2. Восстание и война 1794 года в литовской провинции (по документам архивов Москвы и Минска) / сост. ред. и предисл. Е.К. Анищенко. – Минск: МНО, 2001. – С. 36.
3. Церковь о государстве / сост. А. Тускарев. – Старица: Старицкая типография, 1993. – С. 47.
4. Уния в документах / сост. В.А. Теплова, З.И. Зуева. – Минск: Лучи Софии, 1997. – С. 415.
5. Эйдельман, Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России. Конец XVIII – начало XIX столетия / Н.Я. Эйдельман. – М.: Мысль, 1982. – С. 61.
6. Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700–1917 гг.: в 2 ч. / И.К. Смолич. – М.: Валаамский монастырь, 1997. – Ч. 1. – С. 383.
7. Каппелер, А. Россия – многонациональная империя / А. Каппелер. – М., 1996. – С. 64.
8. Каргашев, А.В. Очерк по истории Русской Церкви: в 2 т. / А.В. Каргашев. – М.: Терра, 1997. – Т. 2. – С. 397.
9. Переминов, П.В. Под сенью восьмиконечного креста: [мальтийский орден и его связи с Россией] / П.В. Переминов. – М., 1991. – С. 160.
10. Антоний (Сушко), арх. О греко-униатской Церкви в западном крае / арх. Антоний (Сушко) // Русский вестник. – 1864. – С. 299.
11. Толстой, Д.А. Римский католицизм в России: в 2 т. / Д.А. Толстой. – СПб.: тип. В.Ф. Деманкова, 1876. – Т. 2. – С. 417.
12. Залуский, А. Время и музыка Михала Клеофаса Огинского / А. Залуский. – Минск: Четыре четверти, 1999. – С. 127.

S U M M A R Y

The work deals with the problem of development of confession policy in Russia during the period from 1772 to 1825. It is shown that the measures taken by Russian emperors have been aimed at the adaptation of the absolute monarchy regime to Russian and European realia at the end of the XVIIIth – the beginning of the XIXth centuries.

Поступило 29.01.2010

УДК 330.81+94(476)

Развитие экономических отношений в шляхетском хозяйстве на территории белорусских земель в первой половине XVI в.

И.Ю. Уваров

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет
им. П.О. Сухого»

Задача данного исследования – проследить наиболее существенные моменты в развитии шляхетской торговли на территории белорусских земель с конца XV по первую половину XVI в.

Наличие сравнительно богатой исторической документации по ряду направлений исследования дает возможность вникнуть не только в «экономический смысл шляхетской торговли», но и в социальный аспект влияния феодального предпринимательства на положение других сословий.

Автором рассмотрены вопросы торговли лесом и хлебом из имений шляхты и организации производства и сбыта алкогольной продукции.

Рассматривая эти и другие вопросы, следует отметить тот факт, что на вальных сеймах ВКЛ представители военно-служилого сословия постоянно добивались от господаря отмены таможенных пошлин на вывоз своих товаров к прибалтийским портам. Это и многое другое свидетельствует о том, что в период первой половины XVI в. в Великом княжестве Литовском царило полное господство шляхты, которая требовала от правительства льгот, вольностей и привилегий.

С развитием барщинно-вольварочной системы хозяйствования в Великом княжестве Литовском в начале XVI в. существенно увеличилось производство товарного зерна. Данное явление наблюдалось как во владениях господарского домена, так и в имениях шляхты, что способствовало росту товарности феодальной экономики в целом. В начале XVI в. товарные отношения существенно расширились, поскольку это было связано с ростом городов и увеличением численности населения как на территории белорусских и русских земель, так и в других регионах Европы. Продукты питания и другие товары из Беларуси пользовались очень большим спросом на внешнем рынке.

Результаты и их обсуждение. Особенностью развития белорусских земель в период феодализма было то, что этот регион специализировался в основном на товарах лесопильного промысла и сельскохозяйственном производстве. Это усиливало развитие товарно-денежных отношений и стало существенным фактором в эволюции феодального хозяйства. Продукты труда и промыслов сельских тружеников рассматривались тогда как жизненно важные для человека [1].

Судя по данным источников конца XV в., ряд историков признают, что с территории белорусских земель стали вывозить больше лесных полуфабрикатов. Это способ-

ствовало увеличению числа предприятий, занимающихся сплавом леса. Подобный вид деятельности превратился в важную отрасль хозяйства, притом что цены на древесину за рубежом постоянно росли. Вывоз же зерна значительного размаха не имел, пока аграрная политика правительства ВКЛ не привела к значительному увеличению доходов феодалов за счет усиления эксплуатации крестьян. Это содействовало экономическому подъему в Беларуси и втягиванию ее в систему западноевропейских товарно-денежных отношений. Что в свою очередь привело к тому, что белорусские товары начинают занимать преобладающее место на рынках большинства европейских стран. Спрос на природное сырье и продукцию сельского хозяйства был вызван тем, что в Западной Европе начинают бурно развиваться города, ремесло и торговля. А вместе с тем перед Западом всерьез встала проблема заготовки хлеба [2].

Тем временем на территории белорусских земель в конце XV – начале XVI в. богатые купцы начинают занимать господствующее положение в большинстве крупных и средних городов. Как правило, это были верхи городского купечества, которые именовались «гостями». Векторы их торговой активности были направлены во многие страны мира. Более развитое и экономически сильное купечество повсеместно выступает в виде корпоративной группы граждан, объединенных сословным интересом. Купцы постепенно начинают подчинять своей финансовой власти ведущие секторы городской экономики, прежде всего экспортные отрасли ремесла. В этот период наиболее прибыльными товарами белорусского ремесленного экспорта были различные изделия из металлов, обработанные шкуры и кожи животных, одежда, домашняя утварь, ювелирные изделия. При этом цеховые уставы гарантировали совершенную на тот период технологию производства и качество готовой продукции.

В исследовании проблемы экономического развития общества рассматриваемого периода следует обратить внимание на крупные города Беларуси, которые имели привилегии на самоуправление и вели внутреннюю и внешнюю торговлю. Так, например, в 1390 г. Бресту был дан привилегий на Магдебургское право, а в 1498 г. – Полоцку. Этот город играл значительную роль в торговле на северо-восточных землях Беларуси. Кроме того, на Берестейском сейме 1511 г., который проходил с 23 мая по 10 сентября, Полоцку была выдана специальная уставная грамота. В данном документе определялись социально-политические обязанности жителей этого географического региона страны [3]. С приобретением специальной грамоты от 14 марта 1499 г. Минск получил право на самоуправление с указанием правил на ведение торговли [2, с. 177; 4]. Постепенно на протяжении XVI в. многие другие города белорусских земель получили право на самоуправление по примеру г. Магдебурга, по которому организовывалась городская жизнь в странах Западной Европы и в дальнейшем в Беларуси на протяжении трехвекового периода.

В XVI в. развивающееся ремесленное производство способствовало интенсивному росту и подъему товарооборота. Изменения в экономике ВКЛ сопровождалось ростом внутренней и внешней торговли. Через земли ВКЛ проходили торговые пути купцов из Польши, Ганзейских городов, Русского государства, Крыма и т.д. Внешняя торговля велась купцами без посредников и шляхтичами, которые из личных имений вывозили собственные товары к балтийским портам и далее в страны Западной Евро-

пы. Вся территория Беларуси, в особенности ее восточные части, были изрезаны густой сетью торговых дорог. Это был торговый центр обширной округи, охватывающий Верхнее Поднепровье (включая Борисов, Оршу, Мстиславль, Бобруйск, Речицу) [5]. Ряд торговых путей шел с Востока на Запад через города Мценск, Путивль, Смоленск, Полоцк. Для удобства ведения торговли во многих городах Беларуси располагались специальные дворы, где жили иностранные купцы: русские, немцы, поляки и др. В 1485 г. в Бресте наряду с другими улицами упоминается и Русская [6]. Русские купцы проезжали территории Беларуси по дороге в Крым и Западную Европу. Ежегодные ярмарки привлекали на европейский рынок купцов не только со всей Беларуси, но и из других зарубежных стран.

Крепостничество мешало крестьянам быть заинтересованными в производительности своего труда, однако в этот период сельский труженик начинает активно фигурировать на внутреннем рынке. Торговали крестьяне продуктами своего труда, чтобы получить наличные деньги для уплаты налогов в пользу феодала и церкви [7; 1, с. 214; 8].

На территории западных поветов ВКЛ достаточно крупными торгово-ремесленными и административными центрами были Вильно, Гродно, Брест, Ковно, Ошмяны и другие города. Так, например, в 1529 г. серебщина (налог на военные нужды), собираемая с г. Вильно, равнялась 1500 коп грошей (одна копа – 60 грошей), с Ковно – 300 коп грошей, а жители Гродно платили в казну 180 коп грошей [3, с. 62]. Северные регионы Беларуси оказались в более выгодных условиях при спросе на различные виды товаров. Из природных ресурсов предметом повышенного спроса были лес, хлеб и мед, «дань медовая» вносилась зависимым населением в пользу феодала [9]. Между ВКЛ и Московским государством, прослеживается стремление к совместной торговле. Так, в 1537 г. правительство Елены Глинской дало распоряжение возобновить торговлю с ВКЛ. В первой четверти XVI в. москвичи, тверичи, торопчане приезжали в Витебск, Полоцк и другие города. В 1543 г. могилевские купцы ездили со своими товарами в Стародуб, в дальнейшем эти отношения только укреплялись [7, с. 142; 10]. Владея землей как средством существования шляхта постоянно добивалась экономических свобод от государства. При великом князе Александре Ягеллончике в 1499 г. шляхта получила разрешение на сплав зерна, золы и смолы в Ригу без уплаты таможенных пошлин «мыта» при условии, что эти товары будут из личных имений [11]. Феодалы Подвинья с давних пор занимались торговлей, реализуя свои товары в Риге, где был тогда крупный международный европейский торг [12–13].

Документы первой половины XVI в. подтверждают, что представители военно-служилого сословия часто возили свои товары в Ригу. Так, например, господарский боярин Т. Гетолтович в октябре 1533 г. жаловался воеводе на господарского слугу, который занимался сплавом товаров по рекам. При погрузке ржи струг затонул прямо на причале. По итогам судебного процесса виновником оказался судовладелец, который был обязан уплатить хозяину пропавшего товара его стоимость по рижским ценам, а это составило 10 коп грошей. Лица, заинтересованные в развитии торговли и проживавшие в районах сплавных рек, строили речные суда под заказ. Из договора витебских мещан от 19 декабря 1560 г. видно, что Семенович, Мартинович и мытник Шмерлевич построили шесть небольших судов по 6 коп грошей каждый [13, с. 209].

Белорусская шляхта, накопив огромные богатства, создает возможность для более эффективного экономического развития страны. Быстро ориентируясь в новой экономической обстановке, представители служилого сословия стали пытаться извлечь из торговли для себя определенную выгоду. В первой половине XVI в. это могло шляхте удастся только косвенным путем, так как правительство не допускало ее участия в международной торговле [14]. Однако владельцы имений стремились, хотя бы опосредованно, включиться в торговую сферу. Они покупали у купцов товары, привезенные из-за границы, взамен отдавая им по сходным ценам товары местного производства сырье, пушнину, хлеб и прочее.

Одним из важных объектов торговли внутри страны оставалась земля. При этом феодалы нарушали существующее законодательство в отношении торговли земельным фондом. Документальные материалы это широко подтверждают. Так, в записи от 15 февраля 1549 г. указана купчая сделка между боярами Монка Римкевичем и Иваном Шимковичем на участок земли: «Продали есмо ниву нашую власную... Яну Шимковичу боярину господарскому...». При этом указано, что продано на «литовскую монету». Подобные записи о продаже земли упоминаются в документах еще и раньше [6, с. 117].

С началом Ливонской войны 1558–1583 гг. и общим осложнением политической обстановки в стране правительство ВКЛ в 60-х гг. XVI в. через систему привилеев и в законодательной форме идет навстречу шляхетскому сословию, предлагая новые социально-экономические льготы, что явственно подтверждают документы и материалы [15–17]. Государство стремилось оградить шляхту на городских торгах от произвола купцов и мещан, издавая соответствующие постановления, подкрепленные решением вальных сеймов. На Городенском сейме 1568 г. сенаторы просят господаря о том, чтобы шляхта на городских рынках не притеснялась местной администрацией. На что был дан ответ: в статуте все сказано, делать все по закону [17, с. 510]. На этом же сейме шляхта обращается к великому князю с просьбой разобраться с пинскими мещанами, которые запретили им скупать соль для своих нужд. Это противоречит желаниям шляхты и ущемляет их вольности. Ответ господаря содержал вразумительное разъяснение: любой шляхтич имеет право покупать соль, сколько ему надо, но только для личных нужд, а не для продажи.

Представители шляхетского сословия за несение военной службы систематически добивались у правительства свободных цен на продовольственные товары и отмены таможенных пошлин. Рассматривая эти и другие вопросы, великий князь в первую очередь соблюдал интересы государства. На вальном сейме 1563 г. шляхта ВКЛ требовала отмены таможенных пошлин и установления фиксированных цен на сукно и ремесленные товары. В своем ответе великий князь дал согласие на нормирование только цены.

Желая расширить свои доходы, шляхта в очередной раз обратилась на вальном сейме 1568 г. к господарю с просьбой дать им разрешение на обустройство корчмы в своих имениях и на больших дорогах, на что был дан ответ: «Мы то подле статута старого обычая заставуем» [17, с. 207–208]. Как видно, правительство стремилось удерживать за собой прибыльную торговлю для пополнения государственной казны. Иногда челобитчики, хлопотавшие перед правительством о выдаче привилея на право постройки корчмы, добивались разрешения. При этом оговаривалось, что шляхетская корчма

не должна была приносить ущерба государственной. Владелец корчмы получал право пожизненного владения с передачей ее по наследству [3, с. 74–75].

Основной статьёй доходов шляхты было производство и торговля спиртным. Производство спиртных напитков было неотъемлемой составной частью в развитии феодального хозяйства ВКЛ. В документах XVI в. современники описывают постоянно возрастающий спрос на спиртные напитки. Производимая продукция предназначалась в основном на продажу в корчмах для заезжих постояльцев. Достаточно много водки и пива потреблялось солдатами. Производство спиртного было весьма выгодным делом. Огромные выгоды от данного предприятия определялись почти двойной разницей цен на «сырье» и на произведенный из хлеба конечный продукт. И все это при бесплатном труде крепостных людей, а главной статьёй «издержек» было производство и заготовка дров. Большой размах производства сначала пива, а потом и водки был отмечен в разных районах белорусских земель в период ВКЛ, а затем и Речи Посполитой.

На вальных сеймах шляхта выступала против того, чтобы на территории их имений строились таможи, так как прибыль для их владельцев-мытников была очень велика. Так, например, в 1496 г. аренда от Берестейской, Дорочицкой, Вельской, Городенской таможен Берестейскому войту составила в среднем по 400 коп грошей в год. На сеймах шляхтичи просили великого князя, чтобы таможи отдавали заведовать людям христианской веры, а не иноземцам.

На Беларуси в основном арендаторами таможен были евреи, которые к началу XVI в. в ВКЛ сформировали прослойку состоятельных горожан. В 1522 г. Минской таможней заведовали Мордухай Ескович и Агрон Нахимович. В 1524 г. в Бресте таможней управлял Михель Езофович, младший брат подскарбия земского Аврама Езофовича. В 1509 г. он предоставил Сигизмунду I материальную помощь на сумму 1000 гривен серебра. Были случаи, что господарь даровал евреям за верную службу шляхетские звания. Так, в государевой грамоте от 20 февраля 1565 г. сказано: бывшего еврея Левку Доновича, в христианстве Станислава, освободить от подчинения еврейскому праву. Принятие евреями христианства, как видно, было распространенным делом. Ф. Скорина в своих обращениях к евреям, принявшим христианство, призывает их быть верными новой вере. Выдающийся гуманист выражает сожаление, что еврейский народ принял муки в Иерусалиме и отмечает, что он теперь сыскал себе новую родину, которой и должен честно служить [15, с. 28–29; 18].

Согласно решению верховной власти созданные ранее таможи оставались в шляхетских владениях. Однако добиться окончательного решения о полной ликвидации внутренних таможен шляхта не смогла. На Городенском сейме 1567 г. господарь решил, что, если шляхтичи желают владеть мытнями, то должны платить больше за аренду, чем их бывшие владельцы. Из имеющихся документов видно, что еще в начале XVI в. правительство получало высокие прибыли от таможенных пошлин. С 12 июля 1507 г. до праздника Рождества Христова в 1508 г. с ковенской таможни в казну поступило 7000 коп грошей. В Полоцке за два года таможенных сборов от торговли солью сумма прибыли составила 2000 коп грошей [17, с. 282].

Со второй половины XVI в. шляхта стремилась установить контроль над торговлей лесными товарами, так как лес в средние века играл большую роль в развитии про-

изводительных сил. Шляхтичи желали получить от великого князя разрешение на свободную охоту в пуцах и лов рыбы [12, с. 417; 19]. Подобные заявления обычно не удовлетворялись, а решение этих вопросов переносилось для рассмотрения на очередные заседания вальных сеймов. Право торговать лесными товарами получили только владельцы лесных угодий и при условии разработки лесосеки своими силами. Такой товар пропускаясь за границу при уплате специальной пошлины и после принесения присяги лиц, сопровождавших этот товар. Подобной льготы шляхта добилась по решению Виленского сейма 1551 г. [16, с. 372]. Борьба представителей привилегированного сословия за прибыльную торговлю лесом была обусловлена высокой его стоимостью на рынках Прибалтики, начиная с середины XV в.

Кроме лесных товаров, шляхта добивалась разрешения на торговлю хлебом без уплаты таможенных пошлин. На сейме 1558 г. этот вопрос был поднят вновь. Великий князь дал согласие при условии, что эти товары будут из личных имений шляхты. Из чего следует, что государство стремилось сохранить свою монопольную власть на прибыльные экспортные товары [17, 271; 8, с. 14]. Вопрос о торговле лесом был настолько сложным, что даже Ливонская война не смогла повлиять на благоприятное его разрешение в пользу шляхты. На сеймовой сессии 1563 г. представители от поветовой шляхты просят у господаря разрешения на право пользования пуцами. В своем ответе великий князь указал на то, что лес должен идти только на личные нужды: «В пуцах робити на себя, ани от толе спущати, ани проробков в тых пуцах разрабливати, ани игрунтов себе привлащати не маете» [20]. Иногда великий князь за военную или гражданскую службу жаловал шляхтичам лесные угодья. Так, в заявлении жемойтского тивуна от 15 сентября 1564 г. видно, что он просил великого князя предоставить шесть волок леса боярам Павлу и Шимку Сакелайтям, «лесу волок шести завел и на вечность им подал». Из данного документа следует, что правительство не отказывало шляхте иметь возможность дополнительных доходов. На Берестейском сейме 1566 г. еще раз был поднят вопрос о привилегиях шляхты на провоз разного рода товаров через границу без уплаты пошлин. Ответ правительства был отрицательным: «Платить мыто при вывозе за границу в пользу казны» [5, с. 198].

Вместе с тем правительство шло и навстречу шляхте, как, например, в ликвидации «мостового сбора». На сейме 1554 г. господарь заявил: «...По моставым шляхте не ченить утиснени» [17, с. 234]. Экономические требования шляхты подрывали городскую торговлю ВКЛ, так как беспошлинный вывоз товаров тормозил развитие городского рынка, сокращал торговые обороты, задерживая тем самым развитие ремесленного производства [21].

Представители шляхты из Полоцка на Виленском сейме 1559 г. просят верховную власть уравнивать их в правах с господарскими мещанами по уплате мыта и предоставлению им прав беспошлинного отправления своих товаров в Ригу. На это заявление господарь сообщил: тот, кто выполняет замковые повинности, от уплаты мыта освобождается и товары к Риге может отправлять без уплаты пошлин [17, с. 286]. Жители Великого княжества, проживающие в шляхетских городах, имели право вести торговлю и проводить ярмарки [22]. Желая совмещать торговлю со своим основным занятием, шляхта на сейме 1563 г. потребовала для себя экономического привилея. Но великий князь на это

требование согласия дать не мог [3, с. 79–80]. На вальном сейме 1565–1566 гг. шляхта ходатайствовала о беспошлинном пропуске товаров из-за границы на собственные нужды. Это могли быть предметы роскоши: вина, драгоценности, оружие и т.д. В ответе господаря на эти просьбы присутствует ссылка на постановление прошлого Виленского сейма, где речь идет о десятине и пошлине на ввозимый товар.

Споры и дебаты о получении шляхтой экономических свобод долгое время оставались предметом острых дискуссий на сеймовых сессиях. Вновь эта проблема была поднята на Городенском сейме 1569 г. [17, с. 344–345]. Таким образом, стремление шляхты ВКЛ к расширению социально-экономических привилегий противоречило государственным интересам.

В завершение следует отметить, что в XVI в. в ВКЛ царило полное господство независимых в финансовом отношении светских и духовных феодалов. Средние и мелкие шляхтичи, которые сообща вершили в своих поветах все местные дела, постоянно выступали с требованиями новых экономических свобод. Их общая взаимосвязь отражала близость социальных и экономических интересов в рамках шляхетского сословия. Подчеркивая очевидное отличие этих представителей от феодальной аристократии, нельзя забывать, что рядовые шляхтичи в значительной мере были необходимы государству, так как несли воинскую службу. Следовательно, господарь и правительство были вынуждены удовлетворять социально-экономические требования шляхты.

Заключение. Исходя из изложенного, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, одним из итогов экономической борьбы шляхты за свои права, вольности и привилегии было расширение состава сейма и контроль сенаторов над центральной властью господаря.

Во-вторых, сейм Великого княжества Литовского превращался в форум жесткой борьбы шляхетских интересов. Наиболее актуальными вопросами, которые решались сеймовыми делегатами, были налоги, сбор податей, торговля и т.д.

Л и т е р а т у р а

1. Копыцкий, З.Ю. Рыночные связи крестьянского хозяйства Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З.Ю. Копыцкий, Б.З. Копыцкий, М.Ф. Спиридонов // Взаимосвязи города и деревни в их историческом развитии: тез. докл. и сообщ. / XXII сес. Всесоюз. симпоз. по изуч. проблем аграр. истории, Минск, 11–14 окт. 1989 г. – М., 1989. – С. 210.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею: в 5 т. – Т. I. 1340–1506. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния, 1846. – С. 177.
3. Пичета, В.И. Аграрная реформа Сигизмунда Августа в Литовско-Русском государстве / В.И. Пичета. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 62.
4. Хорошкевич, А.Л. Торговля Великого Новгорода с Прибалтикой и Западной Европой XIV–XV вв. / А.Л. Хорошкевич. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 107.
5. Мелешко, В.И. Торговые связи Могилева с городами Польши и Прибалтики во второй половине XVI – первой половине XVII в. / В.И. Мелешко // Acto-Baltico-Slavico. – Białystok, 1965. – Т. II. – С. 63.
6. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов: в 39 т. – Т. 33: Акты, относящиеся к истории Западнорусской церкви, 1443–1661 гг. – Вильно: Тип. губ. права, 1908. – С. 4.
7. Зимин, А.А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. / А.А. Зимин. – М.: Соэктиз, 1960. – С. 148.

8. Лойко, П.О. Феодалная рента в частновладельческих поместьях Белоруссии во второй половине XVI–XVIII вв.: автореф. ... дис. канд. ист. наук / П.О. Лойко; Акад. наук Белорус. ССР, Ин-т истории. – Минск: Б.И. 1984. – 21 с.
9. Левко, О.Н. Торговые связи Витебска в X–XVIII вв. / О.Н. Левко; под ред. Г.В. Штыхова; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: Наука и техника, 1989. – С. 50.
10. Костомаров, Н. Очерки торговли Московского государства в XVI–XVII столетиях / Н. Костомаров. – СПб.: Н. Тиблень, 1862. – С. 19.
11. Спиридонов, М.Ф. Закрепощение крестьянства Беларуси. XV–XVI вв. / М.Ф. Спиридонов / АН Беларуси. Ин-т истории; под ред. А.Л. Хорошкевич. – Минск: Наука и техника, 1993. – С. 53.
12. Полоцкие грамоты XIII – начала XVI в. [Тексты] / сост. д-р ист. наук А.Л. Хорошкевич; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Ин-т истории СССР, 1977. – С. 105–115.
13. Акты Литовско-Русского государства. Изд. М. Довнар-Запольским: в 2 т. – Вып. I. 1390–1529 гг. – М.: Унив. тип., 1899. – С. 180.
14. Литовская Метрика = Lietuvos metrika / Ин-т истории Литвы. – Вильнюс: Mokslo ir enciklopedijai leidykla, 1997. – Т. 10. Книга записей (1440–1523) / [подгот.: Э. Банионис, А. Балюлис, предисл. А. Балюлиса]. – С. 73.
15. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией: в 5 т. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния, 1848. – Т. 3. 1544–1588. – С. 118–121.
16. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: О-во истории и древностей Рос. при Моск. ун-те, 1900. – С. 592–599 с.
17. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Юрьев. – Литовская метрика. Отд. 1–2. Ч. 3. 1914. – Т. 30. – С. 356–357.
18. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / уступ. арт., падрыхт. тэкстаў, камент., слоўн. А.Ф. Коршунка; АН БССР, Ін-т літ. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – С. 122.
19. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. Кн. 1–21. – М.: Синод. тип., 1869–1916. – Кн. 21. – С. 285.
20. Документы Московского архива Министерства юстиции. – Т. I: Тексты актов Литовской Метрики / предисл. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – С. 153.
21. Пичета, В.И. Белоруссия и Литва XV–XVI вв.: исследования по истории социально-экономического, политического и культурного развития / В.И. Пичета. – М.: Изд-во АН СССР, 1961. – С. 636.
22. Грицкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI–XVII вв. / А.П. Грицкевич. – М.: Наука и техника, 1975. – С. 30.

SUMMARY

The aim of this article is to track the most essential moments in development of gentry's trade in the territory of Belorussian lands from the end of the XV century till the first half of the XVI century. The author considers such questions as wood and bread trade by manors of gentry and organization of alcoholic production manufacture.

Поступило 30.03.2010

УДК 327

Эволюция российско-американских отношений в начале XXI века

А.П. Косов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Рассматривается эволюция российско-американских отношений в начале XXI века. В целом отношения России и США характеризуются зигзагообразностью. На рубеже веков они достигли довольно низкой отметки, не оправдав надежд 1990-х гг. Однако события 11 сентября 2001 г. внесли в них существенные изменения. На фоне общей борьбы с терроризмом началось сближение Москвы и Вашингтона. Однако выход США из Договора по ПРО, вторжение США в Ирак, «цветные революции» на постсоветском пространстве, обвинения в свертывании российской демократии вновь привели к охлаждению во взаимоотношениях двух стран. 2006–2008 гг. характеризуются дальнейшим ухудшением отношений, о чем свидетельствуют достаточно жесткие заявления обеих сторон в адрес друг друга. Определенные надежды сторон на улучшение российско-американских отношений связываются с деятельностью Б. Обамы и Д. Медведева, которые пока их оправдывают.

Российско-американские отношения по-прежнему привлекают внимание многих специалистов в мире. Безусловно, в первую очередь интерес к данной проблеме международных отношений характерен для российских и американских авторов. Среди наиболее известных исследователей из России, которые посвятили свои работы тем или иным аспектам современных российско-американских отношений, стоит назвать А.Г. Арбатова, Е.П. Бажанова, А.Д. Богатурова, С.А. Караганова, С.В. Кортунуова, Н.А. Косолапова, В.А. Кременюка, Е.М. Примакова, С.М. Рогова, Д.В. Тренина, А.И. Уткина, Т.А. Шаклеина и др. Не меньшая заслуга в изучении отношений России и США принадлежит и их американским коллегам: Л. Арону, Зб. Бжезинскому, С. Валландер, Р. Готтемюллер, Т. Грэмму, Н.В. Злобину, Э. Качинсу, Г. Киссинджеру, А. Коэну, Р. Легволду, М. Макфолу, Б. Рублу, Д. Саймсу, С. Сестановичу, Р. Хаасу и др. Авторы заостряют свое внимание на самых разнообразных проблемах российско-американских отношений начала XXI века. Анализируя их работы, нельзя не отметить разнообразие точек зрения по тем или иным вопросам, которые зачастую кардинальным образом расходятся. Конечно, во многом такая ситуация в историографии понятна: многие авторы, как российские, так и американские, пытаются возложить большую часть вины за наличие сложностей в двусторонних отношениях на противоположную сторону.

Цель данной статьи – показать эволюцию российско-американских отношений в первом десятилетии XXI века.

Рубеж веков: от кризиса к сотрудничеству. Рубеж веков в российско-американских отношениях ознаменовался довольно глубоким кризисом. Как известно,

после завышенных ожиданий обеих сторон, характерных для начала 1990-х гг. и связанных, с одной стороны, с откровенной проамериканской внешней политикой России в надежде на полноправный статус страны в западном клубе и равноправное партнерство с США, а с другой – с американскими надеждами быстрой демократизации России и переходом ее к рынку, наступил период разочарования, вскоре приведший к охлаждению в отношениях. В конце 1990-х гг. российские политико-академические круги в целом пришли к выводу, что политика США в отношении России является продолжением их предшествовавших действий против СССР. Многие даже заговорили о том, что две страны находятся на грани новой «холодной войны». В свою очередь, американское научно-политическое сообщество все чаще стало заявлять об «имперских замашках» Москвы, особенно в отношении постсоветского пространства, нарушениях прав человека, коррупции и отсутствии стремления к демократизации страны.

Основными проблемными точками в российско-американских отношениях были стремление Запада расширить НАТО на восток, события в Чечне, действия НАТО против Югославии.

Определенные надежды и предпосылки улучшения двусторонних отношений многими экспертами возлагались на перемены, связанные со сменой политического руководства России и США в ходе выборов 2000 г. Однако этого не произошло. Известно, что администрация Дж. Буша-мл., победившего на выборах, начала с того, что сделала целый ряд заявлений, принижавших роль и место России в современном мире, ставящих под сомнение годами наработанные схемы взаимодействия [1]. Достаточно нелестные слова были сказаны американцами и в адрес нового главы российского государства, который был назван «человеком КГБ» и наследием советского режима, что делало маловероятным в ближайшей перспективе изменение в лучшую сторону подхода Вашингтона к России.

Однако террористические акты 11 сентября 2001 г. открыли новую страницу в истории российско-американских отношений. После данных событий Россия сделала значительный шаг в сторону улучшения отношений с США, которые вскоре обозначились и на практике. Когда США потребовалась российская поддержка в операции против афганских талибов, Россия попала в число партнеров США по борьбе с терроризмом, что стало свидетельством позитивных сдвигов в российско-американских отношениях, которых тщетно ожидали на протяжении предшествующих десяти лет [2]. Сближение двух стран объяснялось наличием общего врага в лице международного терроризма. В 2001–2002 гг. на фоне появления у России и США общего противника все другие проблемы (Договор по ПРО, расширение НАТО, экономические вопросы, выплата долгов и т.д.) на время стали второстепенными. Более того, данные обстоятельства позволили В.В. Путину даже провозгласить стратегический курс на интеграцию с Западом.

К сожалению, наметившийся в 2001 г. прогресс в развитии российско-американских отношений во многом был основан на личных встречах и симпатиях между президентами Бушем и Путиным, а также на антитеррористическом сотрудничестве стран. Межгосударственные отношения по-прежнему оставляли желать лучшего, что объяснялось несовпадением взглядов обеих сторон по целому ряду насущных проблем мирового развития [3]. По этой причине дух сотрудничества между Россией и США имел лишь внешний фон и не был подкреплен изнутри. Политика США в отношении России по существу не изменилась, и ни

одна из ранее раздражавших отношения болезненных проблем не была решена [1, с. 69]. Более того, на практике США стремились к политической изоляции России, ограничению сфер ее интересов и возможностей воздействовать на развитие ситуации в мире, т.е. хотели иметь Россию в достаточно ослабленном виде, а не как мировую державу, способную конкурировать с США [1, с. 71, 76]. Поэтому вскоре эйфория в России по поводу решительного сближения с Западом ушла в прошлое.

От сближения к отчуждению и новому кризису. Можно отметить, что начавшееся ухудшение отношений между Россией и США после непродолжительного периода сближения было вызвано действиями обеих сторон. Во многом ужесточение российской позиции в отношениях с США после вторжения последних в Ирак было ответом на действия Америки. Отчасти это объяснялось и тем, что американцы не сумели добиться расположения России, а также достаточно медленным углублением американо-российских отношений. Более того, в России все больше проявлялось недовольство «односторонностью» этих отношений. Внешнеполитическое сообщество России болезненно реагировало на вынужденное согласие Кремля с расширением НАТО, выходом США из Договора по ПРО, создание американских военных баз на постсоветском пространстве [4]. Помимо всего прочего как одна, так и другая сторона не сумели определить четкие приоритеты и последовательно их реализовывать. Так, конфликты на постсоветском пространстве часто возникают не только и не столько из-за различий в намерениях сторон или их нежелания признать интересы друг друга в регионе, сколько потому, что Россия и США не удалось согласовать эти интересы, да никогда толком их и не оглашали [5].

Безусловно, обе страны нуждаются друг в друге. Однако истинному партнерству мешают различия в базовых ценностях. Согласно Вашингтону, за время первого президентского срока В.В. Путина Россия проделала значительный путь в сторону авторитаризма. Америка желала бы видеть Россию демократической. Поэтому в американском истеблишменте существует консенсус относительно того, что США должны способствовать превращению России в полноценную демократию и укреплять ее роль в качестве союзника в борьбе с терроризмом [5, с. 105]. К тому же, и в США, и в России элиты продолжают испытывать взаимное недоверие друг к другу, к которому примешиваются элементы паранойи и злорадства. Так, для многих американских политиков и экспертов современная Россия «не оправдала надежд» на то, что она уже не пойдет «другим путем», не вернется к независимой политике, а станет одним из государств, идущих в «обозе» американской политики [6]. Исходя из этого, многие в Вашингтоне призывали администрацию Буша сделать демократизацию России важнейшим приоритетом политики США и поставить двусторонние отношения в прямую зависимость от решения этой задачи, т.е. от «поведения» России на мировой арене. Однако Дж. Буш-мл. не был готов к радикальному изменению парадигмы двусторонних отношений в условиях, когда США оказались в состоянии долгосрочной войны с международным терроризмом и нуждались в максимальной поддержке ведущих мировых держав. Сильное влияние на российскую политику Вашингтона оказывают и различные лоббистские группы, чьи интересы часто противоречат российским. Россия же лоббированием своих интересов и формированием в США собственного позитивного имиджа не занимается [5, с. 108].

При таком подходе сторон друг к другу существовавшие противоречия лишь накапливались. Традиционный набор претензий заключался в следующем: у США к Рос-

сии – это развитие демократии в стране, Чечня, имперская внешняя политика, противодействие усилиям США в борьбе с недемократическими режимами; у России к США – прием в ВТО, отмена поправки Джексона–Вэника, приостановка расширения НАТО на восток, уважение интересов РФ на постсоветском пространстве и в других регионах, увеличение инвестиций в российскую экономику. Ни по одному из пунктов сторонам так и не удалось прийти к взаимному согласию, хотя на официальном уровне сохранялся дух дружбы и стремления к взаимодействию.

В 2003–2005 гг. в связи с «цветными революциями» в ряде стран, энергетической политикой РФ, а также в связи с обострением конфликтов в Грузии и Молдове, активизацией российской политики в Евразии, а также изменениями в российской внутренней политике, расхождения между Россией и США приняли более открытый и сложный характер. Россию обвинили в попытках силового влияния на развитие и политику соседних государств, в препятствовании урегулированию конфликтов в Грузии и Молдове, в противодействии политике США по стабилизации Ближнего Востока и т.д. [6, с. 10]. При этом Россия не считалась приоритетным направлением американской политики, в отличие от России, где по-прежнему акцентировали внимание на Вашингтоне.

Как известно, ухудшение отношений позволило многим американским (и некоторым российским) экспертам в 2006 г. выдвинуть тезис о «новой холодной войне», что объяснялось сохранением неверного восприятия двумя державами друг друга, недостаточным пониманием взаимных интересов и возможностей, отсутствием реалистичной повестки дня для взаимоприемлемого взаимодействия [6, с. 6]. Поскольку США считали, что Россия как потерпевшая сторона в «холодной войне» и слабое государство, как одно из новых независимых государств на постсоветском пространстве должна принять особую роль и глобальную стратегию США, как это сделали многие постсоветские страны и страны ЦВЕ, а Россия видела себя державой мирового уровня, хотя и находящейся в состоянии временного кризиса, и стремилась к сохранению определенной независимости в отстаивании национальных интересов, то эти расхождения во взаимовосприятии и приводили к осложнениям и разногласиям. Подобная ситуация не удовлетворяла ни одну из сторон, что и привело к кризису в 2006 г., когда Россия предприняла ряд внешнеполитических инициатив, которые вызвали волну критики у США. Еще интенсивнее разговоры о новой «холодной войне» стали тиражироваться после известной речи, произнесенной В.В. Путиным в феврале 2007 г. в Мюнхене на Международной конференции по безопасности. Многие услышали в ней призыв к возврату к «холодной войне», другие – то, что Россия начала вести гораздо более активную внешнюю политику [7].

Летом–осенью 2008 г. в связи с событиями в Закавказье отношения между Россией и США достигли самой низкой точки за последние два десятилетия. Для США закавказские события стали дестабилизацией ситуации в одном из важных для них (с точки зрения обеспечения энергетической безопасности) регионов мира в результате непредвиденных действий возрождающей свой военный потенциал и политическое влияние России. Отсюда однозначное осуждение Америкой агрессивных действий России по изменению сложившегося баланса сил на Кавказе. Впервые после окончания «холодной войны» страна, которая находится под патронажем США, была наказана другим государством, что не могло не вызывать недовольства Вашингтона.

Москва, в свою очередь, была крайне разочарована результатами партнерства с Западом, который практически единодушно встал на сторону Грузии. После августовских событий Кремль заявил о том, что будущее развитие российско-американских отношений полностью зависит от того, насколько Вашингтон будет готов принять ту новую роль, на которую претендует Россия в международных отношениях. Российская политическая элита увидела в политике США одно из главных препятствий для реализации своих внешних приоритетов и внутренних целей [7, с. 474]. Д. Медведев на встрече с участниками «валдайского» клуба говорил об окончательном избавлении от иллюзий. В. Путин, отдав должное игравшей в унисон пропагандистской машине Запада, заявил, что улучшение отношений – это то, чего теперь должны постараться добиться западные партнеры России. Согласно Д. Медведеву, «отношения ухудшились из-за планов предыдущей администрации США – в частности, по развертыванию американской глобальной системы противоракетной обороны в Восточной Европе, попыток передвинуть границы НАТО на восток и отказа от ратификации Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Все эти позиции подрывали интересы России, и в случае их реализации неизбежно потребовали бы ответа с нашей стороны» [8]. При этом в ноябре 2008 г. сам Д. Медведев произнес не вполне продуманную речь об асимметричном ответе России на размещение элементов американской ПРО в Европе, что многим не понравилось в США в условиях только прошедших выборов нового президента. В итоге произошло сужение поля для маневра в отношениях между Россией и США. Начался наиболее острый за все постсоветские годы кризис в российско-американских отношениях, во многом связанный с огромным уровнем непонимания сторон друг друга.

При этом, очевидно, что возврат к стратегии «холодной войны» не был в интересах ни США, ни России. Главной задачей при выработке американской политики в отношении России стал поиск нужного баланса между сотрудничеством и отпором – между выборочным взаимодействием и выборочным сдерживанием. Впоследствии в роли своеобразного «универсального примирителя» выступил мировой финансовый кризис, который во многом умерил амбиции российской и американской политических элит. В обеих странах поняли, что российско-американские отношения зашли в тупик, из которого необходимо срочно искать выход.

Россия–США: новые надежды. С приходом новой американской администрации стало складываться впечатление, что российско-американские отношения ждут перемены. Как известно, после избрания президентом США Б. Обамы в мире и в основном с оптимизмом заговорили о возможности нового этапа в российско-американских отношениях. Определенного энтузиазма добавило заявление вице-президента США Дж. Байдена на конференции по безопасности в Мюнхене в начале февраля 2009 г. о «перезагрузке» отношений между США и Россией. Однако предлагая «перезагрузку», американцы тем не менее не намерены отказываться от своих стратегических целей, что и не скрывают. Тем не менее, американские официальные лица продемонстрировали готовность обсуждать с Москвой актуальные темы мировой политики. Первая официальная встреча президентов России и США Д. Медведева и Б. Обамы в рамках саммита «большой двадцатки» в Лондоне показала обоюдное стремление к диалогу, к поиску взаимоприемлемых решений за столом переговоров. Президенты двух стран пообещали дать «новый старт» отношениям двух стран и объявили о намерении сотрудничать по широ-

кому кругу вопросов, начиная с переговоров по новому договору о контроле вооружений, а также пообещали взаимодействовать в вопросах войны в Афганистане и в усилиях по обузданию ядерных амбиций Ирана. Обама признал, что в отношениях между двумя странами остаются «реальные трудности». Вместе с тем, он отметил, что не намерен «скрывать эти разногласия», которые возникли, потому что «в отношениях между двумя странами были допущены пассивность и бездействие» [9]. Однако Обаме, безусловно, придется оглядываться на республиканцев в Конгрессе и на влиятельные группировки в Вашингтоне, поскольку американский президент в отличие от российского не может самолично проводить тот или иной курс во внешней политике. Он зависим в своих действиях от многих политических сил, и это следует принять во внимание.

Вопреки распространенному в Москве мнению Россия отнюдь не находится в фокусе внимания новой американской администрации. Некоторая активизация представителей американского политико-академического сообщества в российском направлении связана с колоссальным объемом негатива, накопившегося в отношениях двух стран за последние годы. Поэтому администрация Б. Обамы просто вынуждена работать на улучшение двусторонних отношений. Очевидно, что враждебная Россия не в интересах США, и наоборот.

На сегодняшний день уже четко обозначились основные внешнеполитические приоритеты новой американской администрации на ближайшую перспективу. На российском направлении такими главными приоритетами являются, во-первых, потенциалы стратегических наступательных вооружений и, во-вторых, постсоветское пространство. Оба эти приоритета имеют геополитическую значимость для США и для России [10]. В ходе июльского визита президента США в Москву Б. Обама и российский президент Д. Медведев подписали рамочное соглашение о сокращении числа ядерных боеголовок каждой стороны до 1500–1675 единиц в течение последующих семи лет [11]. После чего стали разрабатываться детали Договора об ограничении СНВ. Как известно, переговоры о новом договоре между Россией и США проходили крайне сложно. Это объяснялось достаточно сложной ситуацией для ведения таких переговоров, несмотря на внешне благоприятный политический климат, поскольку действует множество весьма негативных факторов, главный из которых – это выход США из Договора по ПРО от 1972 г. Но поскольку действие договора СНВ 5 декабря 2009 г. заканчивается, администрация Обамы ищет новые способы, чтобы продолжить процесс инспекций и проверок в России. В противном случае она может впервые за несколько десятилетий утратить возможность следить за вторым в мире по мощности ядерным арсеналом.

Существуют и другие проблемы, которые требуют нового подхода к их решению. В последнее время Кремль наиболее активно выступал против планов по размещению элементов ПРО в Польше и Чехии, настаивая, что эта система будет представлять угрозу национальной безопасности России. Однако 17 сентября 2009 г. Обама объявил о намерении Вашингтона пересмотреть эти планы. В ответ на это президент Медведев заявил, что российская сторона будет уделять больше внимания вопросам, беспокоящим США, подчеркнув при этом, что Москва не пойдет на «примитивные компромиссы и размены». В частности, российская сторона отказалась от размещения комплексов «Искандер» и бомбардировщиков в Калининградской области. В свою очередь, премьер Путин назвал решение Обамы «правильным и смелым», одновременно

призвав Вашингтон пойти на дальнейшие уступки – в частности, отменить имеющиеся торговые ограничения [12].

С момента прихода Б. Обамы на пост президента США американский и российский президенты встречались уже пять раз. Лидер США пообещал наладить отношения с Россией, а чиновники из его администрации сегодня выражают удовлетворение достигнутым прогрессом. После состоявшейся в ноябре 2009 г. в рамках саммита АТЭС в Сингапуре пятой по счету встречи президентов США и России Обама заявил, что в американо-российских отношениях «кнопка перезагрузки сработала» после нескольких лет споров и разногласий по целому ряду вопросов. Поэтому у него есть все основания полагать, что политика, основанная на прагматичном и уважительном подходе к Москве, принесет ему успех. Кремлю же будет удобнее пытаться сохранить свою великодержавность в сотрудничестве с США, а не в противостоянии с ними. Пожалуй, у США и Россия действительно разные цели, но зато у них есть общие тревоги: и Вашингтон, и Москву беспокоит подъем Китая, и в обеих столицах чувствуют угрозу со стороны исламского радикализма. Несмотря на свои некоторые слабые места, Россия обладает и немалым стратегическим потенциалом, который может возыметь решающий эффект в попытках Вашингтона перестроить баланс сил в мире [13]. Сегодня в Вашингтоне считают, что хорошие отношения с Россией очень важны с точки зрения национальных стратегических интересов США. Однако, успех «перезагрузочной» политики в отношении России, проводимой президентом Обамой, будет зависеть не только от США, от которых требуется совершать правильные шаги в отношении Москвы, но и от того, удастся ли им понять, что в Кремле думают о Соединенных Штатах Америки и об их новом президенте.

Несмотря на первые позитивные шаги Вашингтона в отношении России, пока еще не ясно, удастся ли России и США по-настоящему «перезагрузить» отношения. При этом важно, чтобы США в своей внешней политике не действовали излишне односторонне, а также, чтобы Вашингтон и Москва строили свою политику не на основе грубой силы и запугиваний, а на основе убеждений. Многое также будет зависеть от позиций и действий России.

На наш взгляд, вполне можно согласиться с точкой зрения американского политолога Н.В. Злобина о том, что «в ближайшем будущем отношения Россия и США будут объективно носить характер мягкого взаимного сдерживания в сочетании с ограниченной региональной конкуренцией и избирательным геополитическим партнерством» [7, с. 470].

Заключение. На рубеже веков в российско-американских отношениях наблюдались кризисные явления, обусловленные несбывшимися ожиданиями. Однако трагические события 11 сентября 2001 г. позволили двусторонним отношениям выйти на новый уровень. Началось российско-американское сближение на фоне общей борьбы с международным терроризмом. Но уже вскоре двусторонние отношения вновь дали трещину: Москва и Вашингтон по-разному воспринимали ситуацию в мире, что вело к непониманию друг друга. Ухудшение отношений между ними шло по нарастающей. В итоге с 2006 г. многие заговорили даже о наступлении новой «холодной войны». Таким образом, к концу 2008 г. отношения США и России зашли в тупик. Новая надежда на улучшение российско-американских отношений возникла в связи с приходом в Белый дом новой американской администрации во главе с Б. Обамой. На сегодняшний день двусторонние отношения

стали значительно лучше, нежели год назад. Лидеры двух стран поняли, что для оздоровления российско-американских отношений нужна новая повестка дня. «Перезагрузка» началась успешно, но для успешного ее результата руководители России и США должны трезво оценивать ситуацию в российско-американских отношениях, признавая, что, несмотря на различия и конфликт интересов, их страны могут сотрудничать в решении тех проблем, где у них есть общая позиция, и находить компромиссы по проблемным вопросам.

Литература

1. Кортунов, С.В. Российско-американское партнерство и вызовы XXI века / С.В. Кортунов // *Международная жизнь*. – 2002. – № 4. – С. 69.
2. Политика США в меняющемся мире / П.Т. Подлесный [и др.]; отв. ред. П.Т. Подлесный. – М.: Наука, 2004. – С. 109–110.
3. Носов, М.Г. Россия и Запад после 11 сентября 2001 года / М.Г. Носов, С.М. Рогов, Н.П. Шмелев // *США–Канада: экономика, политика, культура*. – 2002. – № 6. – С. 7–8.
4. Интересы США и отношения с Россией // *Россия в глобальной политике*. – 2004. – Т. 2, № 1. – С. 146.
5. Злобин, Н.В. Ограниченные возможности и возможные ограничения: Россия и США: что дальше? / Н.В. Злобин // *Россия в глобальной политике*. – 2004. – Т. 2, № 6. – С. 106.
6. Шаклеина, Т.А. Россия и США в мировой политике / Т.А. Шаклеина // *США–Канада: экономика, политика, культура*. – 2006. – № 9. – С. 9.
7. Злобин, Н. Противостояние: Россия–США / Н. Злобин, В. Соловьев. – М.: Эксмо, 2009. – С. 339.
8. Medvedev, D. Building Russian–U.S. Bonds / D. Medvedev // *The Washington Post* [Electronic resource]. – 2009. – 30 March. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/03/30/AR2009033002443.html?hpid=opinionsbox1>. – Date of access: 3.10.2009.
9. Cooper, H. Promises of «Fresh Start» for U.S.–Russia Relations / H. Cooper // *The New York Times* [Electronic resource]. – 2009. – 2 April. – Mode of access: http://www.nytimes.com/2009/04/02/world/europe/02/arms.html?_r=2&hp. – Date of access: 3.10.2009.
10. Россия–США: «перезагрузка» началась? // *Российская Федерация сегодня* [Электронный ресурс]. – 2009. – № 8. – Режим доступа: http://www.russia-today.ru/2009/no_08/08_analysis.htm. – Дата доступа: 25.08. 2009.
11. Wilson, S. National security adviser Jones to Russia Wednesday / S. Wilson // *Washington post* [Electronic resource]. – 2009. – 27 October. – Mode of access: http://voices.washingtonpost.com/44/2009/10/27/national_security_adviser_jone.html. – Date of access: 3.10.2009.
12. White, G.L. Russia Responds to Obama U-Turn With Small Thaw / G.L. White, M. Champion // *Wall Street Journal* [Electronic resource]. – 2009. – Mode of access: http://online.wsj.com/article/SB125327292144122889.html?mod=rss_com_mostcommentart. – Date of access: 3.10.2009.
13. Krastev, I. Strong enough for a «reset» with Russia? / I. Krastev // *Washington post* [Electronic resource]. – 2009. – 30 November. – Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2009/11/30/AR2009113003156.html>. – Date of access: 2.12.2009.

SUMMARY

The article gives a brief survey of Russian–U.S. relations at the beginning of XXI century. The author explores basic problems of relationships that are influencing at their condition.

Поступило 31.12.2009

УДК 94(476)

Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области

А.С. Буракова

Могилевский областной краеведческий музей им. Е.Р. Романова

Рассмотрены особенности научного и художественного проектирования экспозиций музеев Витебской области, отражающих историю партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории данного региона. Поскольку всенародное сопротивление врагу на Витебщине характеризовалось высокой степенью развития, оно широко представлено в экспозициях военно-исторических, мемориальных и краеведческих музеев. Автором исследуются особенности отражения истории партизанского движения в зависимости от тематической направленности музеев и даты создания экспозиций.

Партизанская борьба в Витебской области в годы Великой Отечественной войны характеризовалась высокой степенью развития. На территории области дислоцировалось 39 партизанских бригад, 2 полка, 34 отдельно действовавших отряда [1]. В связи с этим история всенародного сопротивления врагу получила широкое отражение в экспозициях музеев Витебщины.

Исследованию общих теоретических и практических вопросов научного проектирования экспозиций по истории партизанской борьбы посвящены работы М.П. Симкина «Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея» [2], Р.А. Черноглазовой «Построение экспозиции по истории партизанского движения» [3] и И.Ю. Воронковой «Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея» [4].

Частично эта тема затрагивается в дипломной работе директора Витебского областного музея имени М.Ф. Шмырева И.А. Шишковой «Музей як сацыяльны інстытут выхавання гістарычнай памяці. Праблемы і перспектывы» [5]. Заслуживает внимания точка зрения автора об опасности переуплотнения военно-исторических музеев в краеведческие, если для этого не создана соответствующая научная база. Комплексное исследование экспозиционного отражения истории партизанского движения в музеях Витебской области не проводилось.

Материал и методы. Основным источником для научного анализа служат экспозиционные материалы музеев Витебской области, а также исторические данные об экспозициях, отражающих становление и развитие партизанского движения в годы Великой Отечественной войны.

Адрес для корреспонденции: 212021, г. Могилев, ул. Весенняя, д. 207, тел.: +37529 241-09-00 – Буракова А.С.

Результаты и их обсуждение. В сравнении с другими областями Беларуси на Витебщине в настоящее время действует наибольшее количество музеев военно-исторического профиля. Среди них два музея народной славы в Бегомле и Ушачах, Лизненский военно-исторический музей, Музей боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан в городском поселке Россоны, Полоцкий музей боевой славы, два мемориальных музея, посвященных героям партизанского движения Константину Заслонову и Минаю Шмыреву. В Обольском музее комсомольского подполья помимо подпольного движения представлена партизанская борьба в годы Великой Отечественной войны на территории Сиротинского района¹.

Отдельные районные музеи краеведческого профиля Витебской области создавались как военно-исторические, поэтому частично сохранили свою прежнюю специфику. Например, в экспозициях Шумилинского и Бешенковичского историко-краеведческих музеев, именованных ранее музеями народной и боевой славы соответственно, значительное место отведено отражению событий Великой Отечественной войны.

Действует в области и Музей партизанского быта, созданный 4 июля 2000 года возле деревни Ровное Поле на территории бывшего лагеря бригады им. Рокоссовского. Здесь в годы войны находилась стоянка, которая включала партизанские землянки, госпиталь, столовую, мастерские по пошиву одежды и обуви, ремонту одежды, конюшню, баню [5]. Подобного типа музей существовал в деревне Межно в 30 км от Россон. Он был создан как Музей партизанской славы в 1972 году в местах дислокации штаба партизанской бригады им. Сталина. 29 мая 1942 г. там прошло первое собрание коммунистов района, на котором был создан штаб по развертыванию партизанской борьбы в районе [5].

Открытие военно-исторических и краеведческих музеев, как правило, было приурочено к определенным датам в истории Великой Отечественной войны. Многие экспозиции создавались к юбилеям освобождения Беларуси или отдельных регионов республики от немецко-фашистских захватчиков.

Инициаторами создания многих музеев Витебской области являлись бывшие партизаны. Музей боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан, например, был создан благодаря стараниям П.М. Машерова. После его смерти в музее появился мемориальный зал, посвященный жизни и деятельности первого секретаря ЦК КП(б)Б.

Ряд музеев носит имена прославленных партизанских командиров. Это прежде всего музеи мемориальной направленности: Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева и Мемориальный музей имени К.С. Заслонова в Орше. Отдельные музеи военно-исторического профиля также получили имена известных партизан. Так, в 1999 году постановлением Совета Министров Республики Беларусь Ушачскому музею народной славы было присвоено имя командира Полоцко-Лепельского партизанского соединения В.Е. Лобанка [6].

Действующие экспозиции музеев Витебской области строились преимущественно в 70–80-е годы прошлого столетия. Самой старой в регионе является экспозиция

---

¹ В настоящее время Шумилинский район Витебской области.

Полоцкого музея боевой славы, созданная в 1971 году [7]. В 1976–1977 годах была произведена последняя полная перестройка экспозиций Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева и Мемориального музея имени К.С. Заслонова [8–9]. В начале 1980-х годов были представлены вниманию посетителей экспозиции Музея боевого содружества в Россонах (1981 г.) и Лепельского районного краеведческого музея (1983 г.) [5; 10]. Открытие действующей экспозиции Ушачского музея народной славы состоялось 9 мая 1985 года в специально построенном здании [6]. К 40-летию Великой Победы была создана и новая экспозиция Бегомльского музея народной славы [11]. В 1987 году состоялось открытие экспозиции Бешенковичского историко-краеведческого музея [12].

Поскольку многие экспозиции 1970–1980-х годов характеризует качественный подбор экспонатов и достойное художественное оформление, кардинальная их перестройка в последние годы не осуществлялась. Коррективы вносились в научное содержание отдельных разделов экспозиций в соответствии с изменениями, которые происходили в политической обстановке в стране. Например, в Музее боевого содружества в Россонах в начале 1990-х годов производилась реэкспозиция второго зала, первоначально полностью посвященного деятельности ЦК КП(б)Б. В Ушачском музее народной славы в 1991 году были переведены на белорусский язык и переписаны заглавные и аннотационные тексты. Часть текстов о руководящей роли партии опущена. В 1992 году демонтированы в экспозиции фотопортреты людей, непричастных к историческим событиям на Ушаччине, в том числе представителей ЦК КП(б)Б и Витебского обкома партии [6].

Данные изменения в научном содержании экспозиций были вызваны взятым Республикой Беларусь курсом на построение независимого государства. В связи с этим наблюдается значительное сужение темы о руководящей роли коммунистической партии в партизанском движении в Беларуси, сокращение количества общесоюзных и общереспубликанских материалов в экспозициях районных музеев, снижение акцента на интернациональном характере партизанской борьбы. Подобным образом можно охарактеризовать действующую экспозицию Витебского областного краеведческого музея, созданную в 1994 году.

Однозначную оценку этому дать сложно, поскольку, с одной стороны, использование в экспозициях районных музеев общереспубликанских материалов делает экспозиции однотипными, с другой стороны, полный отказ от таких материалов способствует вычленению истории партизанской борьбы в регионе из общего контекста истории всенародного сопротивления врагу в Беларуси.

В экспозициях, построенных в начале XXI столетия, наблюдается ослабление вышеперечисленных тенденций. Например, при отражении роли партии в организации и руководстве партизанским движением в Лиозненском военно-историческом музее (2003 г.) [13] и Обольском музее комсомольского подполья (2008 г.) [14] помимо фотографий секретарей райкомов имеются портреты членов ЦК КП(б)Б и Витебского обкома, представлены документы, характеризующие работу данных парторганизаций. В Лиозненском военно-историческом музее широкое отражение нашла деятельность ЦК КП(б)Б и СНК Беларуси в период с 3 по 9 июля после их переезда из Могилева в Лиозно [13].

Анализируя тематику экспозиций музеев Витебской области, можно отметить, что только Полоцкий музей боевой славы полностью посвящен отражению событий Великой Отечественной войны. Для этого созданы благоприятные условия, поскольку в городе действует сеть музеев, отражающих другие аспекты истории Полотчины.

Иная ситуация сложилась во многих районных музеях. Даже музеи военно-исторического профиля приобретают в последнее время краеведческий уклон. Например, в Лиозненском военно-историческом музее, открытом для посетителей в 2003 году, нашла отражение история края с древнейших времен. В экспозицию Музея боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан в последние годы вошел раздел «Природа родного края» с таксидермическими скульптурами лесных животных.

Свою военную специфику сохранили музеи народной славы в Бегомле и Ушачах. Их действующие экспозиции посвящены в основном отражению истории Великой Отечественной войны, значительное место в них отведено партизанскому движению в Бегомльском и Ушачском районах. Однако первые, созданные в начале 1970-х годов экспозиции данных музеев, несмотря на официальное именование их музеями народной славы, имели расширенную тематическую структуру. Экспозиция Ушачского музея состояла из 8 тем-отделов: «Победа Великого Октября», «Гражданская война», «Восстановление народного хозяйства в 1921–23 годах», «Имя и дело Сталина будут жить вечно», «Культурная революция на Ушаччине», «Ушаччина в период ВОВ» и «Ушаччина сегодня» [6]. Бегомольский музей народной славы более правильно было бы именовать в то время краеведческим, поскольку его экспозиция состояла из отделов, характерных для музеев подобного типа: «История досоветского периода», «История советского периода (1917–1945 годы)», «История послевоенного социалистического и коммунистического строительства», «Природа края» [11].

Действующие экспозиции мемориальных музеев, посвященных прославленным героям партизанского движения в Витебской области Константину Заслонову и Минаю Шмыреву, построены по образцу традиционных тематических экспозиций музеев исторического профиля. Однако они имеют ряд особенностей, поскольку призваны сосредоточить основное внимание посетителей на деятельности выдающихся людей, показать их роль в истории страны.

Особенностью названных музеев является и то, что в них нашли отражение не только существенные факты биографии героев, но и основные этапы партизанского движения в годы Великой Отечественной войны на территории Беларуси.

В экспозиции Витебского областного музея Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева имеются материалы о 1-й Белорусской партизанской бригаде, которую организовал и некоторое время возглавлял Батяка Минай, 1-й Витебской бригаде и бригаде имени Ленинского комсомола. В связи с этим еще в 1968 году в отзыве на тематико-экспозиционный план экспозиции сотрудник Научно-исследовательского института музееведения Н. Бычкова предлагала создать на основе имеющихся материалов два музея: музей партизанской славы и мемориальный музей Шмырева в его доме [8].

В Мемориальном музее имени Константина Заслонова отражение получила боевая деятельность не только бригады Дяди Кости, но и партизанских формирований, получивших имя знаменитого комбрига после его гибели.

Экспозиция Обольского музея комсомольского подполья содержит помимо материалов о подпольной деятельности членов организации «Юные мстители» экспонаты, характеризующие борьбу партизан двух бригад: имени С.М. Короткина и имени В.И. Ленина, которые дислоцировались на территории Сиротинского района. Поскольку боевая деятельность данных партизанских формирований широко представлена в экспозиции Шумилинского историко-краеведческого музея, в залах Обольского музея комсомольского подполья материалы об этих бригадах использованы с целью экспозиционного отражения связи партизанского и подпольного движения в годы Великой Отечественной войны.

При анализе научного содержания экспозиций музеев Витебской области можно отметить, что в них представлены все основные темы, характеризующие партизанское движение в Беларуси. Это проблема зарождения и становления партизанского движения, руководящая роль коммунистической партии, боевая и агитационная деятельность партизан, жизнь партизанских зон, всенародный и интернациональный характер партизанской борьбы.

Однако в научном содержании экспозиций музеев Витебской области можно выделить ряд особенностей. Важным для развития партизанского движения в республике стало создание на Витебщине «Суражских ворот», через которые осуществлялась связь с Большой землей. Такой существенный момент в истории Великой Отечественной войны нашел отражение во многих музеях Витебской области.

Широкое экспозиционное отражение получили интернациональный характер партизанского движения и боевое содружество партизан – представителей различных национальностей. В Полоцком музее боевой славы, например, имеется тематико-экспозиционный комплекс, посвященный партизанской бригаде особого назначения М.С. Прудникова «Неуловимые». В состав данного формирования входило 16 отрядов, каждый из которых был назван в честь советской республики [7]. Боевое содружество партизан Смоленской области и Беларуси представлено в Витебском областном музее Героя Советского Союза Шмырева. Комплекс экспозиционных материалов единственного в Беларуси Музея боевого содружества белорусских, русских, литовских и латышских партизан в Россонах посвящен созданию в конце 1942 года Братского партизанского края на стыке границ РСФСР, БССР и Латвийской ССР.

Большое внимание в музеях области уделено художественному проектированию экспозиций. Авторами художественных проектов наиболее удачных экспозиций являются Э.К. Агунович (Ушачский музей народной славы), А.П. Лапшин (Обольский музей комсомольского подполья), Ю.С. Черняк (Бешенковичский историко-краеведческий музей) и другие художники.

Вестибюль Ушачского музея народной славы украшен монументальной росписью «Во имя жизни на Земле». Над ее созданием работал художник В.В. Кривоблоцкий. С этой работой он вступил в Союз художников СССР, а в 1986 году получил премию Ленинского комсомола [6].

Особенностью упомянутого музея является и наличие в нем партизанской картинной галереи. Известно, что зимой 1942–1943 года в штабе бригады «Дубова» в Антоновском лесу художниками Гутиевым и Обрыньбой была создана картинная галерея, в которой имелись 8 картин и сатирические плакаты [6]. Данный факт способствовал

появлению в здании музея подобной галереи. Ее интерьер напоминает партизанскую землянку, включает не только художественные работы Гутиева и Обрыньбы, но и их личные вещи, фотопортреты и фотографию строящейся картинной галереи.

Картины вышеперечисленных партизанских художников украшают и многие другие экспозиции музеев области. В Полоцком музее боевой славы и Лепельском районном краеведческом музее созданы тематико-экспозиционные комплексы, посвященные Гутиеву и Обрыньбе.

Заключение. Итак, в музеях Витебской области широкое экспозиционное отражение получила история партизанского движения в данном регионе. Поскольку всенародное сопротивление врагу в области характеризовалось масштабностью и широким размахом, на территории Витебщины было создано наибольшее количество музеев военно-исторического профиля. В их экспозициях важное место отводилось отражению различных аспектов партизанского движения. Среди тем, представленных в экспозициях музеев, можно выделить тему интернационального характера партизанского движения в Витебской области. Ей посвящен созданный в Россонах Музей боевого содружества белорусских, русских, литовских и латвийских партизан – единственный в Беларуси музей подобного типа. Особенностью музейной системы Витебской области является и наличие двух мемориальных музеев, посвященных деятельности наиболее видных представителей партизанского движения в Беларуси – Константина Заслонова и Миная Шмырева.

Л и т е р а т у р а

1. Витебский областной краеведческий музей // Научный архив.
2. Симкин, М.П. Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея / М.П. Симкин. – Москва, 1957. – 44 с.
3. Черноглазова, Р.А. Построение экспозиции по истории партизанского движения / Р.А. Черноглазова. – Минск, 1978. – 10 с.
4. Воронкова, И.Ю. Великая Отечественная война Советского Союза в экспозиции краеведческого музея / И.Ю. Воронкова. – Минск, 1989. – 28 с.
5. Музей боевого содружества белорусских, русских, литовских и латвийских партизан // Научный архив.
6. Ушачский музей народной славы // Научный архив.
7. Полоцкий музей боевой славы // Научный архив.
8. Витебский областной музей Героя Советского Союза М.Ф. Шмырева // Научный архив.
9. Мемориальный музей имени К.С. Заслонова // Научный архив.
10. Лепельский районный краеведческий музей // Научный архив.
11. Бегомльский музей народной славы // Научный архив.
12. Бешенковичский историко-краеведческий музей // Научный архив.
13. Лиозненский военно-исторический музей // Научный архив.
14. Музей Обольского комсомольского подполья // Научный архив.

S U M M A R Y

This article considers the reflection of the guerrilla war in exhibitions of the museums of Vitebsk region. The author deals with the problems of scientific planning and designing of exhibitions.

Поступило 7.08.2009

УДК 947.6«1941/1944»

Жаночы склад партызанскіх фарміраванняў Беларусі ў 1941–1944 гг.: сацыяльна-дэмаграфічная характарыстыка

І.У. Нікалаева

Установа адукацыі “Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт імя П.М. Машэрава”

Мэтай даследавання з’явілася вывучэнне жаночага асабовага складу партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1941–1944 гг. Даследаванне ажыццяўлялася з прыцягненнем матэрыялаў кадравага характару па гісторыі партызанскага руху, якія захоўваюцца ў Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь, а таксама ўжо апублікаванай у гістарычнай літаратуры статыстычнай інфармацыі.

На падставе вывучэння выніковай дакументацыі Беларускага штаба партызанскага руху і статыстычнай апрацоўкі імянных спісаў жаночага складу партызан з выкарыстаннем тэхналогіі базы даных прааналізавана спецыфіка і дынаміка фарміравання жаночых партызанскіх кадраў, прадстаўлена іх якасная характарыстыка па шэрагу паказчыкаў: узрост, нацыянальнасць, партыйнасць, сацыяльнае становішча да вайны.

Вялікая Айчынная вайна паказала свету такі сацыяльна-псіхалагічны феномен, як масавы ўдзел савецкіх жанчын у абароне сваёй Айчыны. Тысячы патрыёткаў сталі актыўнымі ўдзельніцамі антыгерманскага супраціўлення на часова акупаванай тэрыторыі Беларусі, галоўнай і найбольш дзейснай формай якога з’явіўся партызанскі рух. Нягледзячы на тое, што за 65 гадоў пасля Перамогі даследчыкамі быў назапашаны значны фактычны матэрыял па пытаннях гераічнай барацьбы жанчын і дзяўчат у складзе атрадаў і брыгад беларускіх партызан, шматлікія айчынным выданні па гісторыі антыгерманскай барацьбы ў Беларусі да гэтага часу ўтрымліваюць вельмі абмежаваную статыстычную інфармацыю, якая характарызуе ўдзел жанчын у партызанскім руху. Аналіз навуковай спадчыны, створанай савецкімі даследчыкамі, дае падставы для высновы, што нават фундаментальныя абагульняючыя працы па гісторыі Вялікай Айчынай вайны і антыгерманскага супраціўлення змяшчаюць толькі агульныя лічбы колькасці жанчын у працэнтных суадносінах з мужчынскім складам партызан, якія прадстаўлены ілюстратыўна, галоўным чынам, з мэтай пацвярджэння канцэпцыі ўсенароднага характару барацьбы на акупаванай тэрыторыі Беларусі [1–3]. Ідэалагізацыя даследаванняў па гісторыі партызанскага руху і працяглая закрытасць архіўных фондаў сталі асноўнымі прычынамі недастатковай вывучанасці асабовага складу партызан у цэлым і вызначылі гістарыяграфічную сітуацыю распрацоўкі праб-

Адрес для корреспонденции: 210015, г. Витебск, пр. Московский, д. 42, кв. 92, тел.: 8(0212) 47-06-21, +37529 660-15-32 – Николаева И.В.

лемы жаночых партызанскіх кадраў. У 1990-я гады ў беларускім навуковым дыскурсе склаліся аб'ектыўныя ўмовы для аналізу дадзеных аспектаў з новых тэарэтыка-метадалагічных пазіцый. У святле праблемы заслугоўвае ўвагі даследаванне А.Я. Паўлавай, у якім аўтар упершыню паспрабавала прааналізаваць занатаваную ў імянных спісах сацыял-дэмаграфічную інфармацыю пра баявы склад партызанскіх фарміраванняў, у тым ліку жанчын, аднак крыніцазнаўча-метадалагічная накіраванасць працы не дазволіла зрабіць гэта больш дэталёва [4]. Між тым, зацвярджэнне ў сучаснай гістарычнай навуцы антрапалагічнай парадэжымы вызначае неабходнасць спецыяльнага адраснага даследавання колькасных і якасных характарыстык удзельніц узброенай барацьбы і іх дыферэнцыраванага аналізу. У гэтай сувязі аўтарам зроблена спроба прадставіць рэпрэзентатыўную карціну жаночых партызанскіх кадраў на падставе вывучэння выніковай дакументацыі Беларускага штаба партызанскага руху (БШПР) і статыстычнай апрацоўкі імянных спісаў жаночага складу партызан з выкарыстаннем тэхналогіі базы даных, прапанаванай А.Я. Паўлавай для аналізу асабовага складу партызанскіх фарміраванняў.

Матэрыял і метады. З мэтай ацэнкі сацыяльна-дэмаграфічных паказчыкаў жаночага асабовага складу партызанскіх брыгад і атрадаў аўтарам была створана электронная база даных (БД) на падставе 10% выбаркі з імянных спісаў жаночага асабовага складу партызанскіх фарміраванняў Віцебскай, Мінскай і Баранавіцкай абласцей (адпаведна даваеннаму тэрытарыяльна-адміністрацыйнаму падзелу), якія вызначаюцца найбольшай колькасцю жанчын-удзельніц партызанскага руху і адначасова прадстаўляюць цэнтральную, усходнюю і заходнюю часткі Беларусі¹. Названыя дакументы, апрацаваныя з выкарыстаннем колькасных метадаў і інфармацыйных тэхналогій, дазволілі ацаніць якасныя характарыстыкі жаночых партызанскіх кадраў па шэрагу паказчыкаў: узрост, нацыянальнасць, партыйнасць, сацыяльная прыналежнасць і інш. Атрыманыя ў ходзе вывучэння БД статыстычныя даныя, параўнанні і дапоўненыя інфармацыяй кадаравага характару, апублікаванай у гістарычнай літаратуры, і ўпершыню ўведзенымі ў навуковы ўжытак матэрыяламі справаздачнай дакументацыі БШПР дазволілі не толькі прадставіць сацыяльна-дэмаграфічныя звесткі пра беларускіх партызанак, але і выявіць асноўныя тэндэнцыі фарміравання жаночага складу партызанскага руху, высветліць характар панесеных страт.

Вынікі і іх абмеркаванне. Для характарыстыкі асабовага складу беларускіх партызан сёння ў гістарычнай літаратуры выкарыстоўваецца інфармацыя, прадстаўленая ў «Даведцы аб колькасці партызан, якія дзейнічалі на тэрыторыі Беларускай ССР», састаўленай на аснове статыстычнай распрацоўкі аддзела кадраў БШПР на 1 жніўня 1946 г. У названую даведку ўключана 373 942 партызан, аднак лічбавыя даныя па палавых суадносінах прыводзяцца толькі на 282 458 чалавек, з якіх на жанчын прыходзіцца 16% (45 242 партызанкі). Менавіта гэта лічба ўсталявалася ў айчыннай савецкай гістарыяграфіі і па-ранейшаму выкарыстоўваецца сучаснымі даследчыкамі без удакладнення і каментарыяў таго факта, што вызначаная колькасць жанчын-

¹ База даных складзена на аснове матэрыялаў Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь. – Фонд 3500. – Воп. 5. Списки личного состава партизанских бригад и отрядов, действовавших на территории БССР.

партизанак, акрамя непасрэдна ўваходзіўшых у асабовы склад партизанскіх фарміраванняў, уключае 16 800 агентурных разведчыкаў і 11 740 сувязных. Між тым, па даных згаданай распрацоўкі БШПР, сярод наяўнага баявога складу атрадаў і брыгад, якія прадставілі спісачную справаздачнасць на дзень злучэння з часцямі Чырвонай Арміі, на долю жанчын прыходзілася 7,8% ці 15 304 чалавекі [5, арк. 9].

Дакументальныя крыніцы БШПР дазваляюць прааналізаваць дынаміку колькасці жаночага складу партизанскіх сіл Беларусі. Так, у партизанскіх фарміраваннях, звесткі пра якія былі прадстаўлены ў БШПР, знаходзілася: на снежань 1942 г. – 576 жанчын (5,3% ад асабовага складу партизан), на 1 студзеня 1943 г. – 1197 (5,8%), на ліпень 1943 г. – 3030 (6,7%) [6, арк. 49, 80; 7, арк. 135]. Такім чынам, бясспрэчны той факт, што большасць жаночага насельніцтва ўступіла на шлях узброенай барацьбы з акупантамі ў другой палове 1943–1944 гг.

Дынаміку ўступлення жанчын у рады партизан дае магчымасць прасачыць створаная намі БД жаночага асабовага складу партизанскіх фарміраванняў. Аднак БД, на працягу першага паўгода вайны партизанкамі сталі менш за 1% патрыёткаў, а колькасць жанчын, што ўступілі ў партизаны да ліпеня 1942 г., складала толькі каля 8%. У той жа час патак патрыёткаў, што ўступалі ў рады народных месціўцаў да канца 1942 г., павялічыўся ў 2 разы, што адпаведна складала больш за 17% усіх партизанак. Асноўная маса жанчын уключылася ва ўзброеную барацьбу ў 1943–1944 гг. – 73,9% ад усіх патрыёткаў, прычым больш за палову з іх далучыліся да партизанскай барацьбы з ліпеня 1943 г. да пачатку 1944 г. За гэты прамежак часу ў працэнтных адносінах у рады народных месціўцаў уступіла 37,8% усіх партизанак. Яшчэ каля 16% жанчын і дзяўчат сталі партизанамі на заключным этапе барацьбы (1944 г.).

Такім чынам, аналіз даных справаздач адзела кадраў за разнастайныя перыяды вайны і вывучэнне асабовага складу Віцебскай, Мінскай і Баранавіцкай абласцей паказваюць, што жаночае насельніцтва пачало актыўна далучацца да партизанскай барацьбы з другой паловы 1942 г. Масавы прыток жанчын у партизанскі рух назіраецца з другой паловы 1943 г., што было цесна звязана з агульным ростам партизанскіх сіл і абумоўлена шэрагам прычын. Сярод іх, па-першае, агульны пад'ём арганізацыйнай работы партыйных падпольных органаў сярод жаночага насельніцтва ў тыле ворага; па-другое, значнае пашырэнне з другой паловы 1943 г. нацысцкай практыкі прымусовай мабілізацыі мясцовых жанчын на работы ў рэйх, што стала адным з фактараў, які спрыяў росту жаночых партизанскіх сіл. Вышэйшыя партыйныя органы з мэтай выраўнавання мясцовага насельніцтва абавязвалі кіраўніцтва партизанскіх фарміраванняў “безагаворачна прымаць у партизанскія атрады ўсіх жадаючых незалежна ад полу і ўзбраення” [8, арк. 47].

Аналіз імянных спісаў асабовага складу вывучаемых абласцей дазваляе прасачыць, якімі шляхамі жанчыны траплялі ў партизанскія атрады. Даныя БД указваюць на перавагу мясцовых жыхароў – 92,4%. Накіравана ў тыл было крыху больш за 1% удзельніц партизанскага руху. 4,3% партизанак уцяклі з варожага палону, лагераў, вырваліся з гета. Каля 1% жанчын і дзяўчат да ўступлення ў атрад працавалі ў нямецкіх установах і на прадпрыемствах на акупаванай тэрыторыі.

Архіўныя дакументы сведчаць, што на пачатак вызвалення Беларусі ад германскай акупацыі жанчыны прысутнічалі практычна ва ўсіх партызанскіх фарміраваннях і ў цэлым былі прадстаўлены ў іх важна. Так, у партызанскіх атрадах і брыгадах Брэсцкай вобласці, па даных на 1 верасня 1943 г., жанчыны складалі 11% ад агульнай колькасці партызан, у 48-мі атрадах Баранавіцкай вобласці на 1 кастрычніка 1943 г. – звыш 8%, у Магілёўскай на 1 снежня 1943 г. – звыш 6% [9, арк. 9; 10, арк. 44; 11, арк. 153].

Праведзены аналіз асабовага складу партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі ў розных рэгіёнах рэспублікі, дазваляе сцвярджаць, што жанчыны былі актыўнымі ўдзельніцамі партызанскай барацьбы ва ўсіх абласцях Беларусі – як усходняй, так і заходняй яе частцы. Некаторае ўяўленне пра гэта даюць прыведзеныя ніжэй фактычныя даныя, атрыманыя ў выніку асабістых падлікаў аўтара па даведніку “Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны” [12]. Так, у атрадах і брыгадах Віцебскай вобласці на дзень злучэння з часцямі Чырвонай Арміі на долю жанчын прыходзілася 9,6% партызан, Беластоцкай – 9,4%. Жанчыны складалі звыш 8% партызан, якія дзейнічалі ў Баранавіцкай вобласці, 7,5% – у партызанскіх фарміраваннях Мінскай вобласці, 7,3% і 7,2% – сярод народных мсціўцаў адпаведна Вілейскай і Брэсцкай абласцей. Удзельная вага жанчын у асабовым складзе партызанскіх брыгад і атрадаў Гомельскай вобласці была 6,9%, Пінскай – 6,8%, Магілёўскай – 6,7%, Палескай – 6%. Пры гэтым у складзе разнастайных партызанскіх фарміраванняў, якія дзейнічалі на тэрыторыі адной вобласці, прадстаўніцтва, удзельная вага жанчын вар’іруецца і часта залежыць ад выпадковых фактараў. Так, на Віцебшчыне ў Багушэўскай брыгадзе другога складу жанчыны складалі каля 17%, а ў 2-й Дрысенскай толькі 3,5% ад агульнай колькасці партызан. У Палескай вобласці на долю жанчын прыходзілася 14,8% партызан асобнага атрада імя К.Я. Варашылава і 1,3% асабовага складу 101-й Даманавіцкай брыгады.

Звяртае на сябе ўвагу той факт, што значную колькасць сярод партызанак складалі жанчыны менавіта маладога ўзросту. Напрыклад, у Магілёўскай вобласці, дзе на 1 красавіка 1943 г. налічвалася 548 партызанак, 305 з іх былі камсамолкамі [13, арк. 144], сярод 1230 жанчын, якія змагаліся ў атрадах і брыгадах вобласці, па даных на жнівень 1943 г., 596 складалі дзяўчаты менавіта камсамольскага ўзросту [14, с. 167]. На тое, што ў большасці сваёй у партызанскіх фарміраваннях змагаліся маладыя жанчыны, паказваюць таксама лічбы, атрыманыя намі ў ходзе вывучэння матэрыялаў створанай БД. Даныя спісаў асабовага складу партызанскіх фарміраванняў дазваляюць гаварыць, што на долю жаночай моладзі, якая на момант уступлення ў атрад не дасягнула 26-гадовага ўзросту, прыходзілася звыш 70% ад агульнай колькасці партызанак. Ва ўзроставых адносінах жанчыны-партызанкі, паводле статыстычнай распрацоўкі, размеркаваліся наступным чынам: малодшыя за 16 год – 2,9%; 16–18 год – 17,9; 19–20 год – 22,7; 21–25 год – 31,5; 26–30 год – 10,7; 31–35 год – 4,8; 36–40 год – 4,8; старэйшыя за 40 год – 4,4%. З прыведзенай вышэй інфармацыі бачна, што ў партызанскі рух уключалася найбольш актыўная і фізічна моцная частка жаночага насельніцтва. Дадзеныя абставіны тлумачацца як суровымі ўмовамі партызанскага жыцця, так і сітуацыяй на акупаванай тэрыторыі: менавіта гэта частка жаночага

населенства Беларусі разглядалася гітлераўцамі як найбольш прыдатная для вярбоўкі на прымусовыя работы ў Германію, выратаваннем ад чаго для многіх маладых жанчын, як ужо адзначалася, становілася ўступленне ў рады партызан.

Вывучэнне нацыянальнага складу партызанак паказала на перавагу сярод іх жанчын беларускай нацыянальнасці. Так, аналіз створанай аўтарам па матэрыялах імянных спісаў базы даных сведчыць, што тры чвэрці ад агульнай колькасці партызанак былі беларускамі. Сярод прадстаўніц іншых нацыянальнасцей, якія змагаліся ў радах партызан на беларускай тэрыторыі, галоўнае месца належыць рускім – 13,2%. Вывучэнне БД сведчыць пра ўдзел у партызанскім руху 7,4% яўрээк. Прычым, у Баранавіцкай вобласці доля апошніх была значна большай – 16,2% ад агульнай колькасці мясцовых партызанак. Прадстаўніцы іншых нацыянальнасцей склалі па трох абласцях 2,5%, гэта галоўным чынам украінкі і полькі.

Вынікі апрацоўкі інфармацыі імянных спісаў пацвярджаюцца матэрыяламі справаздачнай дакументацыі, якія захоўваюць адпаведную інфармацыю кадравага характару пра шэраг партызанскіх брыгад, што вялі барацьбу ў розных рэгіёнах рэспублікі. Так, у асабовым складзе брыгады імя Ф.Э. Дзяржынскага, што дзейнічала ў Баранавіцкай вобласці, за ўвесь час яе існавання налічвалася 43 жанчыны, з іх 25 беларусак, 7 рускіх, 5 украінак, 5 яўрээк [15, арк. 212]. На дзень злучэння з Чырвонай Арміяй з 104 жанчын-партызанак пінскай брыгады імя С.М. Будзённага 83 з'яўляліся беларускамі, 9 – рускімі, 7 – яўрэйкамі, 4 – украінкамі і 1 – полькай [16, арк. 138]. Сярод 50 партызанак, якія за ўвесь час змагаліся ў 2-й Беларускай брыгадзе імя П.К. Панамарэнкі (2-га складу) Віцебскай вобласці, налічвалася 40 беларусак, 9 рускіх і 1 жанчына латышскай нацыянальнасці [17, арк. 4–41]. З прыведзеных фактаў бачна, што ў нацыянальных адносінах асноўную масу партызанак Беларусі складалі беларускі, а таксама прадстаўнікі нацыянальных меншасцей, якія пражывалі тут у даваенны перыяд: рускія, яўрэі, украінцы.

Аналіз звестак пра партыйную прыналежнасць жаночага складу партызанскіх сіл паказаў, што большасць жанчын-партызанак былі беспартыйнымі. Апошнія склалі 62,5% ад тых, што трапілі ў выбарку. Гэта адпавядае даным штогадовых і выніковых падлікаў БШПР па партыйнасці беларускіх партызан абодвух палоў. Жанчын-кандыдатаў і членаў ВКП(б) у БД аказалася менш за 4%. Прыкладна трэць партызанак з'яўляліся членамі ВЛКСМ, што тлумачыцца значным прадстаўніцтвам у партызанскім руху Беларусі жанчын менавіта камсамольскага ўзросту.

Відавочна, што доля камуністак і камсамолак змяняецца ў групах у залежнасці ад пасады, якую партызанка займала ў атрадзе. Вывучэнне асабовага складу Віцебскай, Мінскай і Баранавіцкай абласцей паказвае на тое, што камуністамі і камсамолкамі з'яўлялася большасць прадстаўніц камандна-начальніцкага складу – 84,6%, у той час як радавымі байцамі было ўсяго крыху больш за 6% камуністак. Такая карціна дае падставу сцвярджаць, што размеркаванне пасадаў у партызанскім атрадзе знаходзілася пад уплывам партыйнага фактару, а партыя камуністаў, у сваю чаргу, адыгрывала кіруючую ролю ў партызанскім руху.

Атрыманая ў ходзе вывучэння БД звесткі пра пасады, якія займалі партызанкі да вайны, сведчаць пра ўдзел у партызанскім руху самых шырокіх сацыяльных слаёў

жаночага насельніцтва. Каля трэці ўсіх жанчын складалі навучэнкі і студэнткі, што адпавядае ўзроставай структуры беларускіх партызанак у нашай выбарцы. Лічбавыя даныя пацвярджаюць значнае прадстаўніцтва ў баявым складзе атрадаў і брыгад сялянскіх і рабочых, на іх долю прыходзілася 32% усіх партызанак. Больш за 11% з'яўляліся давайны служачымі і інжынерна-тэхнічнымі работнікамі. Прыкладна аднолькавую колькасць у радах беларускіх партызанак (каля 8%) складалі жанчыны-настаўніцы і медыкі, абсалютную большасць сярод апошніх саставіў сярэдні медыцынскі персанал. Сярод патрыётак, якія змагаліся са зброяй у руках у партызанскіх атрадах і брыгадах Беларусі, налічвалася 4,7% хатніх гаспадынь. Рознага роду кіраўнікі склалі крыху больш за 2%. Такім чынам, нават такая невялікая БД паказвае на ўдзел у партызанскім руху жанчын і дзяўчат, якія з'яўляліся прадстаўніцамі ўсіх сфер чалавечай дзейнасці.

У барацьбе з акупантамі жанчыны праявілі масавы гераізм і мужнасць, як і іншыя ўдзельнікі антыгерманскай барацьбы, панеслі значныя страты. Паводле статыстычных даных БШПР, страты сярод жаночага складу партызанскіх фарміраванняў Беларусі склалі 1 398 чалавек, ці 3,1% ад агульнай колькасці страт беларускіх партызан. З іх больш 60% жанчын загінулі і памерлі ад ран, 30,7% прапалі без вестак, 0,6% партызанак трапілі ў палон, 6,5% выбылі з атрадаў і брыгад па іншых прычынах [5, арк. 9].

Заклучэнне. Такім чынам, праведзены аналіз паказаў, што жаночае насельніцтва пачало актыўна далучацца да партызанскай барацьбы з другой паловы 1942 г., асноўная частка жанчын уступіла ў атрады ў 1943–1944 гг. Атрыманыя ў ходзе даследавання звесткі сведчаць пра малады ўзрост асноўнай часткі партызанак, сярод якіх колькасца пераважалі беларускі. Большасць патрыётак з'яўляліся беспартыйнымі, тады як сярод жанчын, прадстаўленых у кіруючых структурах падпольнай і партызанскай барацьбы, пераважалі камуністкі і камсамолкі. Вывучэнне сацыялэмаграфічнай інфармацыі ў цэлым дае падставы канстатаваць, што сярод патрыётак, якія ўключыліся ў партызанскую барацьбу супраць акупантаў, былі прадстаўніцы розных сацыяльных груп насельніцтва незалежна ад узросту, нацыянальнай прыналежнасці, партыйнасці і роду заняткаў у даваенны перыяд, што пацвярджае агульнапрыняты тэзіс пра ўсенародны характар антыгерманскай барацьбы на часова акупаванай тэрыторыі рэспублікі.

Л і т а р а т у р а

1. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945: энцыкл. / Беларус. сав. энцыкл.; рэдкал.: І.П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелСЭ, 1990. – 680 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны: в 3 т. / Ин-т истории партии при ЦК КПБ – фил. Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; гл. ред. А.Т. Кузьмин (пред.) [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983–1985. – Т. 1: 1941–1942. – 1983. – 591 с.; Т. 2: 1943. – 1984. – 551 с.; Т. 3: 1943–1944. – 1985. – 531 с.
3. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. / Акад. навук БССР. Ін-т гісторыі. – Мінск: Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4: Беларусь напярэдадні і ў гады Вялікай Айчыннай вайны Савецкага Саюза (1938–1945 гг.) / рэдкал.: І.М. Ігнаценка (старш.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.

4. Павлова, Е.Я. Личный состав партизанских формирований Беларуси в годы Великой Отечественной войны (1941–1944 гг.): источники и методы исследования: автореф. ... дис. канд. ист. наук: 07.00.09 / Е.Я. Павлова; БГУ. – Минск, 2003. – 20 с.
5. Статистические разработки по отделу кадров БШПД // Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Фонд 3500. – Воп. 12. – Спр. 10.
6. Справки, информации и сведения работников аппарата ЦК КП(б)Б о состоянии партийного подполья, количественном составе партийно-комсомольских организаций по партизанским отрядам Белоруссии 1942–1943 гг. // НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 33-а. – Спр. 248.
7. Материалы к истории партизанского движения в Белоруссии 1943 г. // НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 33-а. – Спр. 524.
8. Протоколы заседаний Могилевского обкома КП(б)Б 1943 г. // НАРБ. – Фонд 1350. – Воп. 1. – Спр. 16.
9. Докладная записка Барановичского подпольного обкома КП(б)Б в ЦК КП(б)Б “О состоянии партизанского движения и партийного подполья в Барановичской области на 1 октября 1943 г.” // НАРБ. – Фонд 1329. – Воп. 1. – Спр. 8.
10. Отчет, докладные записки, информации партийных организаций Брестской области о состоянии подпольной партийно-комсомольской работы 1942–1944 гг. // НАРБ. – Фонд 1333. – Воп. 1. – Спр. 3.
11. Протоколы заседаний бюро Могилевского обкома КП(б)Б 1942–1944 гг. // НАРБ. – Фонд 4-п. – Воп. 33-а. – Спр. 280.
12. Партизанские формирования Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944): крат. сведения об орг. структуре партиз. соединений, бригад (полков), отрядов (батальонов) и их личном составе / А.Л. Манаенков [и др.]. – Минск: Беларусь, 1983. – 765 с.
13. Материалы Могилевского обкома ЛКСМБ 1942–1943 гг. // НАРБ. – Фонд 63-п. – Воп. 16. – Спр. 11.
14. Каваленя, А.А. Падрыхтоўка партызанскай моладзі да ўзброенай барацьбы з нямецка-фашысцкімі захопнікамі / А.А. Каваленя // Старонкі ваеннай гісторыі Беларусі: зб. / Ін-т гісторыі НАН Беларусі, аддз. ваен. гіст., Бел. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка, каф. айчын. і сусвет. гісторыі; навук. рэд. А.М. Літвін. – Мінск: БДПУ, 1998. – Вып. 2. – С. 157–171.
15. История бригады имени Ф.Э. Дзержинского Барановичской области 1942–1944 гг. // НАРБ. – Фонд 3500. – Воп. 4. – Спр. 255-а.
16. История бригады имени С.М. Буденного Пинской области 1941–1944 гг. // НАРБ. – Фонд 3500. – Воп. 4. – Спр. 280.
17. Списки личного состава 2-й Белорусской бригады имени П.К. Пономаренко (второго состава) Витебской области // НАРБ. – Фонд 3500. – Воп. 5. – Спр. 11.

SUMMARY

The article deals with the analyses of personal female membership of partisan groups and brigades in the temporary occupation territory of Belarus in 1941–1944. On the basis of archive documents and public materials the author characterizes the specificity and the dynamics of its formation. The qualitative characteristic is made on a number of parameters: age, nationality, party membership, social status before the war, distribution of the posts in the groups.

Поступило 29.04.2010

УДК 93.338(71+9)(9)

Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX–XX вв.: оценки и интерпретации

Л.Н. Семенова

Институт парламентаризма и предпринимательства (г. Минск)

Государственная собственность и государственное регулирование сыграли и продолжают играть важную роль в экономике Канады, Австралии, Новой Зеландии, обусловив высокий уровень их общественно-экономического развития. В данном исследовании анализируются некоторые концепции известных канадских, австралийских, новозеландских ученых, объясняющих формирование в XIX–XX вв. столь значительного государственного сектора, или государственного социализма по терминологии тех времен, в доминионах Британской империи. Историки прежде всего обращают внимание на роль географических (большая удаленность и огромные размеры), природных, климатических особенностей стран. В настоящее время подобные интерпретации активно разрабатываются в рамках такого влиятельного историографического направления, как социоестественная история (СЕИ).

Среди дискуссий в экономических и гуманитарных науках важное место занимают обсуждения проблем взаимоотношений государственного и частнопредпринимательского секторов и, в более широком смысле, эволюции государственного активизма и рыночного саморегулирования. Спектр сформированных и прошедших испытание практикой позиций невелик: две крайние теории – классические либеральные и социалистические, доказывающие необходимость преобладания соответственно частного и государственного начала; и промежуточные, обосновывающие необходимость их гармоничного сочетания. Для анализа современной, переходной к постиндустриальной экономики вновь востребованным оказался термин «смешанная экономика». Основой смешанной экономики ведущих стран современного мира признается многообразие форм собственности и эффективное сочетание государственного и рыночного регулирования. Как подчеркивает известный американский социолог, теоретик постиндустриализма Э. Тоффлер, разнообразие и неоднородность – вот важнейшие признаки перехода к постиндустриальному обществу [1].

Такие высокоразвитые и благополучные страны, лидеры разнообразных рейтингов, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, сформировали у себя эффективную смешанную экономику, для которой в отличие от многих капиталистических стран Запада и прежде всего США, так же, как и они, относящихся к типу стран переселенческого капитализма, характерна высокая доля государственного сектора. Такая ситуация сло-

---

Адрес для корреспонденции: 220019, г. Минск, ул. Сухаревская, д. 38, корп. 1, кв. 123, e-mail: lunis17@mail.ru – Семенова Л.Н.

жила не в одночасье, а на протяжении всего пути развития этих стран и была обусловлена множеством факторов их истории.

В предлагаемом исследовании автор ставит своей целью изучение концепций авторитетных исследователей британских доминионов по вопросу о необходимости, роли и значении государственного сектора в их экономиках. Достижению цели помогут следующие задачи: характеристика эволюции государственного активизма в эпоху капитализма; сравнительный анализ степени присутствия государственного социализма в Канаде, Австралии, Новой Зеландии; исследование точек зрения по данному вопросу С. и Б. Веббов, Г. Инниса, А. Лауэра, Р. Хатчинсона, У.К. Хэнкока.

Материал и методы. Данная статья является историографическим исследованием. В качестве материалов использованы научные работы различных авторов. Они изучены на основе таких общелогических методов и приемов, относящихся к общенаучным методам, как анализ, синтез, индуктивные обобщения, дедуктивные выводы.

Результаты и их обсуждение. В раннее Новое время в период первоначального накопления капитала и мануфактурного капитализма государство занимало важные позиции в экономике, не только создавая для нее законодательные рамки и обеспечивая рабочей силой на основе принудительного «кровавого законодательства», но и проводя меркантилистскую торговую политику, в соответствии с которой оно регулировало таможенные тарифы, обеспечивало торговые монополии и создавало необходимые предприятия за государственный счет, что было своеобразным началом государственного сектора. В эпоху индустриального рыночного капитализма либеральная экономическая доктрина провозгласила экономику самодостаточной, саморегулирующейся и отвела государству лишь политическую и правовую роль ее «ночного сторожа». Основой такой экономики, безусловно, считалась частная собственность. Государственная собственность и деятельность государства в качестве экономического агента на рынке в принципе не исключались, но в рамках капитализма признавались нецелесообразными. Названные положения, соответствуя идее общественной собственности, давно входили в арсенал социалистических теорий, которые на их основе проектировали экономическую основу социализма как более прогрессивного общественного строя, антикапиталистического по своему характеру. Любая государственная активность, выходящая за рамки предписаний либерализма, называлась социалистической, а сектора экономики с государственным бизнесом – государственным социализмом.

Как уже отмечалось, в промышленно развитых странах в XIX в. государственный социализм отрицался. И если на практике отдельные его элементы неплохо функционировали, то идеологически он будет признан только в первой половине XX в. серьезно эволюционировавшим новым социальным либерализмом и кейнсианством в качестве государственного сектора смешанной экономики. А в XIX в. успехи экономического развития, как правило, ассоциировались с частной собственностью и частно-предпринимательской инициативой. Ярким примером такого развития служили США. В этой связи небезынтересна точка зрения экономиста М. Голанского, который считает, что «частная собственность – признак нетерпимости и развития, общественная собственность – признак терпимости и застоя. Переход к общественной собственности означает собой конец экономического саморазвития общества, прекращение расширения

искусственной емкости среды обитания человека» [2]. По его мнению, капитализм уйдет со сцены естественным путем в связи с экологическим кризисом на рубеже XX–XXI вв.

В XIX в. капитализм был на подъеме. Освоение доминионов свидетельствовало о расширении среды его обитания. Следуя этой логике, двигателем быстрого экономического развития доминионов, как и в США, должна была быть частная собственность. Но вместе с тем экономику доминионов отличало наличие большой доли государственной собственности и государственного активизма в целом. Это была новая своеобразная черта в развитии, рассматриваемая как часть их социально-экономического эксперимента. Еще в начале XIX в. небезызвестный английский деятель Э.Г. Уэксфилд, работавший теорию «систематической колонизации» для освоения Австралии и Новой Зеландии, говорил, что новые страны требуют «достаточного правительства» (*ample government*) [3].

Между собой три доминиона различались разными примерами присутствия государственного социализма: в Канаде оно было наименьшим, в Австралии – средним, в Новой Зеландии – максимальным. Канадские историки – исследователи Канады – всегда подчеркивали значительную роль государства в ее развитии. Р. Кук писал, что «для канадцев роль пограничных земель рассматривалась как образ действий центральной власти, в результате которого достигалось включение новых территорий в существующую систему» [4]. Эту же тему развивал М. Кросс: «Из-за громадных географических размеров и трудностей американский образец самостоятельного аграрного поселения на первых порах редко когда был возможен. Сначала надо было освоить пространство, обеспечить транспорт, связь и рынок. Таким образом, схема освоения большей части страны была довольно однотипной: сначала появлялись пионеры, занимавшиеся предпринимательской деятельностью и часто менявшие место своего пребывания; затем государство занималось организацией территории, помогало развитию транспорта; в конце приходил постоянный, как правило, сельскохозяйственный поселенец. Подобная схема действовала в эпоху меховой торговли, в период лесоразработок, а затем во время развития железных дорог, горнодобывающей и нефтяной промышленности» [4, с. 6–7]. А. Лауэр считал, что «доминион Канада представлял собой плановое общество. В нем никогда не было негативного государства типа *laissez-faire*, основанного на индивидуалистических доктринах, его государство с самого начала было позитивным, полу-социалистическим» [5]. Роль государства в Канаде можно даже подчеркнуть таким фактом. Если любимым народным героем американцев был ковбой, то своеобразным канадским символом стал королевский конный полицейский – представитель государства, гарант законности и порядка. Итак, государственная собственность и государственная активность была, пользуясь выражением известного канадского экономиста Г. Инниса, важной частью канадского экономического пейзажа [6].

«Отец австралийской историографии» Уильям Кит Хэнкок подытожил и развил традицию характеризовать большую роль австралийского государства в терминах «экспериментальный социализм австралийской демократии», «австралийский социализм», «социализм без доктрины», «государственный социализм». Он писал, что «австралийская демократия стала рассматривать государство в качестве широкомасштабного

предприятия общественного пользования, чья обязанность состоит в обеспечении величайшего счастья для большого количества людей». «По мнению австралийца государство является не более чем коллективной властью для обслуживания индивидуальных прав». В Австралии не сложилось характерного для либерализма противопоставления между личностью и государством. Анализируя государственный социализм, Хэнкок отмечал: «Государственная собственность и управление экономическими ресурсами может быть предпочтительнее частной собственности и управления по двум причинам: во-первых, государство, будучи более сильным, чем отдельный человек или группа, может эксплуатировать и управлять этими ресурсами более эффективно; во-вторых, от государства, которое является инструментом независимых индивидов, можно ожидать, что оно будет направлять свою власть на общественное благосостояние, тогда как человек или корпорация, располагая такой же властью, скорее направят ее на собственные цели, не соответствующие общественным» [3, р. 72–73, 128].

Бесспорной страной государственного социализма была признана Новая Зеландия. Одними из первых такую оценку дали ей теоретики английского фабианского социализма С. и Б. Вебб. Американский исследователь Роберт Хатчинсон, определил роль государства еще проще: «социализм в Новой Зеландии». Так он назвал свою книгу, опубликованную в 1916 г. Хатчинсон писал: «Новая Зеландия – лучшее место для изучения государственного социализма потому, что там его больше, чем в каком-либо другом месте мира... Но мы можем понять людей, пишущих и о капитализме в Новой Зеландии потому, что там также есть и капитализм». «Государственный социализм – это цель, к которой прогрессирует капитализм». Это феномен, находящийся в становлении, но не ставший чем-то завершенным [7]. Остроумный английский драматург и фабианец Дж.Б. Шоу после посещения Новой Зеландии в 1934 г. вообще назвал ее «коммунистической» [8].

Столь красочные оценки имели под собой серьезные основания. Почему общества доминионов, в отличие от других стран, нуждались в столь сильном государстве и безоговорочно принимали его многочисленные функции и огромные полномочия? Как говорили современники, если среднестатистический европейский или североамериканский либерал того времени свято верил в классический либеральный принцип «пожалуйста, управляйте мной как можно меньше», то среднестатистический новозеландец, воспитанный, кстати, на той же либеральной литературе, почему-то предпочел другой лозунг, прямо противоположный, – «пожалуйста, управляйте мной как можно больше» [9]. Эта проблема является одной из интереснейших и дискуссионных тем в историографии.

Заключение. Объяснение этого факта исключительно переселенческим характером колоний, при котором местное население в расчет не принималось и прибывавшим переселенцам приходилось все создавать с нуля, поэтому коллективизм естественно становился для них средством выживания, не является достаточным. Его нарушает история США. Учитывается ярко выраженный прагматизм правящих элит, могущих экспериментировать в условиях отсутствия разветвленной бюрократии, влияния аристократии, острой партийно-политической борьбы и т.д. Подчеркивается особая аполитичность эмигрантов. Если первыми эмигрантами в Америку были люди, преследовавшиеся за религиозные взгляды, для которых главной ценностью была политиче-

ская свобода, то главными мотивами эмиграции в доминионы были экономические. Экономический прагматизм рядовых поселенцев поддерживал прагматизм руководства на государственном уровне. Однако, на наш взгляд, самые интересные и аргументированные интерпретации рождаются под воздействием социоестественной (СЕИ) или экологической истории, размышляющей над влиянием на историю общества природных, климатических, географических факторов. С этой точки зрения положение доминионов сразу оказывается гораздо менее благоприятным, чем в США, и настолько сложным, что одной частной инициативой экономика поддерживаться не может.

В условиях отдаленности доминионов от метрополии, их огромных размеров, особенно «стран-континентов» Австралии и Канады, главной заботой государства становилось создание транспортной инфраструктуры – ключевого звена государственного сектора в Канаде. Учитывая жаркий, засушливый климат Австралии, помимо транспорта важнейшим элементом ее государственного сектора были ирригационные системы. В Новой Зеландии, стране с благоприятным климатом, прекрасными природными условиями, главной проблемой которой была лишь удаленность от Европы, государственный активизм в меньшей степени был обусловлен географическими условиями, а в большей степени сознательной, продуманной политикой правящих кругов, актом их политической воли, именно так понимающих свою миссию по обустройству страны.

Л и т е р а т у р а

1. Тоффлер, Э. На пороге будущего / Э. Тоффлер // «Американская модель»: с будущим в конфликте. – М.: Прогресс, 1984. – С. 38.
2. Голанский, М.М. Что нас ждет в 2015 г. (экономический прогноз против утопий) / М.М. Голанский. – М.: Наука, 2008. – С. 10, 13.
3. Hancock, W.K. Australia / W.K. Hancock. – L.: Ernst Benn Limited, 1930. – P. 69.
4. Кук, Р. Граница и метрополия: опыт Канады / Р. Кук // XIII Международный конгресс исторических наук. – М.: Наука, 1970. – С. 7.
5. Lower, A.R.M. Colony to Nation. A History of Canada / A.R.M. Lower. – Toronto: Longmans Canada Limited, 1964. – P. 379.
6. Innis, H.A. Essays in Canadian Economic History / H.A. Innis // Ed. by M.Q. Innis. – Toronto, 1969. – P. 78.
7. Hutchinson, R.H. The “Socialism” of New Zealand / R.H. Hutchinson. – N. Y.: New Review Publishing Association, 1916. – P. V, VII.
8. Маевский, В. Первый или пятый. Записки журналиста / В. Маевский. – М.: Мысль, 1960. – С. 158.
9. Irvine, R.F. The Progress of New Zealand in the century / R.F. Irvine, O.T.J. Alpes. – L., 1902. – P. 331.

S U M M A R Y

This article deals with conceptions of famous foreign historians studying the role of state socialism in economy of Canada, Australia, New Zealand in XIX–XX centuries.

Поступило 7.02.2008

УДК 327(567)+327(73)

Война в Ираке: основные причины и предпосылки

Ахмед Али Нур Сахаб

Белорусский государственный университет

Анализируются предпосылки агрессии США против суверенного государства в обход Организации Объединенных Наций. Автор считает, что режим С. Хусейна своей политикой в отношении соседних стран, репрессиями против собственного народа дал повод антииракским политикам заявить о так называемой «гуманитарной катастрофе». Вашингтоном был задействован и использован огромный арсенал идеолого-политического воздействия для оправдания вторжения в Ирак. Раскрываются подлинные цели такого вторжения – обладание богатыми источниками нефти, геополитическое давление на Иран, Турцию и Сирию.

Исследование посвящено анализу предпосылок агрессии США против суверенного государства в обход Организации Объединенных Наций. Цель статьи – проанализировать ситуацию, сложившуюся вокруг Ирака накануне и во время военных действий англо-американской коалиции, а также выявить истинные причины вторжения войск англо-американской коалиции в Ирак. Актуальность выбранной темы обусловлена тем, что ситуация в Ираке – это отражение новых геополитических особенностей во внешней политике США. Доктрина США – «разделяй и властвуй» – наиболее ярко проявилась в годы, когда произошел распад СССР. Очевидно, это объясняется тем, что руководство США, осознав свою геополитическую мощь, приступило к переделу мира. Ирак в этом ряду оказался одним из первых государств, которое ощутило на себе все недостатки одновекторной экспансионной американской политики. Именно после распада СССР в геополитических отношениях проявилась тенденция к одновекторному доминированию США в различных регионах мира. Потеряв былую мощь, Россия как правопреемница СССР потеряла не только свою стратегическую значимость в решении геополитических проблем, но и статус «сверхвеликой державы». Это обернулось значительным снижением влияния России на отношения со странами третьего мира. Среди стран, которые наиболее тесно сотрудничали с СССР, а после его распада оказались в положении государств-изгоев, особое место занимает Ирак. Для Ирака распад СССР и потеря им статуса сверхдержавы оказались более болезненным процессом, чем для других государств, с которыми СССР сотрудничал и оказывал всестороннюю помощь.

Результаты и их обсуждение. Оценивая американо-иракские отношения на протяжении двух последних десятилетий, можно прийти к выводу, что политическая стратегия и тактика США резко менялась в зависимости от политической конъюнктуры в странах Ближнего Востока. В конце 1980-х годов США пытались наладить контакты

с режимом С. Хусейна. Однако ирано-иракский конфликт оказал заметное влияние на ухудшение двусторонних отношений. Очевидно, что руководство США в оценке ирано-иракского конфликта делало ставку на победу более прогрессивного руководства. В эти годы Иран рассматривался руководством США как страна-изгой. Именно этим фактором объясняется стремление США наладить прочные связи с Ираком в конце 1980-х годов. Но вторжение иракских войск в Кувейт в значительной мере воспрепятствовало этому процессу. При этом руководство США сделало стратегическую ошибку в оценке ситуации. Дело в том, что Кувейт – это государство, которое в начале XX века было создано по решению иракского правительства на территории Ирака. Взаимоотношения этих двух государств определялись целым рядом межправительственных документов, которые базировались на чисто арабском менталитете. Выбор США в качестве стратегического и нефтяного партнера Кувейта в условиях противостояния Ирака и Кувейта обернулся массовыми антиамериканскими настроениями в иракском обществе. Это и явилось причиной проведения войсками США военных операций против Ирака.

Предпосылки для вторжения американских войск в Ирак в 2003 году начали складываться со времени первого вторжения в Ирак. При этом необходимо отметить, что до 1990-х годов отношения Ирака и США были достаточно позитивными, ведь после победы исламской революции в Иране в 1979 году американцы рассматривали суннитский режим С. Хусейна как противовес шиитскому Тегерану. Однако после ирано-кувейтского конфликта руководство США резко поменяло свой курс. Очевидно, что руководство США в этой непростой ситуации сделало ставку исключительно на кувейтскую нефть.

Несмотря на предпосылки для американского вторжения в Ирак и свержения режима Хусейна, в период правления президента Б. Клинтона США не прибегли к силовому решению иракской проблемы. Все изменилось с приходом к власти Дж. Буша младшего. После терактов 11 сентября США ринулись на борьбу с исламским экстремизмом. Первой их мишенью стал Афганистан, а затем Ирак. Официальным поводом начала войны явилось обвинение президента С. Хусейна в поддержке «международного терроризма». Впоследствии данное обвинение было снято Советом Безопасности ООН. Это обстоятельство привело не только к значительному падению рейтинга Буша, но и снижению популярности самой оккупации Ирака.

Однако, по мнению многих аналитиков, основным поводом для вторжения США в Ирак стала попытка руководства США установить контроль над иракской нефтью. В итоге оккупация Ирака означала бы переход в распоряжение американских нефтяных компаний более трети мировой добычи нефти. Основной задачей начавшейся войны против Ирака являлось также свержение его правительства, что противоречило нормам международных отношений, а также утверждение монополярной доктрины в отношении стран, которые долгое время находились в хороших отношениях с СССР. В результате агрессии США в иракском обществе произошли значительные изменения – страна, в которой никогда не было религиозных проблем, стала перед выбором. В перспективе это может обернуться тем, что вместо одного Ирака могут возникнуть три независимых государства или конфедерации: свободный Курдистан на севере, шиитский Ирак на юге и суннитский Ирак в центре, Багдад же станет свободным городом. Однако

мировое сообщество должно противостоять этому, а поэтому Организации Объединенных Наций следует выработать собственную стратегию в отношении вторжения американских войск в Ирак и недопущения использования в стране марионеточного правительства.

К моменту вторжения США в Ирак военно-политическая обстановка в районе Персидского залива постоянно обострялась. Межгосударственные межэтнические и межконфессиональные противоречия, внутривластная напряженность в ряде государств, милитаризация, активная деятельность исламских фундаменталистов, различного рода экстремистских организаций и группировок создавали обстановку повышенной конфликтности. Все это создавало благоприятные условия для внешнего вмешательства.

В течение последних двух десятилетий США проводили разнообразные мероприятия политико-дипломатического, экономического, военного и информационного характера с целью установления своего контроля над Ираком и соседними странами. Особый интерес США к Ираку был обусловлен его энергетическими ресурсами. Согласно данным Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК), на середину марта 2003 года Ирак обладал вторыми по величине запасами сырой нефти в мире, уступая лишь Саудовской Аравии. Нефтяные резервы Ирака оценивались в 112,5 млрд баррелей, а Саудовской Аравии – 261 млрд баррелей [1]. Кроме того, в Ираке имелись значительные месторождения газа, серы и фосфатов.

Режим С. Хусейна в течение длительного времени претендовал на лидерство в арабском мире и до последнего времени оказывал значительное влияние на формирование и развитие военно-политической обстановки в регионе Персидского залива. Существование авторитарного режима, репрессии против внутренней оппозиции в лице шиитов и курдов наряду с попытками осуществить планы военной экспансии в отношении соседних государств, наличие химического оружия, которое было использовано против собственного народа в конце 1980-х гг., попытки создать другие виды оружия массового поражения оказались для США удобным предлогом для свержения С. Хусейна. Вместе с тем контроль над Ираком открывал для США дополнительные геополитические возможности для ослабления и последующей ликвидации неудобных режимов в соседних странах. Устранение Хусейна позволило бы установить в перспективе удобные для США режимы в Сирии и Иране.

Хорошим поводом для Вашингтона стала агрессия Ирака против Кувейта. В ночь с 1 на 2 августа 1990 г. иракские войска вторглись на территорию суверенного государства и в течение нескольких суток оккупировали его. Это была крупнейшая внешнеполитическая ошибка Хусейна. В ответ Совет Безопасности ООН принял ряд резолюций, осуждающих иракскую оккупацию Кувейта, требующих незамедлительно вывести иракских войск, восстановления законного правительства и т.д. [2]. В феврале 1991 г. Ирак потерпел поражение в войне с международной коалицией и был вынужден уйти из Кувейта. В отношении Ирака решениями Совета Безопасности ООН были введены жесткие международные санкции, фактически установившие режим экономической блокады страны.

Вопрос об отмене санкций являлся одним из самых важных и острых для выживания Ирака. Основными противниками снятия санкций были США. Выгоды от сохранения санкций имели Кувейт и Саудовская Аравия, между которыми ОПЕК разделила иракскую квоту на продажу нефти на мировом рынке.

С приходом к власти Дж. Буша младшего военные действия против Ирака возобновились. Так, например, с декабря 1998 г. по апрель 2002 г. США совершили 299 ракетно-бомбовых ударов по объектам на территории Ирака [3]. США объясняли свои действия тем, что удары наносятся с целью самообороны в ответ на наведение иракских радаров на самолеты ВВС США, осуществляющих патрулирование запретных зон. В результате затянувшегося военного противостояния с США и экономической блокады Ирак оказался в крайне тяжелом социально-экономическом положении. Его экономика в силу нехватки финансовых средств, сырья, запчастей и оборудования находилась в состоянии, близком к критическому. Резко выросла внешняя задолженность страны. Однако ее возможности по погашению долга были весьма ограничены. Значительно упал жизненный уровень населения, численность которого составила 22,3 млн человек (2001 г.). Остро ощущалась нехватка многих видов продовольствия и медикаментов. В результате санкций смертность увеличилась в 20 раз [4]. На наш взгляд, ООН вновь, как и в отношении Югославии, фактически выступила в роли стороннего наблюдателя агрессии и давления США на страны, не желающие следовать курсом Вашингтона.

Одним из важных направлений борьбы США против С. Хусейна была политическая поддержка, финансовая и военно-техническая помощь оппозиции. Так, например, в октябре 1998 г. конгресс США принял закон «Об освобождении Ирака», в соответствии с которым ежегодно выделялись значительные средства на укрепление оппозиционных С. Хусейну организаций внутри страны и за рубежом. Однако, несмотря на серьезные трудности, вызванные поражением в войне 1991 г., экономической блокадой, потерей большей части национального богатства, активной деятельностью оппозиции на севере и юге страны, режиму С. Хусейна удалось обеспечить устойчивость своего правления, приспособить национальную экономику к выживанию в условиях жесткой международной изоляции и сохранить контроль над большей частью территории.

Очевидно, это явилось одной из важнейших причин усиления давления США и их союзников на иракское руководство. В качестве предлога для активизации антииракской кампании США избрали проблему разоружения Ирака. В результате мер, предпринятых ООН после окончания войны 1991 г., иракская армия сократилась с 950 тыс. человек до 389 тыс. [5]. Для контроля за соблюдением санкций и разоружением Ирака была создана Спецкомиссия ООН, инспекторы которой провели большую работу по выявлению химического, бактериологического и ракетного оружия, а совместно с МАГАТЭ – объектов, связанных с созданием ядерного оружия [6].

Ирак являлся участником Договоров о запрещении испытаний ядерного оружия в трех сферах (1963 г.) и о нераспространении ядерного оружия (1968 г.). Однако в начале 1970-х гг., согласно некоторым источникам, Багдад начал осуществлять программу создания собственного ядерного оружия, закончить которую оказался не в силах. По мнению официальных лиц США, большая часть иракского химического и биологиче-

ского оружия была уничтожена во время войны 1991 г. Тем не менее, считалось, что режиму С. Хусейна удалось сохранить некоторое количество опасных материалов.

Вместе с тем Ирак не подписал Конвенцию о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсичного оружия (1972 г.) и Конвенцию о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении (1993 г.). Неоднократно между Багдадом и Спецкомиссией ООН возникали острые конфликты. 16 декабря 1998 г. под предлогом невыполнения Багдадом режима работы инспекторов ООН США и Великобритании нанесли по Ираку массированные ракетно-бомбовые удары. После этого сотрудничество с ООН в разоруженческой сфере было прервано. В декабре 1999 г. С. Хусейн отверг резолюцию Совета Безопасности ООН, которая требовала возвращения инспекторов в обмен на постепенное ослабление режима санкций.

Чтобы снять остроту напряженности, в мае 2002 г. иракское руководство согласилось выполнить резолюцию Совета Безопасности ООН № 1409 по изменению режима санкций и проведению в шестимесячный срок всех процедур, связанных с ее осуществлением. Она предполагала ужесточение контроля над экспортом в Ирак предметов военного назначения с одновременным снятием ограничений на поставки продуктов гражданского назначения. В сентябре 2002 г. под давлением мирового сообщества, в том числе большинства арабских государств, иракское руководство согласилось на возвращение в страну инспекторов ООН. 8 ноября 2002 г. по предложению США и Великобритании Совет Безопасности ООН принял резолюцию № 1441, которая требовала от Ирака полного уничтожения оружия массового уничтожения и прекращения его разработок. Для контроля над вооружениями Багдад обеспечивал «немедленный, беспрепятственный, безоговорочный и неограниченный» доступ международных инспекторов ко всем без исключения иракским объектам, которые инспекторы сочтут необходимым проверить.

Согласно срокам, определенным в резолюции, Ирак должен был сообщить ООН не позднее 15 ноября 2002 г. о своем согласии подчиниться требованиям резолюции, а не позднее 8 декабря представить Совету Безопасности и комиссии ООН по мониторингу вооружений полное описание своих программ по разработке и производству химического, биологического и ядерного оружия. Эти требования были выполнены в срок.

В соответствии с требованиями резолюции планировалось, что международные инспекторы возобновят работу в Ираке не позднее 23 декабря 2002 г. и не позднее чем через 60 дней представят в Совет Безопасности ООН отчет о проделанной работе. По итогам этого этапа своей деятельности новая миссия инспекторов подготовила доклад, в котором не содержалось серьезных упреков в отношении Ирака по поводу наличия у него оружия массового поражения. С другой стороны, некоторые вопросы по иракским программам разработки ядерных, химических, биологических вооружений остались без ответов. Это дало повод США и Великобритании заявить, что они не верят С. Хусейну и требуют принятия в кратчайшие сроки жесткой, ультимативной резолюции Совета Безопасности ООН, которая фактически санкционировала бы применение военной силы против Багдада [7].

Иракское руководство, осознавая опасность ситуации, связанной с возможностью американской агрессии, согласилось даже на то, чтобы США направили в Багдад сотрудников ЦРУ, чтобы Вашингтон смог убедиться в том, что в Ираке не скрывается оружие массового уничтожения, разрешило полеты над своей территорией разведывательных самолетов.

Использование американских самолетов «U-2» для инспекций долгое время оставалось спорным моментом между Багдадом и комиссией ООН. На требования инспекторов разрешить полеты «U-2», Багдад отвечал встречным требованием прекратить на это время полеты самолетов ВВС США и Великобритании на юге и севере Ирака. Оценивая деятельность наблюдателей ООН, следует заметить, что они испытывали сильное давление со стороны США. Очевидно, что именно с этих позиций следует рассматривать требование Ханса Бликса уничтожить баллистические ракеты «Аль-Самуд-2», поскольку их дальность действия превышает 150-километровый предел, установленный ООН. Но с этим выводом не была согласна Россия. Тем не менее Багдад согласился на уничтожение ракет «Аль-Самуд-2». Всего у Ирака было около 120 таких ракет; 40 из них уничтожено [8].

Таким образом, под давлением международного сообщества С. Хусейн был вынужден выполнять требования ООН, а поэтому необходимости в войне не было. Отсюда следует, что в вопросах войны и мира США руководствовались только своими собственными узкокорыстными интересами и не считались с интересами других стран, с международным правом, с Уставом ООН, различными Конвенциями [9].

Политика США в отношении Ирака расколола мировое сообщество. Это касается Европейского Союза, АСЕАН, ОБСЕ, Лиги арабских государств, Организации «Исламская конференция» [10].

Заключение. Еще до вторжения американских войск в Ирак для многих аналитиков было ясно, что главная цель США состоит в том, чтобы поставить под свой контроль богатейшие в мире запасы нефти и усилить свою гегемонию в данном регионе и в мире в целом. Возможно, что наиболее важным фактором, который обусловил стремление Вашингтона форсировать начало войны против Ирака, был рост цен на нефть, которые в начале–середине марта достигли 36 долларов США за баррель [11–12]. Прямые потери США от столь высоких нефтяных цен составляли около 1 млрд долларов в сутки. Эти потери были связаны с повышением цен на нефть и другие продукты нефтепереработки, снижением экономического роста, оттоком инвестиций из производственного сектора экономики, уменьшением объемов грузоперевозок и пассажирооборота. Примерно столько же составляли и косвенные потери от высоких цен на нефть, связанные с увеличением бюджетного дефицита и удешевлением доллара, которые привели к существенному сокращению инвестиционного притока. Например, ежемесячно из-за высоких цен на нефть США теряли более 60 млрд долларов [13]. США пытались нивелировать рост нефтяных цен, используя нефтяные запасы, в результате чего они снизились до уровня 1975 г. и составили 269,8 млн баррелей, что ниже даже 270-миллионного минимума, установленного правительством. Следовательно, одной из главных причин вторжения США в Ирак была нефть. Если бы эта ситуация затянулась, США вынуждены были бы начать использование стратегического резерва нефти. Со-

общение об этом привело бы к новому витку повышения цен и дополнительным трудностям в развитии американской экономики. Выход из создавшейся ситуации виделся один – война, в результате которой США, во-первых, смогли бы взять под контроль богатейшие иракские месторождения, а во-вторых, американские войска в регионе стали бы гарантией стабильности поставок нефти не только из Ирака, но и из сопредельных нефтедобывающих стран. Поскольку за энергоресурсы принято расплачиваться в долларах, то стабилизация нефтяных поставок, в свою очередь, автоматически оказала бы американской валюте необходимую поддержку.

Л и т е р а т у р а

1. Rahman, G. International politic of USA / G. Rahman. – Режим доступа: <http://www.inosmi.ru/translation/241325.html>.
2. Slavoy, G. The Wars in Iraq / G. Slavoy // Logos. – 2003. – № 1. – P. 43–51.
3. Цена американских вторжений в Ирак: в долларах и не только. – Режим доступа: <http://www.inopressa.ru>.
4. Моханти, А. Извлекут ли США уроки из иракской войны? / А. Моханти. – Режим доступа: <http://fondsk.ru>.
5. Противоречивые взгляды на войну в Ираке // Независимая газета. – 2007. – 20 марта.
6. Отчет Генерального инспектора США по реконструкции Ирака. – Режим доступа: <http://www.voanews.com>.
7. Валид, Х. Войну в Ираке проиграли все / Х. Валид // Независимая газета. – 2007. – 20 марта.
8. Трегубов, П. Творцы «несгибаемой свободы». Итоги пятилетней «демократизации» Ирака и Афганистана / П. Трегубов // Военно-промышленный курьер. – 2008. – 16–22 апреля.
9. Долгов, Б. Пять лет американской оккупации Ирака / Б. Долгов. – Режим доступа: <http://fondsk.ru>.
10. The Wars in Iraq. – Режим доступа: <http://newsvote.bbc.co.uk>.
11. Иванов, В. Бессильная сила Америки / В. Иванов // Независимая газета. – 2008. – 11 апреля.
12. Макарычев, М. Почти потерянная страна / М. Макарычев // Российская газета. – 2008. – 21 марта.
13. Война в Ираке продолжает кровавую жатву. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru>.

S U M M A R Y

The article is devoted to the analysis of the United States aggression against the sovereign state bypassing the United Nations Organization.

Поступило 16.06.2009

УДК 94(476)

Обеспечение социального параметра безопасности на транспорте БССР в середине 1940-х – 1980-е гг.

Р.В. Тимофеев

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Данное исследование определило круг организаций в БССР, которые занимались вопросами обеспечения безопасности на транспорте в 40–80-е гг. XX столетия. В статье отмечены факторы, влиявшие на совершение дорожно-транспортных происшествий, и мероприятия, проводимые в целях их предотвращения. Особое внимание уделено развитию законодательной базы, способствовавшей решению вопроса безопасности движения.

Одним из малоизученных вопросов послевоенной истории БССР является организация безопасного движения на ее транспортных предприятиях. Такой вопрос имеет право быть отдельным предметом научного исследования, так как соблюдение безопасности напрямую влияло на успешность выполнения работниками транспорта их производственных задач и было важной социальной проблемой, от решения которой зависели здоровье и жизнь граждан. Сегодня работы такого плана отсутствуют, а из современных изданий, где вопросы обеспечения безопасности затрагивались, можно отметить только коллективные труды по истории железной дороги БССР [1–2]. Однако там обеспечение безопасности не было основным предметом изучения.

Актуальность изучения мер по обеспечению безопасности на транспорте состоит в том, что оно позволяет проанализировать эффективность тех или иных его форм и методов, определить наиболее распространенные и перспективные способы его организации. Для достижения цели поставлены следующие задачи: определение круга организаций, которые занимались вопросами обеспечения безопасности движения, выделение факторов, которые являлись причинами происшествий, и изучение основных мероприятий в республике, которые проводились по их преодолению.

Материал и методы. Источниками для работы являлись материалы из Национального архива Республики Беларусь, в том числе фонды ЦК КПБ, Совета Министров БССР, Верховного Совета БССР, отраслевых профсоюзов автотранспортников, речников, авиаторов; фонд Витебского облисполкома и областного Совета народных депутатов, документы партийных организаций транспортных предприятий из Государственного архива Витебской области; фонд Гомельского облисполкома и областного Совета народных депутатов из Государственного архива Гомельской областей, республиканская и всесоюзная периодическая печать, сборники указов Верховных Советов БССР и

СССР, сборники постановлений Совета Министров БССР и Совета Министров СССР. В исследовании использован системный метод исследования, который позволяет рассмотреть проблему в комплексе, раскрыть целостность объекта и выявить многообразие окружающих его связей. Его дополнили такие общенаучные методы, как индукция и дедукция, синтез и анализ.

Результаты и их обсуждение. В работе транспорта в БССР всегда важное место отводилось обеспечению его безопасной эксплуатации. Уже с октября 1943 г., с момента освобождения первых территорий БССР отдел транспорта и связи ЦК КП(б)Б строго следил за восстановлением путей в Гомельской области, так как от их состояния зависела безаварийная работа железных дорог. Отделом решались вопросы о переброске в республику средств сигнализации [3, лл. 1, 9]. На дорогах БССР в 1944 г. для предотвращения аварий партийные организации железнодорожных узлов распространяли опыт безаварийной работы, проводили соревнования по качеству работы и улучшали социально-бытовые условия работников.

После окончания войны на одно из первых мест встала задача улучшения технического состояния вагонов и паровозов. В сентябре 1946 г. состояние безопасности движения поездов на Белорусской дороге слушалось в отделе транспорта и связи ЦК КП(б)Б, после чего были разработаны конкретные меры по предотвращению случаев браков и аварий.

В 1947 г. в Западном округе железных дорог главными причинами происшествий были: прием поездов на занятый путь, столкновения, сходы поездов, их обрывы и отцепки. Основными причинами травматизма работников были отсутствие надзора, неисправности и некачественный инструктаж. Чтобы улучшить ситуацию с обеспечением безопасности движения на железных дорогах, в 1945–1946 гг. в БССР проходили кампании по качественной подготовке поездов к движению, введению гарантийных марок, решались вопросы с подготовкой пути. Одним из основных условий четкой и безаварийной работы было также обеспечение нормального отдыха поездных бригад. Проведенные мероприятия позволили к концу 1940-х гг. улучшить ситуацию с безопасностью движения.

Сразу после освобождения стало уделяться внимание вопросам безопасной эксплуатации и автотранспорта БССР. Так, уже в июле 1944 г. по распоряжению Гомельского облисполкома местная госавтоинспекция (ГАИ) начала регистрацию и осмотр автомобилей [4, л. 54]. В республике продолжало выполняться постановление СНК СССР от 3 июля 1936 г. о проведении годовых технических осмотров автотранспорта [5, л. 270]. Главной целью осмотра в 1946 г. было улучшение технического состояния автомобилей и развертывание соревнования по предоставлению на осмотр исправных машин [6]. В рамках постановления Совета Министров (СМ) БССР от 29 августа 1946 г. ГАИ БССР обязали улучшить контроль за содержанием автотранспорта. Безопасность движения была неотделима от материальных условий его эксплуатации. Поэтому СМ БССР в июне 1947 г. было издано постановление о мероприятиях по улучшению строительства дорог. Одновременно с восстановлением электротранспорта были выявлены проблемы с его безопасной эксплуатацией. Накануне 1 мая 1945 г. в Минске пошел трамвай, но его техническое состояние сразу стало причиной аварий. Выход был найден в переоснащении и улучшении подготовки кадров.

В декабре 1943 г. отделом транспорта и связи ЦК КП(б)Б были сделаны первые конкретные шаги для введения в эксплуатацию речных судов в Гомельской области [3, л. 12]. Поддержке трудовой дисциплины среди речников содействовал Указ Верховного Совета (ВС) СССР от 9 мая 1943 г. о введении военного положения на речном транспорте. Проблем по обеспечению безопасной эксплуатации флота было много. Так, в июне 1945 г. ремонт флота в Витебске выявил отсутствие на ряде судов необходимых принадлежностей для плавания, что создавало угрозу безопасности судоходства.

Чтобы улучшить ситуацию, стали развивать практику получения паспортов готовности судов к навигационному периоду. Свою роль сыграли изданный в мае 1947 г. приказ министра речного флота СССР о борьбе с авариями и изданный в июле 1947 г. приказ об ответственности за нарушения правил безопасного движения на водных путях [7, лл. 22, 57].

В целях обеспечения безопасности полетов авиации продолжал действовать Воздушный кодекс СССР от 7 августа 1935 г. Оказал помощь и профсоюз авиаработников, в компетенции которого был контроль за соблюдением законодательства о рабочем времени пилотов [8, л. 66]. На обеспечение условий безопасной эксплуатации самолетов были направлены также инструкции и приказы Главного управления ГВФ СССР [9, лл. 1–2].

О сложной ситуации на железнодорожном транспорте свидетельствовало постановление СМ СССР от 25 июня 1951 г. о неблагоприятном положении с безопасностью его движения. В целях исправления создавшейся ситуации Витебское отделение Западной дороги снизило количество браков, столкновений и сходов подвижного состава [10, л. 12]. В апреле 1952 г. совещание партийно-хозяйственного актива работников железных дорог БССР рассмотрело вопрос об усилении работы по безопасности движения. В ответ на замечания была проведена работа по созданию локомотивным бригадам нормальных условий отдыха. Но несмотря на все старания, положение дел в лучшую сторону изменялось медленно, о чем говорил секретарь ЦК КП(б)Б Н.С. Патолличев на XX съезде КП(б)Б в 1952 г.

Зоной повышенной опасности были железнодорожные переезды. Соответственно, на усиление безопасности движения на них были направлены постановления СМ БССР от 22 сентября 1953 г., 6 августа 1958 г., 19 августа 1959 г. Однако, добиться всецелого их выполнения оказалось делом сложным. Интересен вопрос о типах мер по повышению безопасности движения на железной дороге. Так, там была распространена практика премирования за безаварийную работу. Не меньшую роль играли сигнализация и связь, так как в непрерывном движении поездов малейшая ошибка могла привести к опасным последствиям.

Всегда очень многое зависело от подготовки кадров. В 1955 г. на Белорусской дороге вновь была поднята проблема по достижению безаварийной работы и укреплению дисциплины, так как большое количество случаев брака сдерживало размеры перевозок. Много зависело и от развития законодательства. Укрепил безопасность движения принятый в апреле 1955 г. новый Устав железной дороги СССР. Традиционно ухудшалась ситуация с безопасностью движения зимой. В целях контроля над ситуацией применялись специальные рейды профсоюзов и партийных организаций.

Чтобы решить вопрос безопасной эксплуатации автотранспорта, в 1950-е гг. в республике осуществлялось множество задач. На низкую квалификацию водителей обратил внимание в 1950 г. СМ БССР [11, л. 74]. Были разработаны и в определенной степени реализованы меры по изменению такой ситуации. В марте 1952 г. появилось постановление ЦК КПБ «О мерах ликвидации нарушений правил дорожного движения автомобильным транспортом БССР» [12, л. 92]. В 1955 г. в ряде автотранспортных трестов, например, в Витебском, возросло количество происшествий из-за низкой дисциплины. Поэтому в приказе этого автотреста от 2 ноября 1955 г. было дано указание по усилению внимания к нарушителям [13, лл. 183–184].

Материальным отражением обеспечения безопасности дорожного движения было обустройство магистралей. Свою положительную роль сыграло постановление СМ БССР от 11 августа 1958 г. Вопрос безопасности мог стать менее острым только при неукоснительном выполнении целого ряда мер. Так как наличие фактов перегруженности автобусов не способствовало обеспечению безопасности движения автотранспорта, то выход был только в росте количества единиц техники на линиях. Масштабным всесоюзным проектом было проведение недели безопасности движения в сентябре 1958 г. Свое положительное влияние оказали установленные в 1959 г. новые правила уличного движения.

Большую роль в укреплении безопасности движения играли органы управления. СМ БССР постановлением от 2 июля 1957 г. разработал меры борьбы с дорожными происшествиями на автомобильном и городском электротранспорте республики [14, л. 92 об.]. Широкое направление деятельности по обеспечению безопасности движения указал 1-й секретарь ЦК КПБ К.Т. Мазуров на XXIII съезде КПБ в январе 1959 г. Что касается электротранспорта, то на примере Витебского трамвайного управления можно выделить как одну из причин угрозы аварий слабую техническую квалификацию персонала. Поэтому там в 1956 г. был разработан ряд мер по ее повышению, в том числе наставничество [15, л. 24].

В 1950-е гг. на речном транспорте БССР в целях повышения безопасности плавания работали судходная инспекция Прибалтийского бассейна, Главная инспекция мореплавания, речного судходства и портового надзора. Ими в 1954 г. были выявлены и даны указания к исправлению таких недостатков, как низкий контроль за техническим состоянием флота и его слабый кадровый состав [16, лл. 158, 161]. На обеспечение безопасности флота был направлен приказ по Управлению речного транспорта при СМ БССР в марте 1955 г. [17, лл. 22, 82]. Круг органов, которые затрагивали проблемы обеспечения безопасности эксплуатации транспорта, был широк. Так, в марте 1951 г. вопросы обеспечения безопасности полетов в Минском аэропорту рассматривал отдел СМ БССР [18, л. 9]. В целях предотвращения летных происшествий партийное собрание Витебского аэропорта в июне 1950 г. поставило перед авиаторами требования точного выполнения уставов [19, л. 37].

Важным социальным вопросом, который приходилось решать в 1960-е гг. советам всех уровней, было обеспечение безопасности движения транспортных средств. Так, на исполкомы местных Советов согласно постановления СМ БССР от 24 января 1961 г. было возложено строительство путепроводов в местах пересечений железнодорожных линий с улицами.

В 1962 г. отдел транспорта, дорожного хозяйства и связи СМ БССР провел контроль выполнения постановления СМ БССР от 19 августа 1959 г. об усилении мер по ликвидации наездов на транспорт на железных дорогах [20, л. 214]. В 1962 г. безопасности на железнодорожных переездах много времени уделил Гомельский облисполком [21, л. 61]. Железнодорожников по постановлению СМ СССР от 29 ноября 1967 г. обязали провести в 1968–1969 годах обследование всех переездов и принять меры к обеспечению их безопасности.

Важным было признание недостатков самими железнодорожниками. На XXV съезде КПБ в сентябре 1961 г. начальник Белорусской дороги Г.И. Котьяш говорил о том, что серьезнейшим недостатком являлись нарушения правил технической эксплуатации. Актуальным вопросом было качество работы дежурных на переездах, чьи нарушения дисциплины могли приводить к авариям. Время от времени аварийные ситуации создавались из-за ошибок диспетчеров, самой распространенной из которых было принятие поезда на занятый путь. Немало зависело в обеспечении безопасности движения поездов от нормирования труда железнодорожников. В свою очередь на улучшение ситуации с безопасностью движения воздействовало техническое переоснащение дороги. Железная дорога всегда была местом проявления полезных для обеспечения безопасности движения инициатив. В 1962 г. на ней получило распространение новшество свердловских вагонников, решивших выдавать гарантийные путевки на следование поезда без неисправностей.

Усилия органов управления были направлены также и на обеспечение безопасности автодорожного движения. Постановление СМ БССР от 2 декабря 1960 г. обязало руководителей обеспечить изучение правил движения водительским составом. Постановление СМ БССР от 3 августа 1961 г. разрешило ГАИ лишать водителей права на управление за нахождение их за рулем в нетрезвом состоянии. 6 октября 1960 г. появилось постановление СМ БССР о выполнении его же решения об усилении борьбы с аварийностью на автотранспорте. 31 августа 1962 г. увидело свет постановление СМ БССР о мерах по усилению борьбы с дорожно-транспортными происшествиями (ДТП). На четвертой сессии Верховного Совета БССР в декабре 1964 г. министр автотранспорта республики А.Е. Андреев отметил, что для обеспечения безопасного движения необходимо улучшение содержания дорог.

На безопасность движения был направлен указ Президиума ВС БССР от 30 ноября 1961 г., который предусматривал лишение водителей права управлять транспортом за нахождение за рулем в нетрезвом состоянии. В целях повышения безопасности движения СМ СССР 29 ноября 1967 г. обязал Советы Министров союзных республик рассмотреть вопрос об аварийности на дорогах и принять неотложные меры к предупреждению ДТП. 19 июня 1969 г. появилось постановление СМ БССР «Об улучшении организации и повышении безопасности движения транспорта и пешеходов». На поддержку безаварийной работы было направлено присвоение с 1968 г. почетного звания «Заслуженный шофер БССР».

Много делали для обеспечения безопасной эксплуатации транспорта местные власти. Так, своим решением от 27 августа 1961 г. Витебский облисполком обязал руководителей автохозяйств принять меры к укреплению дисциплины водителей и предотвраще-

нию аварий [22, л. 212]. Примером действий на местах могут послужить и решения Гомельского облисполкома по борьбе с нарушителями движения в 1962 г. [21, л. 238].

По мнению отраслевого профсоюза, высказанному в 1962 г., большое количество ДТП допускалось из-за сверхурочной работы водителей. В 1963 г. основными причинами происшествий, по мнению Министерства автотранспорта БССР, были: превышение скорости, неправильный обгон и проезд перекрестков улиц и дорог, езда по левой стороне дороги. Значимой проблемой, влиявшей на безопасность, было недостаточное качество ремонта транспорта из-за нехватки запчастей и высокого уровня текучести кадров ремонтников.

Большую работу проводила ГАИ БССР. Чтобы искоренить неудовлетворительное состояние автотранспорта, его работники в 1960 г. проверили техническое состояние автомашин крупных хозяйств Минска. В 1965 г. в автохозяйствах республики получило широкое развитие соревнование за безаварийную работу. К декабрю 1965 г. более 2 тыс. шоферов, наездивших без ДТП сотни тысяч километров, были награждены знаками «За работу без аварий». Свою положительную роль сыграл в сентябре 1968 г. месячник по безопасности движения. В 1960-е гг. действовала республиканская комиссия по безопасности движения. В целях предупреждения происшествий на ряде предприятий работали школы передового опыта, группы повышения квалификации и советы безопасности движения.

Для обеспечения безопасности движения использовались все доступные формы. Так, 18 октября 1967 г. появилось постановление СМ БССР «Об учреждении нагрудного знака «За работу без аварий» для награждения водителей городского электротранспорта». В 1960 г. на проблему светового обозначения переходов улиц обратило внимание ТТУ в Минске.

Важную роль в обеспечении безопасности плавания речного флота сыграло совершенствование законодательства. Так, по постановлению СМ БССР от 21 мая 1963 г. действовали штрафы за нарушения правил пользования средствами речного транспорта и правил. Досадными и вредными для безопасного плавания были поломки механизмов судов во время рейсов. Обеспечению безопасности плавания помогали технические службы. Больше возможностей противостоять аварийности и нарушениям правил эксплуатации судов дал перевод речного флота республики с 1 июля 1968 г. на новые условия планирования и экономического стимулирования. Но быстро все исправить не получалось. В справке о работе речного флота БССР, представленной в сентябре 1969 г., говорилось о нарушениях правил плавания и техники эксплуатации, что приводило к авариям.

Обеспечению безопасности полетов способствовал утвержденный Указом Президиума ВС СССР 26 декабря 1961 г. Воздушный кодекс СССР. Из-за некачественной подготовки самолетов к полетам происходили случаи их аварийных посадок. В целях предотвращения подобных ситуаций пропагандировался опыт безаварийной работы. Большим подспорьем стало появление на линиях новых моделей самолетов. О безопасности воздушного движения не забывали и местные органы власти. Гомельский облисполком в 1969 г. разработал ряд мер, чтобы выполнить постановление секретариата ЦК КПСС от 9 октября 1969 г. «О состоянии безопасности полетов в гражданской авиации» [23, лл. 2, 34, 118].

С появлением в республике в 1960-е гг. трубопроводного транспорта сразу же стали рассматриваться вопросы его безопасной эксплуатации и были разработаны противопожарные мероприятия [24, л. 63].

Вопросы безопасности эксплуатации железнодорожного транспорта в 1970-е гг. остались в зоне внимания различных органов власти. Так, комиссия по транспорту и связи ВС БССР в апреле 1970 г. рассмотрела вопрос о ходе выполнения Барановичским отделением своих обязательств и среди недостатков отметила проблемы с безопасностью движения. В 1971 г. по вопросу безопасности движения на железной дороге правительство БССР разослало специальное письмо. На повышение безопасности движения на переездах были направлены постановления СМ БССР от 27 июня 1973 г. и от 10 октября 1978 г.

Ситуаций, в которых проблема безопасной эксплуатации железной дороги обострялась, было множество. Среди них нарушения техники безопасности при погрузке-выгрузке вагонов. Опасность в эксплуатации железной дороги создавала номенклатура перевозимых по ней грузов, в первую очередь горючего. Соответственно было много и мероприятий, которые повышали уровень безопасности на дороге. В 1970 г. перед зимой на отделениях проводился осмотр локомотивов специальными комиссиями. В целях повышения безопасности движения на переездах в период с 1 июня по 1 ноября 1978 г. проводились смотры-конкурсы на их лучшее обслуживание. Осенью 1978 г. прошла операция «Внимание, маршрут», в 1979 г. – «Эстафеты безопасности движения». Важным было включение показателя безаварийной работы в условия победы в производственном соревновании. Благодаря внедрению технических средств сократилось количество случаев приема поездов на занятый путь.

В 1970-е гг. возросло внимание органов власти и к обеспечению безопасности движения автотранспорта. СМ БССР в 1971 г. обязал облисполкомы провести собрания водителей с обсуждением состояния безопасности движения и мер по предупреждению ДТП. В июне 1971 г. появилось новое решение ЦК КПБ и правительства республики, направленное на усиление мер по предотвращению аварийности. 12 сентября 1972 г. – постановление СМ БССР «О дополнительных мерах по обеспечению безопасности дорожного движения». В октябре 1972 г. СМ СССР поручило Советам Министров республик принять дополнительные меры к усилению борьбы с аварийностью на автотранспорте. За практической реализацией мер по предотвращению аварийности следил отдел транспорта и связи СМ БССР. В феврале 1976 г. его усилия были направлены на улучшение состояния дорог в республике.

Факторов, угрожающих безопасности дорожного движения, было также предостаточно. К авариям приводило отсутствие необходимого количества автостоянок. Сложной проблемой было то, что предприятия из-за нехватки кадров были вынуждены принимать на работу малоквалифицированных водителей. В 1974 г. по Могилевскому автотресту причинами аварий были: превышение скорости, нарушения правил обгона, проезда перекрестков.

В итоге в авариях и происшествиях ежегодно в 1970-е гг. погибало около 1,5 тысячи человек и более 7 тысяч получали увечья [25]. Соответственно, проводилось много мероприятий, которые противостояли росту ДТП и в ряде случаев снижали их количество. Значительную помощь в обеспечении безопасности движения оказала впервые проведенная в ноябре 1971 г. Всесоюзная декада безопасности движения. Всесоюзный месячник по борьбе с ДТП с 15 мая по 15 июня 1973 г. позволил сократить количество происшествий на 13,5%. Специфической проблемой, нарушавшей функционирование электро-

транспорта, были обрывы или неисправности линий электропередач. Повышению уровня безопасности движения на электротранспорте содействовали конкурсы по безаварийному вождению, которые проводились в Минском трамвайно-троллейбусном управлении.

Органы власти постоянно предпринимали меры по повышению уровня безопасности и на речном транспорте. Так, 19 декабря 1971 г. постановление ЦК КПБ и СМ БССР предложило меры по техническому перевооружению флота. Безопасности движения судов содействовало оснащение судоводных путей сигнальными устройствами. В сложных условиях плавания на первое место выходило отличное знание состояния водных путей.

В целях повышения безопасности полетов в гражданской авиации Президиум ВС СССР в 1973 г. ввел уголовную ответственность за угон воздушного судна. Значительную роль сыграло постановление СМ СССР от 23 апреля 1975 г. Важным для трубопроводного транспорта было наличие на нефтепроводе «Дружба» ремонтных групп для ликвидации аварии.

Вопросы обеспечения безопасной эксплуатации транспорта остались в 1980-е гг. в зоне внимания органов власти. Постановление СМ СССР от 8 февраля 1986 г. уточнило ответственность за нарушения правил пользования средствами транспорта. В 1988 г. СМ СССР принял новое постановление, в котором был предусмотрен комплекс мер, направленных на обеспечение безопасности на транспорте. 23 октября 1990 г. появился Закон СССР об уголовной ответственности за блокирование транспортных коммуникаций.

Необходимость улучшения работы по обеспечению безопасности движения поездов была в 1981 г. записана в меры по развитию Белорусской дороги в 1981–1985 гг. В 1980 г. в БССР действовал штаб по обеспечению безопасности движения на переездах. Внедрение новейших устройств автоматики позволило значительно увеличить пропускную способность линий и обеспечить более высокую безопасность движения поездов. Проведение на Белорусской дороге во 2-й половине 1980-х гг. экономического эксперимента выявило несколько его слабых сторон, которые касались обеспечения безопасности движения. В конце 1980-х гг. в связи со сложной экономической ситуацией в республике положение с обеспечением безопасности движения ухудшилось, что было связано с износом элементов железнодорожных путей. Наибольшее распространение на Белорусской дороге в 1991 г. получили случаи сходов вагонов с рельсов. Решались эти вопросы уже в рамках Республики Беларусь.

Состоянием дел в области обеспечения безопасности дорожного движения постоянно интересовались советы самого высокого уровня. Указом Президиума ВС СССР от 15 марта 1983 г. была повышена ответственность должностных лиц за выпуск неисправных транспортных средств на линию. Интенсификация автоперевозок усложнила проблему наведения необходимого порядка на магистралях. В 1981 г. основными причинами возникновения аварийных ситуаций являлись нарушения: превышение скорости – 1270, или 21,9% происшествий, выезд на полосу встречного движения – 669, или 11,6% [26]. По мнению Республиканской комиссии по обеспечению безопасности дорожного движения, в 1988 г. причинами аварий были: пьянство, лихачество, недостатки в контроле, плохое состояние дорог.

Расширилось и число факторов, которые противостояли росту аварийности. С 1980 г. действовали новые Правила дорожного движения. Проводилось соревнование за

присвоение почетного звания «Автохозяйство гарантированной безопасности дорожного движения», работали службы безопасности движения автохозяйств и дисциплинарные комиссии. Принятые меры дали положительный результат. В XI пятилетке в БССР на четверть уменьшилось количество ДТП. Однако в конце XII пятилетки обстановка с ДТП снова усложнилась, в 1990 г. их основной причиной стали недисциплинированность и пренебрежение правилами движения. Вопреки тревожным фактам в 1990 г. были сокращены службы безопасности движения, что привело к росту аварийности.

В итоге за 1980–1990-е гг. по информации МВД БССР в автодорожных происшествиях в республике погибло около 15 тысяч и получили ранения более 73 тысяч человек [27]. Ситуацию пришлось исправлять уже в рамках Республики Беларусь. В 1980-е гг. при развитии массового городского пассажирского транспорта, к которому относился электротранспорт, со стороны конструкторов были даны рекомендации по повышению его надежности. Вопрос о нарушениях трудовой дисциплины, которые мешали безопасной эксплуатации флота, в августе 1980 г. рассмотрела постоянная комиссия по транспорту и связи Верховного Совета БССР. Основной причиной браков у речников было определено нарушение правил и устава. Поэтому комиссия рекомендовала принять четкие меры по обеспечению безопасности движения судов. Устав о дисциплине речного транспорта СССР, утвержденный 26 августа 1985 г., ужесточил ответственность личного состава за грубые нарушения дисциплины.

По положению о Министерстве гражданской авиации от 10 июля 1984 г., одной из главных его задач было обеспечение безопасности и регулярности полетов воздушных судов. Помогала решению насущных задач комиссия по надзору за безопасностью полетов воздушных судов при СМ СССР. Современное оборудование обеспечивало надежность и безопасность полетов в гражданской авиации. Но не все зависело от новой техники. Были недопустимы любые отступления от норм, регламентировавших деятельность гражданской авиации.

При обслуживании газопроводов актуальным было создание устойчивых систем контроля за условиями эксплуатации и предотвращением разрушения газопроводов.

Заключение. В результате развития научно-технического прогресса в республике появились сотни тысяч разнообразных транспортных средств, что привело к обострению проблемы их безопасной эксплуатации. Подобная проблема является социальной, так как напрямую влияет на состояние здоровья и жизнь людей. Выполнение условий безопасной эксплуатации транспорта позволило также избежать напрасного ущерба, который возникал в результате срыва перевозок и порчи имущества.

Проблема безопасной эксплуатации транспортных средств на железной дороге БССР была во 2-й половине 1940-х гг. связана с восстановительными работами, в 1950-е гг. на первом месте было укрепление трудовой дисциплины, в 1960-е гг. – повышение квалификации работников, в 1970-е гг. больше внимания уделяли техническому переоснащению подвижного состава и пути, в 1980-е гг. определяющую роль сыграл экономический эксперимент. Рост количества технических средств на транспорте в 1960–1980-е гг. заставил органы власти и сами предприятия больше уделять внимания созданию безопасных условий труда, повышать ответственность за соблюдение технологической дисциплины. Обеспечение безопасности движения оказалось такой сферой деятельно-

сти, где только совместные усилия руководства предприятий, профсоюзов и самих работников могли дать желаемый результат.

Во второй половине 1940-х гг. в целях безопасной эксплуатации автотранспорта больше всего внимания уделялось его техническому состоянию, в 1950-е гг. на первое место вышла задача повышения квалификации кадров и безопасное пересечение железнодорожных переездов, в 1960-е гг. главным оказалось состояние трудовой дисциплины, особенно противостояние нахождению за рулем нетрезвых водителей, дорожно-транспортным происшествиям органы власти и сами ведомства больше внимания уделяли с 1970-х гг., что проявилось в проведении различных общесоюзных кампаний, таких, как декады безопасности, в 1980-е гг. в целях противодействия авариям была активизирована работа общественных организаций, например, советов по безопасности движения. Забота о безопасности движения была постоянным делом автоинспекции. Из-за увеличения количества автотранспорта движение на дорогах стало все более интенсивным, что привело к увеличению числа аварий и несчастных случаев. Успешное решение вопросов обеспечения безопасного движения сильно зависело от согласованной политики ведомств, чего в полной мере достигнуто не было.

Одной из основных причин аварий на речном транспорте в 1950–1960-е гг. было состояние производственной дисциплины, в 1970–1980-е гг. – нарушение правил плавания. Одним из главных факторов безопасности в гражданской авиации в 1950–1960-е гг. было техническое состояние самолетов, в 1970–1980-е гг. – их предполетная и навигационная подготовка. Обеспечение безопасной эксплуатации трубопроводного транспорта в 1960–1980-е гг. было связано с предотвращением потенциально опасных для природы аварий.

Л и т е р а т у р а

1. Кость, А.В. Железнодорожная магистраль Белоруссии. К столетию со дня введения в строй / А.В. Кость [и др.]; под общ. ред. Е.П. Юшкевича. – Минск: Беларусь, 1971. – 208 с.
2. Этапы большого пути. 125 лет Белорусской железной дороге / под общ. ред. Е.И. Володько. – Минск: ДЦНТИ, 1996. – 146 с.
3. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Фонд 4 п. – Оп. 18. – Д. 32.
4. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Фонд 1174. – Оп. 7. – Д. 1.
5. Государственный архив Витебской области (ГАВО). – Фонд 1966. – Оп. 12. – Д. 566.
6. Морсон, Г.Д. Начинается технический осмотр автомашин / Г.Д. Морсон // Советская Белоруссия. – 1946. – 30 апреля. – С. 4.
7. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 18. – Д. 100.
8. НАРБ. – Фонд 1077. – Оп. 1. – Д. 4.
9. НАРБ. – Фонд 1005. – Оп. 1. – Д. 1.
10. ГАВО. – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 939.
11. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 3. – Д. 1396.
12. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 18. – Д. 190.
13. ГАВО. – Фонд 2923. – Оп. 1. – Д. 4.
14. ГАВО. – Фонд 1966. – Оп. 23. – Д. 223.
15. ГАВО. – Фонд 384. – Оп. 1. – Д. 26.
16. НАРБ. – Фонд 4 п. – Оп. 18. – Д. 214.
17. НАРБ. – Фонд 1006. – Оп. 1. – Д. 11.
18. НАРБ. – Фонд 7. – Оп. 4. – Д. 2728.

19. ГАВО. – Фонд 6800. – Оп. 1. – Д. 4.
20. ГАВО. – Фонд 1966. – Оп. 22. – Д. 980.
21. ГАГО. – Фонд 1174. – Оп. 7. – Д. 393.
22. ГАВО. – Фонд 1966. – Оп. 12. – Д. 979.
23. ГАГО. – Фонд 1174. – Оп. 7. – Д. 973.
24. ГАВО. – Фонд 9841. – Оп. 1. – Д. 3.
25. Жук, П. Закон дороги строг / П. Жук // Советская Белоруссия. – 1978. – 29 июля. – С. 4.
26. Рогаль, П. Анализируем аварийность прошлого года / П. Рогаль // За безопасность движения. – 1981. – № 2. – С. 28.
27. Платонов, К. Сколько стоит жизнь? / К. Платонов // Советская Белоруссия. – 1990. – 8 декабря. – С. 3.

S U M M A R Y

The article deals with research of organizations in Byelorussia which were engaged with the questions of safety on transport in 1940–1980s. The special attention is paid to the development of legislative base promoting to the solution of the question of safety of movement.

Поступило 29.04.2010

УДК 655.11(476)(043)

Роля і месца цэнзурных органаў у рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР з 1919 па 1929 год

А.В. Сумко

Установа адукацыі “Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт”

Разглядаецца працэс фарміравання і асаблівасці развіцця цэнзурных органаў у БССР з 1919 па 1929 год. Паказваецца іх месца і роля ў рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР. Асобую ролю ў сістэме партыйна-ўрадавага кантролю адыгрывала Галоўнае ўпраўленне па справах літаратуры і выдавецтва БССР. Яно ажыццяўляла папярэдні і наступны прагляд усіх прызначаных да публікавання або распаўсюджвання твораў, выдавала дазвол на стварэнне прыватных выдавецтваў. Вызначаючы ступень прыдатнасці той ці іншай кнігі, Галоўлітбел уплываў на змест рэдакцыйна-выдавецкіх планаў і каардынаваў кнігавыдавецкую справу.

Дзяржаўная палітыка ў кнігавыдавецкай справе БССР была падпарадкавана задачам сацыялістычнага будаўніцтва, але разам з тым улічвалася грамадска-палітычная сітуацыя ў краіне. Пазіцыя кіруючых органаў адлюстроўвалася ў цэнзурных абмежаваннях, праз якія адбывалася каардынацыя кнігавыдавецкай дзейнасці. Паступова сістэма ідэалагічнага і палітычнага кантролю за друкаванай прадукцыяй удасканалывалася. Замест шматлікіх дублюючых арганізацый папярэдні і далейшы прагляд, выдача дазволу на права выдання, складанне спісаў забароненых твораў друку сканцэнтраваліся ў адмысловым органе – Галоўным упраўленні па справах літаратуры і выдавецтваў.

Матэрыял і метады. Вывучэнне цэнзурнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР з’яўляецца нераспрацаваным накірункам у гістарычнай навуцы. Пытанні, звязаныя з механізмамі ціску на свабоду друку, і адлюстраванне рэальных вынікаў дзяржаўнай палітыкі ў гэтым напрамку да 1990-х гадоў амаль не закраналіся ў айчыннай гістарыяграфіі. Дакументальнай базай дадзенага даследавання сталі дакументы Нацыянальнага архіва Рэспублікі Беларусь і Дзяржаўнага архіва Віцебскай вобласці.

Вынікі і іх абмеркаванне. Разам з пошукам аптымальнай арганізацыйнай структуры кнігавыдавецкай справы новая ўлада стварала сістэму палітычнага і ідэалагічнага кантролю над друкаванай прадукцыяй. Спачатку ва ўмовах нетрывалага як знешне-, так і ўнутрыпалітычнага становішча краіны цэнзура насіла няўстойлівы характар. У першыя гады савецкай улады цэнзура ажыццяўлялася выключна ў адносінах

да ўжо надрукаваных літаратурных твораў. Неабходнасці ў папярэдняй цэнзуры не было па прычыне поўнай нацыяналізацыі і рэквізіцыі друкарняў у гады “ваеннага камунізму”, устанаўлення кантролю за папяровымі рэсурсамі. Выпуск кніг быў зніжаны ў 3–4 разы ў параўнанні з 1913 г., а ў наяўным рэпертуары выдавецтваў дамінуючае месца займалі агітацыйна-прапагандысцкія брашурны. Таму кнігавыдавецкая справа спачатку ўяўляла меншую небяспеку, чым, напрыклад, перыядычны друк. Аднак паступова стала ўжывацца папярэдня цэнзура. Былі ўведзены спецыяльныя ліцэнзіі на права друку [1].

Падмуркам цэнзурнай палітыкі былі дэкрэты і пастановы ЦК РКП(б) і яе мясцовых камітэтаў, а пасля ўтварэння 1 студзеня 1919 г. ССРБ – Цэнтральнага Бюро кампартыі. Класавы падыход дыктатуры пралетарыяту да свабоды друку быў замацаваны ў 8-м артыкуле агульнага раздзела Канстытуцыі ССРБ 1919 г., дзе гаварылася, што ў мэтах забеспячэння за працаўнікамі сапраўднай волі выражэння сваіх меркаванняў ССРБ знішчае залежнасць друку ад капіталу, перадае ў рукі працоўнага класа і сялянскай беднаты ўсе тэхнічныя і матэрыяльныя сродкі да выдання газет, брашур, кніг і забяспечвае іх вольнае распаўсюджванне [2]. Пасля стварэння Літоўска-Беларускай ССР за дзейнасць цэнзурных органаў адказвала Надзвычайная камісія па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам. 15 ліпеня 1919 г. было прынята рашэнне аб стварэнні цэнзурнага аддзела ў Мінску і цэнзурнага пункта пры Мінскай паштова-тэлеграфнай канторы [3].

Са снежня 1920 г. на падставе мандата Заходне-Акружнага ваеннага цэнзурнага аддзялення кантроль за выдавецкай дзейнасцю часова ажыццяўляў інструктар С. Лявінскі разам з З. Жылуновічам, В. Ашмарыным, якія па сумяшчальніцтве займалі пасады ваенных цэнзараў органаў перыядычнага друку (“Звязда”, “Савецкая Беларусь”, “Штэрн” і інш.). У пачатку 1921 г. функцыянавалі ваенна-цэнзурны аддзел пры Надзвычайнай камісіі Беларусі па барацьбе з контррэвалюцыяй і сабатажам і аддзел друку Галоўпалітсветы. Акрамя іх, папярэдняю цэнзуру ўсіх рукапісаў, што выходзілі ў рэспубліцы, ажыццяўляла Беларускае аддзяленне Дзяржаўнага выдавецтва РСФСР, а пасля пастановы СНК ССРБ ад 14 студзеня 1922 г. яно атрымала права канфіскацыі літаратуры, якая была выдадзена без дазволу [4]. Аднак трэба адзначыць, што кантроль над друкаванай прадукцыяй насіў не сістэматычны характар – адбівалася як неўпарадкаванасць выдавецкай справы, так і ўсяго дзяржаўнага ладу. Ва ўмовах, калі адзін чалавек быў заняты на некалькіх адказных пасадах, дырэктывы, якія мелі дачыненне да ажыццяўлення цэнзуры, часта так і заставаліся толькі на паперы.

Сістэматычнасць прагляду друкаванай прадукцыі БССР з’явілася пасля стварэння Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў БССР (Галоўлітбел). Дадзены орган ажыццяўляў папярэдні прагляд усіх прызначаных да выдання ў межах БССР твораў, паследуючы кантроль за імі, даваў дазвол на існаванне літаграфій і выдавецтваў.

Па меры ажыццяўлення новай эканамічнай палітыкі назіралася вяртанне да прыватных форм арганізацыі выдавецкіх прадпрыемстваў і пошук новых. Гэта прывяло да кароткатэрміновага суіснавання трох разнавіднасцей – дзяржаўнай, прыватнай і кааператыўнай, што ў сваю чаргу азначала з’яўленне выдавецтваў, якія былі арыентаваны на задавальненне інтарэсаў розных груп насельніцтва.

Ва ўмовах нэпа Галоўлітбел у першую чаргу назіраў за дзейнасцю недзяржаўных выдавецтваў, збіраў звесткі пра асабісты склад упраўлення, сувязі з грамадскімі і партыйнымі групамі як у Беларусі, так і за мяжой, выдзяляў адказных партыйных работнікаў у якасці ідэалагічных рэдактараў у выдавецтвах. Акрамя гэтага, Галоўлітбел павінен быў трымаць у полі зроку пісьменнікаў, публіцыстаў, усіх, хто больш-менш быў звязаны з літаратурнай дзейнасцю, вывучаць іх стыль, манеру пісьма – усё гэта на прадмет выяўлення адпаведнасці таго ці іншага работніка патрабаванням рабоча-сялянскага чытача.

Першыя пасяджэнні Галоўлітбела пачалі праводзіцца яшчэ ў лістападзе 1922 г., тады ж былі і зацверджаны штаты Галоўлітбела [5, л. 16]. Адпаведная пастанова СНК БССР выйшла 5 студзеня 1923 г. Каб патрапіць на службу ў Галоўліт, неабходна было падаць не меней за дзве рэкамендацыі ад камуністаў і запоўніць адпаведную анкету, дзе ўтрымліваліся звесткі аб адукацыі, веданні моў, партыйны стаж, нацыянальнасць і ўдзел у небальшавіцкіх арганізацыях. Згодна з палажэннем, кіруючым органам Галоўлітбела быў прэзідыум, які ўзначальвалі старшыня, прызначаемы калегіяй Наркамата асветы БССР (НКА БССР), і два яго намеснікі – прадстаўнікі ад ДПУ (у абавязкі паліткантроля ўваходзіла барацьба з распаўсюджваннем недазволенага твораў, нагляд за друкарнямі, барацьба з падпольным выдавецтвам, назіранне за кніжным рынкам і канфіскацыя кніг) і ваеннага камісарыята (супрацоўніцтва з аддзяленнямі ваенкаматаў было неабходным пры ажыццяўленні ваеннай цензуры). На пасяджэннях прэзідыума Галоўлітбела зацвярджаліся спісы забароненага да продажу або распаўсюджвання кніг, даваўся дазвол на права выдання як асобных твораў, так і перыядычных і непэрыядычных органаў друку. Спачатку пасяджэнні прэзідыума праводзіліся некалькі разоў у месяц. Так, за восень 1922 г. было праведзена 9, а за першую палову 1923 г. – 15 пасяджэнняў [3, с.225]. Варта адзначыць, што нягледзячы на тое, што Галоўлітбел знаходзіўся ў сістэме НКА БССР, фактычна ён падпарадкоўваўся ЦК КП(б)Б.

У якасці дарадчага органа была арганізавана калегія спецыялістаў па розных галінах ведаў, якія займаліся рэцэнзаваннем, але канчатковае рашэнне заставалася за прэзідыумам Галоўлітбела. У 1920-я гг. у склад калегіі ўваходзілі прадстаўнікі партыйных і савецкіх органаў, літаратуры, навукі, мастацтва, такія, як А. Баліцкі, У. Ігнатоўскі, М. Кудзелька, У. Пічэта, З. Жылуновіч, С. Некрашэвіч і інш. [6, л. 16]. Калегія Галоўлітбела вызначала ступень прыдатнасці той ці іншай кнігі ў залежнасці ад таго, для якой катэгорыі насельніцтва яна прызначалася. Тым самым Галоўлітбел уплываў на змест рэдакцыйна-выдавецкіх планаў і каардынаваў кнігавыдавецкую справу.

Галоўлітбел, у адрозненне ад аналагічных устаноў іншых савецкіх рэспублік, спачатку меў слаба разгалінаваную структуру. Гэта было абумоўлена тым, што да 1924 г. БССР уключала толькі шэсць павеатаў былой Мінскай губерні і Галоўлітбел функцыянаваў у межах дадзенай тэрыторыі. У адміністрацыйна-тэрытарыяльных адзінках БССР прадстаўнікамі Галоўлітбела з'яўляліся спецыяльна прызначаныя інспектары, якія ажыццяўлялі кантроль за органамі друку, кніжным рынкам у павеатах і праводзілі папярэдні прагляд матэрыялаў, прызначаных да друку. Пасля ўзбуйнення

тэрыторыі БССР адбыліся структурныя змены – былі ўведзены пасады ўпаўнаважаных Галоўлітбела па Віцебскай і Гомельскай акругах.

З другой паловы 1920-х гг. кантроль над кнігавыдавецкай справай пачынаюць ажыццяўляць адпаведныя партыйныя органы. Спачатку гэта былі пададзелы друку агітпропаў партыйных камітэтаў, якія збіралі звесткі аб становішчы газет і выдавецтваў, займаліся кадравымі пытаннямі. Потым быў распрацаваны агульнасаюзны праект, які прадугледжваў арганізацыю самастойных аддзелаў друку пры ўсіх нацыянальных ЦК, абласных бюро ЦК. Аддзел друку ЦК КП(б)Б павінен быў назіраць за паслядоўным правядзеннем палітыкі партыі і ажыццяўляць кантроль, забяспечваць ідэалагічную вытрыманасць тэкстаў. Штомесяц у аддзел друку дасылаліся звесткі пра выкрэсліванні, зробленыя супрацоўнікамі Галоўлітбела, прычым прыводзілася аргументацыя дзеянняў цэнзараў.

15 ліпеня 1926 г. сакратарыят Цэнтральнага Камітэта зацвердзіў прапанову аддзела друку ЦК КП(б)Б аб “кіраўніцтве выдавецтвамі”. У адпаведнасці з ёю, усе выдавецтвы і выдавецкія ўстановы былі падзелены на дзве катэгорыі: выдавецтвы, на чале якіх стаяць камуністы, і прыватныя выдавецтвы, якія ўзначальваюць беспартыйныя. Кіраўніцтва першай групай ажыццяўляў непасрэдна аддзел друку ЦК КП(б)Б, другой – аддзел друку з дапамогай Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў, а таксама Выдавецкага камітэта пры аддзеле друку ЦК КП(б)Б. Аднак зыходзячы са спецыфікі рэгіёну, у краіне фактычна не было другой катэгорыі выдавецтваў. Таму аддзел друку разам з Галоўлітбелам ажыццяўляў кіраўніцтва і кантроль над кнігавыдавецкай справай у рэспубліцы. Ён не толькі канчаткова зацвярджаў рэдакцыйна-выдавецкія планы, але і выдзяляў адказных партыйных работнікаў у якасці ідэалагічных рэдактараў у выдавецтвах. Дапаможнымі органамі з’яўляліся розныя камісіі, якія ствараліся кожны год для зацвярджэння Бюро ЦК КП(б)Б напрамкаў выдавецкай палітыкі. Яны яшчэ раз (пасля Галоўлітбела і аддзела друку ЦК КП(б)Б) больш уважліва фільтравалі рэдакцыйна-выдавецкія планы, разглядалі тэматыку і змест выдаваемых кніг.

У абавязкі Галоўлітбела, акрамя папярэдняй і далейшай цэнзуры кнігавыдавецкай прадукцыі, уваходзіў прагляд кожнай штодзённай цэнтральнай газеты, але гэта было тэхнічна немагчыма і выклікала шмат цяжкасцей для рэдакцый. Таму была ўведзена спецыяльная пасада палітрэдактара пры кожнай з іх, які забяспечваўся з боку Галоўлітбела ўсімі неабходнымі інструкцыямі. Палітрэдактар цалкам нёс за праглядаемы матэрыял персанальную адказнасць.

З актывізацыяй кнігавыдавецкай дзейнасці ў БССР з другой паловы 1920-х гг. павялічваецца колькасць палітрэдактараў. У 1928 г. быў зацверджаны спіс 23 палітрэдактараў Галоўлітбела, сярод якіх былі: намеснік загадчыка аддзела друку ЦК КП(б)Б В. Сербента – адказваў за літаратуру па філасофіі; нарком земляробства Д. Прышчэпаў – за сельскагаспадарчую літаратуру; прэзідэнт БАН У. Ігнатоўскі – за гістарычную; старшыня ЦП прафсаюза працаўнікоў асветы БССР А. Платун – за партыйную; беларускі пісьменнік І. Гурскі – за мастацкую літаратуру і інш. [7, л. 16].

Межы паміж дазволеным і недазволеным вызначалі стандартныя інструкцыі, якія былі абавязковымі для ўсіх саюзных рэспублік. Так, забаранялася выпускаць і распаўсюджваць творы, якія змяшчалі агітацыю супраць Савецкай улады, утрымлівалі ваенныя тайны рэспублікі, узбуджалі нацыянальны і рэлігійны фанатызм, узрушалі

грамадскую думку шляхам паведамлення памылковых звестак, а таксама творы парнаграфічнага характару. У сваёй паўсядзённай працы супрацоўнікі Галоўлітбела арыентаваліся на інструкцыі, распрацаваныя Галоўлітам РСФСР, дзе ўтрымліваліся патрабаванні да выдання кніжнай прадукцыі розных напрамкаў. Так, у адносінах да мастацкай літаратуры неабходна было сачыць за тым, каб недзяржаўныя выдавецтвы не выпускалі творы класікаў, выданне якіх манапалізавала дзяржава, а таксама кнігі аўтараў, якія выступалі супраць бальшавіцкай улады [8, л. 209]. Не павінна была прапускацца літаратура, што ўслаўляла старыя побытавыя ўмовы і адносіны. Кнігі па філасофіі і сацыялогіі ідэалістычнага напрамку прызначаліся для абмежаванага кола навукоўцаў, таму колькасць падобных прац рэгулявалася маленькім тыражом. Выпуск рэлігійнай літаратуры павінен быў скарачацца да друку рэлігійных каляндароў, даведнікаў. Цэнзурнаму рэдагаванню падлягала мастацкая літаратура, у якой сустракалася “рэлігійная тэрміналогія”. Зыходзячы з ваенна-стратэгічных меркаванняў, забаранялася друкаваць не толькі інфармацыю, якая змяшчала назвы прадпрыемстваў і аб’ём вытворчасці, колькасць адміністрацыйна-тэхнічнага персаналу, але і тую, з якой можна запазычыць вышэйадзначаныя звесткі шляхам лагічных разважанняў і супастаўленняў [8, л. 140]. Па ваенных, эканамічных пытаннях, а таксама па цэнзураванні замежных выданняў Галоўлітбел кіраваўся ўказаннямі і інструкцыямі Галоўліта РСФСР, пастановамі ЦК КП(б)Б. Арыенцірамі ў адносінах да замежных выданняў, якія былі прызначаны да распаўсюджвання з’яўляліся спісы забароненай для ўвозу ў СССР літаратуры, складзеныя Галоўлітам РСФСР. Напрыклад, у 1923 г. такі спіс налічваў 232 кнігі, сярод іх былі творы Г. Уэльса, М. Цвятаевай, Дж. Байрана і іншыя [8, л. 25]. Варта адзначыць, што Галоўлітбел не меў права штосьці змяніць у дадзеных спісах, але меў права пашырыць іх за кошт мясцовых выданняў. Так, у спіс забароненай для распаўсюджвання літаратуры ў межах СССР трапілі творы М. Доўнар-Запольскага.

Што датычылася вызначэння ступені прыдатнасці перыядычных і непэрыядычных органаў друку, якія выходзілі на тэрыторыі БССР, то Галоўлітбел карыстаўся пэўнай самастойнасцю. Пераважная частка забароненай для распаўсюджвання літаратуры і перыёдыкі ў першы год працы была замежнага паходжання або выдадзена да кастрычніка 1917 г. Усе яны былі аднесены да антысавецкіх, шавінісцкіх, буржуазных твораў. Аднак забарона закранула і тагачасныя беларускія выданні, у першую чаргу тыя, што выйшлі за мяжой. Так, на пасяджэнні калегіі Галоўлітбела ад 9 лютага 1923 г. як шавінісцкая была забаронена хрэстаматыя Я. Лёсіка “Наша крыніца”, надрукаваная ў Берліне ў 1922 г. [6, л. 8]. НКА БССР, які лічыў мэтазгодным ва ўмовах недахопу падручнікаў выкарыстоўваць кнігу ў навучальным працэсе, неаднаразова звяртаўся да кіраўніцтва Галоўлітбела з хадайніцтвам аб адмене забароны, аднак гэта не дало жаданых вынікаў.

Неабходна адзначыць, што да моманту разгортвання кампаніі па барацьбе з нацдэмакратызмам, Галоўлітбел праяўляў адносную памяркоўнасць у падыходзе да літаратурных твораў, якія траплялі да яго на папярэдні прагляд, пазбягаючы па магчымасці безагаворачнай забароны. Кнігі, якія выклікалі незадавальненне Галоўлітбела, адпраўляліся на дапрацоўку. Так, Я. Колас быў вымушаны перапрацаваць

“Сымона-музыку” і, як адзначыў загадчык Галоўлітбела Р. Шукевіч-Трацякоў, “рашуча скінучь з Сымона раней аблытваўшую яго рэлігійную павуціну” [9].

Творы ў перапрацаваным выглядзе дапускаліся да друку, іншы раз на іх накладаліся эканамічныя санкцыі: кошт штучна звышаўся, а тыраж зніжаўся да мінімуму. Так, напрыклад, паступілі з кніжкай А. Сержпутоўскага “Прыказкі і прымаўкі беларусаў”. Гэты твор, пасля таго як былі выкананы ўсе патрабаванні цэнзурнай установы, быў надрукаваны тыражом 350 экзэмпляраў. Акрамя гэтага Галоўлітбел звярнуўся да Галоўнага камітэта па справах літаратуры і выдавецтваў пры Наркамгандлю з прапановай, каб дадзеная кніга каштавала ў кнігарнях не менш за 10 рублёў, а таксама пазбавіць Інбелкульт права бясплатнага распаўсюджвання яе ў краязнаўчыя арганізацыі і прыватным асобам [10, л. 230]. Мелі месца і выпадкі канчатковай забароны да друку. Такі лёс напаткаў манаграфію М. Доўнар-Запольскага “Гісторыя Беларусі”.

У другой палове 1920-х гг. кнігавыдавецкая дзейнасць БССР сканцэнтравалася ў асноўных выдавецтвах, такіх, як Беларускае дзяржаўнае выдавецтва (БДВ), Рэдакцыйна-выдавецкі аддзел ЦСПСБ (РВА ЦСПСБ) і кніжна-часопіснае выдавецтва пры Інстытуце беларускай культуры. Асноўная доля працы Галоўлітбела прыходзілася на БДВ. Пэўныя цяжкасці ўзніклі з выданнямі Інбелкульту. У тым выпадку, калі рукапісы паступалі па вузкай навуковай тэме, ён выконваў толькі фармальнасці, рукапісы па грамадзянскіх пытаннях старанна пераглядаліся і, калі гэта было неабходна, у іх уносіліся адпаведныя выпраўленні.

З цягам часу дзейнасць Галоўлітбела ўдасканальвалася. Былі распрацаваны два асноўныя шляхі цэнзурнага ўплыву. Першы – гэта адміністрацыйнае і судовае праследаванне, якое выяўлялася ў скарачэнні тыражу, накладанні штрафу і нясенні судовай адказнасці. Другі – умелы ідэалагічны ўплыў на рэдакцыі, увядзенне адпаведных работнікаў у іх склад і ліквідацыя найбольш непрымальных. Асноўнай задачай стала забеспячэнне адпаведнасці друкаванай прадукцыі тым ідэалагічным устаноўкам, якія дыктаваліся партыйна-дзяржаўнымі органамі. Гэта выключала пранікненне ў літаратуру інфармацыі, якая б супярэчыла афіцыйнай ідэалогіі.

У 1929 г. была згорнута новая эканамічная палітыка, пачалося адмаўленне ад няхай і абмежаваных дэмакратычных прынцыпаў кіраўніцтва дзяржавай. Вядучай тэндэнцыяй дзяржаўнай палітыкі ў культурнай сферы, у тым ліку і ў кнігавыдавецтве, стала “пралетарызацыя” культуры і выцясненне дэмакратычных праў.

Заклучэнне. Пасля абвяшчэння БССР, ва ўмовах нетрывалай як знешне-, так і ўнутрыпалітычнай сітуацыі ў краіне, ажыццяўленне цэнзуры насіла няўстойлівы характар, здзяйснялася шматлікімі дублюючымі ўстановамі пераважна да ўжо надрукаваных твораў. Апошнія тлумачылася тым, што ў межах палітыкі “ваеннага камунізму” адбылася нацыяналізацыя ўсёй наяўнай паліграфічнай базы, таму выпуск і тэматыка кніг рэгуляваліся выключна дзяржаўнымі органамі. Сістэматычнасць папярэдняга і паследуючага прагляду з’явілася пасля стварэння Галоўнага ўпраўлення па справах літаратуры і выдавецтваў БССР. Яно выдавала дазвол на права выдання, на заснаванне новых выдавецтваў у рэспубліцы, складала спісы забароненых твораў друку, распрацоўвала абавязковыя для ўсіх выдавецтваў правілы і распараджэнні. Калегія

Галоўлітбела вызначала ступень прыдатнасці той ці іншай кнігі ў залежнасці ад таго, для якой катэгорыі насельніцтва яна прызначалася. Тым самым Галоўлітбел уплываў на змест рэдакцыйна-выдавецкіх планаў і каардынаваў кнігавыдавецкую справу. Межы паміж дазволеным і недазволеным вызначалі стандартныя інструкцыі, якія былі абавязковымі для ўсіх саюзных рэспублік. Аднак у вызначэнні ступені прыдатнасці кніжнай прадукцыі, якая выходзіла на тэрыторыі БССР, Галоўлітбел карыстаўся самастойнасцю.

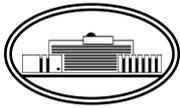
Л і т а р а т у р а

1. Блюм, А.В. “За кулисами “Министерство правды”: тайная история советской цензуры” (1917–1929 гг.) / А.В. Блюм. – СПб.: Академический проект, 1994. – С. 42.
2. История Беларуси в документах и материалах / авт.-сост. И.Н. Кузнецов, В.Г. Мазец. – Минск: ООО «Амалфея», 2000. – С. 348.
3. Протьюко, Т.С. Становление тоталитарной системы в Беларуси (1917–1941 гг.) / Т.С. Протьюко. – Минск: Тесей, 2002. – С. 221.
4. Герасімаў, В. Цэнзура / В. Герасімаў, У. Ракашэвіч // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Минск: “Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі”, 2003. – Т. 6, кн. 2. – С. 115.
5. НАРБ. Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 209. Загады і пратаколы пасяджэнняў калегіі НКА БССР (люты–сакавік 1923 г.).
6. НАРБ. Фонд 42. – Воп. 1. – Спр. 214. Пратаколы пасяджэнняў Галоўлітбела (люты–снежань 1923 г.).
7. НАРБ. Фонд 4-п. – Воп. 7. – Спр. 263. Пратаколы пасяджэнняў калегіі Галоўлітбела (кастрычнік 1928 г. – красавік 1929 г.).
8. Дзяржаўны архіў Віцебскай вобласці (ДАВВ). Фонд 246. – Воп. 1. – Спр. 318. – Аб стане і выніках працы губліта (1923–1924 гг.).
9. Адамовіч, А. Якуб Колас у супраціве саветызацыі / А. Адамовіч. – Мюнхен: Ін-т для вывучэння гісторыі і культуры СССР, 1955. – С. 42.
10. НАРБ. Фонд 4-п. – Воп. 7. – Спр. 82. Пратаколы пасяджэнняў Галоўлітбела (верасень 1925 г. – верасень 1926 г.).

S U M M A R Y

The arising and evolution peculiarities of the censor units in BSSR in the run of 1919–1929 years are considered in this paper. They role and place in the system of state and ideologic control have been shown.

Поступило 11.05.2010

УДК 111

Символ в литературно-художественном произведении: от значащей формы к скрытому смыслу

И.М. Слемнева

Витебский филиал учреждения образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный институт трудовых и социальных отношений»

В литературно-художественном произведении можно выделить два органически взаимосвязанных семантических слоя: поверхностный, наглядно-образный, и глубинный, абстрактно-понятийный. Идеино-смысловое ядро представлено на «мерцающем» символическом языке. Значащей формой скрытого символического значения обычно является чувственно данная онтология, которая выражена с помощью «физической» лексики. Признаком символичности описываемых объектов неживой и живой природы, артефактов, звуков, цветов, запахов является их многократное упоминание и детализация. Сопряжение «сгущенной онтологии» и символично-семантических основ литературно-художественного произведения обеспечивается через развернутую сеть тропических трансформаций. Преодолению смысловой многозначности художественного символа способствует привлечение различных видов контекста. Для борьбы с «интерпретационным волюнтаризмом» важное значение имеет проецирование литературно-художественного произведения на духовный мир автора.

Создать эстетически значимое литературное произведение чрезвычайно сложно. Но и проникнуть в мир переживаний и раздумий, которыми автор желает поделиться с читателем, тоже не просто. Особенность художественных текстов состоит в том, что у них наряду с поверхностным, открытым для восприятия семантическим слоем обычно имеется завуалированное, скрытое символическое содержание. Его выявление и последующее толкование, вербальное разъяснение представляет собой сложный творческий процесс десимволизации [1], включающий в себя, во-первых, поиск тех семиотических структур, которые являются носителями символического смысла; а во-вторых, их декодирование, снятие знаковой оболочки с идейного содержания, его обнажение. Цель статьи – разработка схем интерпретационного движения от эмпирического, чувственно-воспринимаемого слоя литературно-художественного произведения к его смысловому ядру на основе онтоконтекстуальной стратегии.

Материал и методы. Объектом исследования является литературно-художественное произведение как сложный логико-лингвистический, онтогносеологический и социокультурный феномен. Философско-методологическая рефлексия осуществлена с позиций

диалектики взаимосвязи единичного и общего, явления и сущности, внешнего и внутреннего, абстрактного и конкретного, чувственного и рационального, эмпирического и теоретического. Полученные в статье выводы проиллюстрированы на материале ряда классических литературных текстов.

Результаты и их обсуждение. Использование символики в художественном творчестве обусловлено различными соображениями. Нередко поэты и писатели руководствуются так называемой идеологией «шлема и бронировки», сознательно скрывая подлинный смысл написанного ими (защита от цензуры, логико-психологическая игра с читателем, «эстетический нарциссизм» и др.). Но в большинстве своем художественная символизация обусловлена потребностями наглядного, предметно-образного выражения принципиально ненаблюдаемых, не поддающихся «живому созерцанию» сущностей (правда, добро, красота, справедливость, долг, любовь, совесть и иные универсалии культуры). Без привлечения языка художественной символики такая задача оказывается невыполнимой.

Вначале о понятии «символ». В широком смысле слова символ (греч. *symbolon* – знак, опознавательная примета, *symballo* – соединяю, сталкиваю, сравниваю) – «понятие, фиксирующее способность материальных вещей, событий, чувственных образов выражать...идеальные содержания, отличные от их непосредственного чувственно-телесного бытия» [2]. Можно сказать еще проще: «Символ – это вещь, награжденная смыслом» [3]. При таком подходе любой символ, в том числе и художественный, можно представить в виде семиотической системы, состоящей из значащей формы, значимого содержания и логико-семантической связки между ними. В отличие от условного знака (формального символа), первичное и вторичное значение которого соотносятся чисто конвенционально, содержательный, художественно-образный символ является «связанным», мотивированным знаком. Какого бы типа он ни был (исходно-архетипическим, культурно-стереотипным или субъективно-авторским), его абстрактно-коннотативная составляющая как бы в «свернутом» виде, «виртуально» содержится в чувственно-денотативной форме. Вот почему для выявления эзотерического смысла познавательное движение надо начинать с того «конца символа», который утопает в феноменологически-бытийном «срезе» художественного текста, в чувственно-данной онтологии. Именно здесь находится надводная часть символического айсберга литературно-художественного произведения с неартикулированным смыслом.

Понятие «онтология текста» имеет ряд значений. Нас интересует одно из них: «онтологией текста» будем называть феноменологическую представленность в поэтическом или прозаическом произведении материальных вещей, их свойств, связей и отношений. Это все то, что касается явлений неживой и живой природы, результатов предметно-производственной деятельности общества (так называемых артефактов), самого человека как природного существа, то, что выражается на языке «физической лексики» («механической», «астрономической», «зоологической», «физиологической», «соматической», «хроматической», «акустической» и т.п.).

Онтологическое прочтение художественного текста связано с временным абстрагированием от мира чувств, дум и поступков действующих лиц. На первый план здесь выходит «чистое» бытие, его фактическая явленность, вещественная, пространственная и временная определенность, статическая, кинематическая или динамическая заданность [4].

При таком материалистическом подходе к тексту предполагается, что любая онтологическая деталь (как природная, так и артефакт) способна быть символически значимой, выступать в качестве языковой оболочки скрытого смыслового содержания. Подобное ожидание вполне оправдано, ибо, как свидетельствует история познания, в принципе все природные и культурные объекты могут наделяться символической функцией. Чтобы убедиться в этом, достаточно заглянуть в любой словарь символов.

Превращение материального в эффективную знаковую форму выражения идеального знаменовало переход от мифологического к художественно-реалистическому типу мышления. Смена методологической парадигмы заключалась в том, что «вместо использования человеческого образа для олицетворения явлений природы, последние становятся средством поэтического воспроизведения людских характеров и отношений» [5]. В сфере онтологических акцентов человек рассматривается не в его привилегированной замкнутости, отличности от всего остального мира, а в ряду других «тел» и предметов. Иначе говоря, не только человек предстает как «мера всех вещей», но и вещи в определенном отношении начинают выступать в качестве «меры человека».

На философско-мировоззренческом уровне подобная слитность человека и окружающего мира с различной степенью выражения постулируется в известных концепциях врожденных идей, предустановленной гармонии, монадологии, тождества бытия и мышления, материального единства мира, единства диалектики, логики и теории познания, согласованных ритмов вселенной, трансперсональной связи человека с космосом и др. Эта идея иногда осознанно, а в большинстве случаев спонтанно (следствие обостренного интуитивного чутья поэтов и писателей) широко используется как методологическая основа процессов художественной символизации. Причем в соответствии с допустимыми для эстетического освоения действительности приемами условного вымысла естественная взаимосвязь природы и человека может многократно усиливаться, а то и гипертрофироваться. В результате вещи, окружающие человека, приобретают магическую силу, наделяются витальным смыслом.

Использование той или иной символично-онтологической модели для художественного описания духовного мира личности во многом зависит от эстетических пристрастий автора и специфики его творческого почерка. Так, допустим, Л. Андреев и А. Платонов в своих многочисленных произведениях любили привлекать материальные артефакты (котлован, колокол, стена и др.) для символического проникновения в тайники человеческой души. А вот И. Бунин для этой цели обычно брал какой-нибудь природный объект или его конкретные физические свойства. В частности, возникшие у помещиков после исчезновения уютных «дворянских гнезд» чувства уныния, пессимизма, растерянности он мастерски передает на символическом языке запахов («Антоновские яблоки»).

Важным признаком возможной символичности встречающихся в художественном тексте объектов неживой и живой природы, частей человеческого тела, физиологических процессов, различных цветов, звуков, ароматов является их «онтологическая сгущенность», многократное упоминание, детализация (если это, конечно, не обычные записки писателя-натуралиста). При поиске онтологически нагруженного символа особое внимание следует обращать на частотность употребления автосемантических слов, которые выступают в качестве основного средства номинации предметов и явлений.

Установить, что испытываемый на символичность «сгущенный» онтологический концепт действительно «больше самого себя» (из-за наличия в нем замаскированного абстрактно-понятийного содержания) бывает нелегко. Ситуация осложняется тем, что практически в любом тексте есть немало похожих на символ, но качественно отличных от него художественных элементов (метафора, метонимия, синекдоха, оксюморон и др.). Во избежание путаницы следует учитывать, что а) любой троп является самодостаточной, замкнутой на саму себя художественной реальностью, символ же всегда выходит из своих «семантических берегов» и указывает на какую-то внешнюю абстрактно-понятийную сущность; б) основная функция тропов – дескриптивная и эстетическая, символа – наглядно-изобразительная и эвристическая; в) прямое, денотативное значение тропов всегда фиктивно, символа, даже в фантастической рамке, – достоверно (выявить это позволяют особые маркеры, которыми автор предусмотрительно снабжает текст). Есть и иные различия [6]. В конечном счете «антитропная» природа символа заключается в том, что в отличие от метафоры, метонимии и им подобным художественным элементам он строится не на переносе значений, а порождает смысл из самого себя при помощи контекстного окружения. Троп представляет собой динамичную, необычайно подвижную знаковую реальность, которую автор может легко изменить по своему усмотрению. Иначе обстоит дело с символом. Он в своей неопределенности в высшей степени устойчив. Подобный консерватизм символов, которые образуют семантические основы литературно-художественного произведения, является серьезным препятствием для вольного обращения с текстом в процессе его интерпретации.

Соотношение значащей и значимой частей символа аналогично природной взаимосвязи явления и сущности (одна и та же сущность может проявляться множественным способом, а одно и то же явление в состоянии репрезентировать различные сущности). Поэтому при онтологическом чтении художественного текста возможна встреча с двумя типичными гносеологическими ситуациями: а) искомое значимое может выражаться при помощи различных онтологий; б) за одним и тем же значащим могут скрываться различные символические содержания. При обнаружении семантически напряженной онтологии надо быть готовым к тому, что от нее могут исходить различные «символические лучи» (синонимия символа, доходящая порой до амбивалентности).

По своим текстообразующим функциям не все символические онтологии равноправны. Многие из них относятся к периферическим областям. Но есть и такие, которые являются своеобразным «геном сюжета» (Ю. Лотман), носят эмблемный характер. В смысловом отношении они равноценны всему тексту (подобно онтогенезу, который представляет собой сжатый во времени и пространстве филогенез). Найти такой символический узел – значит понять суть авторского замысла. Таким сюжетным, эмблемным символом является, например, сон пушкинской Татьяны. В нем закодированы все важнейшие события, о которых идет речь в романе. Ярким примером может также служить загадочный «заклад» Раскольниковова, который детально описан Достоевским: деревянная и металлическая пластинки, завернутые в бумагу и перевязанные крест-накрест тесемкой. Онтологические конструкты дерево, металл, бумага, тесемка в виде креста несут важную смысловую нагрузку, а весь «заклад» в художественном мире писателя выглядит как символическая схема и преступления, и наказания (дерево и металл – топор,

металл – похищенные драгоценности, бумага – деньги, тесемка в виде креста – тяжелые страдания, ожидающие Раскольников, и др.) [4, с. 75].

После фиксации в художественном тексте значащей онтологии (либо в лице отдельного объекта, либо их системы) начинается самый сложный процесс – проникновение в абстрактно-понятийное ядро символа. В случае «символического параллелизма», когда между элементами знаково-символической оболочки и смыслового содержания устанавливается изоморфное соответствие, логическая связка является, как правило, прямой, короткой и семантически прозрачной. Однако чаще всего явленная часть символа связана с эзотерическим содержанием через достаточно разветвленную сеть семантических трансформаций. Механизм переноса значений от исходной основы и особенности происходящих при этом семантических сдвигов определяются, в конечном счете, самим текстом. В тоже время здесь просматриваются некоторые инварианты.

В мире все связано во всем, прямо или косвенно, непосредственно или опосредованно. Это приводит к тому, что онтологически нагруженный символ как бы передает свою энергетику окружающим предметам, а также их свойствам, связям и отношениям. В итоге символические черты приобретает все то, что соприкасается с символом, а трансформация «физической» лексики обычно совершается по следующей схеме. Вначале индуцируются «онтологические» слова, близкие по смыслу базовому. Затем возникают метонимические значения, которые достаточно тесно связаны с исходной символической ситуацией (ассоциация по смежности с отношениями целое–часть, вещь–признак, структура–функция, вместилище–содержимое и др.). Наконец, появляются метафорические концепты (ассоциация по сходству или контрасту). На дальнейшей периферии оказываются те из них, которые связаны с базовой онтологией каким-то случайным, несущественным признаком. На эту линию семантического перехода от конкретного к абстрактному, от менее абстрактного – к более абстрактному накладываются другие (первично-архетипическое значение символа порождает национально-стереотипное, а последнее – индивидуально-авторское).

Расплывчатость значений символа в художественном тексте приводит к тому, что для снятия семантической неопределенности интерпретатор вынужден специально обращаться к контексту как языковому, речевому, ситуационному и иному семиотическому окружению либо всего текста, либо его отдельных частей. В случае передачи информации на формализованном языке такой необходимости не возникает. А при использовании естественных языков выделение контекста воспринимаемых слов и выражений национально-культурной личностью совершается автоматически, происходит по существу на подсознательном уровне.

С точки зрения сложности выявления все контексты независимо от формы выражения социокультурного фона (вербальные и невербальные); смыслового содержания (философские, этические, религиозные и др.); семантического объема (микротексты, охватывающие отдельные художественные элементы; макро-, включающие тексты в их непосредственной цельности; мега-, затекстовые семиотические области); соотносительности с историческим временем (синхронные, горизонтальные и диахронные, вертикальные) можно разделить на две группы: 1) эксплицитные, явные, открытые; 2) имплицитные, завуалированные, скрытые.

Для поиска эксплицитных контекстов нет необходимости выходить в затекстовую область. Они представляют собой либо некоторые завершенные в смысловом отношении фрагменты текста, либо текст как единое целое. Более сложной оказывается процедура раскодирования художественных произведений со скрытым контекстом. Универсального рецепта его выявления не существует. Но сузить сектор поиска можно. ИмPLICITный контекст-код находится, как правило, в затекстовой области, а его функции способны выполнять общая духовная атмосфера эпохи, знаменательные исторические события, особенности идиостиля, мировоззренческие позиции, нравственные идеалы, религиозные взгляды, эстетические предпочтения автора, факты личной жизни и многое другое.

В этой связи обратимся к литературному творчеству Гоголя. Полагаем, что у многих произведений Гоголя (особенно постромантического периода его творчества) есть пока что еще слабо изученный имPLICITный религиозный контекст. Начиная с 40-х годов XIX века религиозно-богословская литература становится основой его самовоспитания. Путь к собственному внутреннему совершенствованию и духовному развитию он ищет у таких известных представителей восточной церкви, как Иоанн Лествичник, Исаак Сирий, Нил Сорский, Тихон Задонский и др. Без этого контекста нельзя «постичь феномен Гоголя» [7].

Взять, к примеру, казалось бы, не имеющую больше «белых пятен», всесторонне проанализированную и филологами, и философами знаменитую гоголевскую «Шинель». При социально-политическом и, отчасти, психоаналитическом подходе эта повесть трактуется как яркий художественный символ бесправия, унижения и безволия «маленького человека». Но вот недавно итальянский ученый Чезари де Лотто [7] провел тщательное сопоставление «Шинели» с «Лествицей Райской» Иоанна Лествичника и «Уставом» Нила Сорского. В итоге обнаружилось удивительное сходство (не только духовное, но и местами почти текстуальное) этих произведений. Религиозный контекст повести позволяет найти несколько неожиданный, но вполне логичный символический смысл центрального события повести – смены ее героем старой шинели на новую. До заражения пагубной страстью приобретения новой шинели Башмачкин являлся воплощением христианского идеала простоты, отсутствия суетности, абсолютной доброты, природного аскетизма, добросовестнейшего отношения к порученному делу. Он своего рода князь Мышкин, только лишенный интеллекта: «прост нравом», но не «мудр смыслом». Возможно, это и погубило его. «Вечный титулярный советник» стал жертвой мелкого искушения, предал «устав» своей жизни, сменил христианские добродетели на пороки, опускаясь все ниже и ниже по «лестнице нравов».

По-новому в рассматриваемом контексте раскрывается и символический смысл имени героя повести. В соответствии с устоявшейся традицией считается, что оно (Акакий Акакиевич) должно подчеркивать полное ничтожество «человека-вши». Однако, Гоголь не мог не знать, что «Акакий» в переводе с древнегреческого звучит как «незловивый» («а» – не, «какий» – злой, дурной). Об этом прямо говорится и в «Лестнице», и в «Страдании святого мученика Акакия» из «Жития Святых». Такая «благородная» символика имени героя укрепляет выдвинутую версию о скрытом религиозно-христианском смысле «Шинели».

Привлечение интертекстуального контекста, в данном случае философско-мировоззренческого плана, позволяет дать новое прочтение, на первый взгляд, семантически прозрачного «Невского проспекта». В нем, как было уже подмечено [8], можно выявить теневое присутствие гегелевской «Феноменологии духа» (как известно, Гоголь глубоко изучал произведения немецкого диалектика). Проекция «Невского проспекта» на «Феноменологию духа» дает основание предположить, что забавные приключения главных действующих лиц Пискарева и Пирогова выглядят как художественная иллюстрация философской идеи, суть которой заключается в следующем: на ранних этапах становления самосознания несовершенный человеческий «здравый смысл» непрерывно попадает в ловушки разнообразных иллюзий и ошибок, особенно там, где он проявляет наибольшую активность в виде желания, хотения и вожделения [8, с. 27]. Впервые для русской мысли Гоголь поставил вопрос о возможности «эстетического аморализма». В противовес «эстетическому гуманизму» романтиков, таких, например, как Шиллер и Гофман, было показано, что под покровом прекрасного может скрываться безобразное, порочное. И, видимо, не случайно эти имена носят немецкие ремесленники, которые встретились на пути героев повести. По Гоголю, романтическое сознание находится в полной зависимости от чувственности, т.е. является рабским. Именно такой образ мышления был свойственен художнику Пискареву, который находился в плену романтических иллюзий. Напротив, его друг поручик Пирогов был властным, решительным, самостоятельным человеком, господином своей судьбы. Разумеется, такое прочтение Гоголя всего лишь предположение. Но оно представляется достаточно правдоподобным.

Заметим, что проникновением в символические основы литературно-художественного произведения с помощью контекстного высвечивания онтологического слоя текста ограничиваться нельзя. Важно помнить, что определенную символическую нагрузку в художественной литературе несут так называемых «квазисимволы» (фразеологические обороты, идиомы, собственные имена и др.). Следует также обращать внимание на звуковую символику, а также различные синестезические эффекты, которые возникают при чтении текста [9–10]. Учет этих факторов позволяет обеспечить дополнительное приращение скрытых символических смыслов.

Заключение. В состоявшемся литературно-художественном произведении всегда присутствует два органически взаимосвязанных уровня: внешний, эмпирический, чувственно-конкретный, вещно-событийный и внутренний, неосязаемый, абстрактно-понятийный, смысловой. Поверхностный слой литературно-художественного произведения выполняет функции значащей оболочки художественной символики, за которой скрываются «мерцающие» философско-мировоззренческие, духовно-нравственные, эстетические, религиозные и иные универсальные «эйдосы» культуры. Для конструктивного погружения в символические основания художественного текста важно отыскать «семантически сгущенные онтологии», которые способны стать исходной ступенькой на пути символично-смыслового освоения литературного материала с помощью различных тропических трансформаций. При этом особое внимание следует обращать на личность автора. Созданное им произведение есть отчужденное «Я» творца. Уникальный символический мир, заложенный автором в основания литературно-художественного произведения, является своеобразным защитным механизмом, пре-

дотворяющим волюнтаристское, деструктивное обращение с художественными текстами в духе постмодернистской стратегии «смерти Автора».

Литература

1. Люсый, А.П. Сквозь символы. Диалектика символизации/десимволизации как фундаментальное основание прикладной культурологии / А.П. Люсый // Вопросы философии. – М. – 2009. – № 10. – С. 48–59.
2. Радионова, С.А. Символ / С.А. Радионова // Новейший философский словарь. – Минск: Книжный дом, 2003. – С. 899.
3. Маслова, В.А. Филологический анализ поэтического текста / В.А. Маслова. – Минск: Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, 1999. – С. 77.
4. Карасев, Л.В. Онтология и поэтика / Л.В. Карасев // Вопросы философии. – 1996. – № 7. – С. 55.
5. Аверинцев, С.С. От слова к смыслу: проблемы тропогенеза / С.С. Аверинцев, Н.Г. Франк-Каменецкий, О.М. Фрейденберг. – М.: Эвоториал УРСС, 2001. – С. 79.
6. Слемнева, И.М. Художественный символ в системе тропов / И.М. Слемнева // Вести Института современных знаний. – 2001. – № 3–4. – С. 93–103.
7. Лотто, Ч. Лествица «Шинели» / Ч. Лотто // Вопросы философии. – 1993. – № 8. – С. 58–59.
8. Павлинов, С.А. «Невский проспект» Н.В. Гоголя: философские источники и символические параллели / С.А. Павлинов // Философские науки. – 1996. – № 1–4. – С. 117–132.
9. Слемнева, И. Звуковая символика поэзии / И. Слемнева // Studia wschodniosłowiańskie. – Białystok. – 2001. – Т. 1. – С. 73–87.
10. Слемнева, И. Цвет как язык поэзии / И. Слемнева // Studia wschodniosłowiańskie. – Białystok. – 2003. – Т. 3. – С. 45–63.

SUMMARY

Material-eventful ontological layer of literary fiction is a meaningful form of hidden symbolic contents. Decoding of literary symbols demands applying different contexts. The projection of a literary fiction work on the spiritual world-view of the author is of special concern.

Поступило 28.04.2010

УДК 1(09)

Сотворение «греческого чуда»

А.Б. Демидов

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Обзор трактовок и интерпретаций «греческого чуда». Критика этнопсихологического подхода. Основное изобретение эллинов – полис. Прочие новации являются производными от него. Он культивирует в людях предприимчивость, которая обеспечила социально-экономический и культурный подъем Эллады. Теоретическая наука и философия – естественный продукт развития полиса.

В современном мире усиление разнообразного обмена и взаимодействия между нациями не отменяет соревнования между ними. Чьи-либо успехи привлекают внимание других, которые не прочь перенять удачные решения, обусловившие успех. В этой статье мы попытаемся дать свою версию объяснения поразительных успехов древнегреческой цивилизации – феномена, прозванного «греческим чудом». Хотя речь пойдет не о какой-то из современных наций, осмысление причин блистательного развития древних эллинов может служить полезным уроком и для нашей современности. В связи с этим целью данной работы является выявление предпосылок образования классической греческой культуры, в частности, теоретической науки и философии.

Материал и методы. Выражение «греческое чудо» ввел в употребление Эрнест Ренан, французский филолог-востоковед, историк и писатель XIX в. Он считал, что зарождению и расцвету философии, науки, литературы, искусства в Древней Греции способствовали особенности арийских языков, в частности, древнегреческого, а именно их абстрактный и метафизический характер. Образное выражение Ренана многим пришлось по вкусу, в дальнейшем исследователи древнегреческой цивилизации охотно им пользовались, хотя предлагали разные способы его интерпретации и объяснения. Рассмотрим вкратце трактовки «греческого чуда» (в чем оно состоит и на чем оно основано), излагавшиеся в относительно недавних исследованиях начиная с середины XX в.

Результаты и их обсуждение. Ряд выразительных характеристик стремительного подъема греческой цивилизации дал английский математик и философ Бертран Рассел. Он писал: «Во всей истории нет ничего более удивительного и ничего более трудного для объяснения, чем внезапное возникновение цивилизации в Греции. <...> Чего они достигли в искусстве и литературе, известно каждому, но то, что они сделали в чисто интеллектуальной области, является даже еще более исключительным. Они изобрели математику, науку и философию...» [1]. У Рассела мы не находим строго последовательного объяснения причин греческих достижений, однако много внимания он уделил плодотворной роли конфликта, стимулирующего творческую активность, конфликта между благоразумием, с одной стороны, и страстями, «энтузиазмом», дионисийским опьянением (преимущественно духовным, а не алкогольным) – с другой. «Не

все греки, но большинство из них были людьми, буруемаемыми страстями, несчастливыми людьми, боровшимися с собой, влекомыми интеллектом по одному пути, а страстями – по другому; они были наделены воображением, чтобы постигать небо, и своевольным притязанием, творящим ад. У них было правило «золотой середины», но в действительности они были невоздержанны во всем: в чистом мышлении, в поэзии, в религии, в грехе. Именно сочетание интеллекта и страсти делало их великими...» [1, с. 53].

Вообще математики и историки математики проявили к «греческому чуду» заметный интерес. Так, Б.Л. Ван дер Варден, известный голландский математик и историк математики, в своем докладе на Оксфордском симпозиуме по истории науки усматривал суть «греческого чуда» в выдающихся научных достижениях древних греков и объяснял их особенностями греческого «духа» [2]. Видный советский математик А.Н. Колмогоров отметил принципиальную новизну мышления древних греков «в систематическом и логическом построении основ математической науки». Новый способ мышления у греков, по Колмогорову, обусловлен тем, что «появилась потребность в отчетливых математических доказательствах». Общим основанием интеллектуальных новаций стал особый характер общественной жизни эллинов: «Это изменение характера математической науки объясняется более развитой общественной, политической и культурной жизнью греческих государств, приведшей к высокому развитию диалектики, искусства спора, к привычке отстаивать свои утверждения в борьбе с противником» [3]. Освещая историю математики, воспользовалась выражением «греческое чудо» и советская исследовательница И.Г. Башмакова. Она имела в виду «совершенно новое явление – рождение науки, основанной на строгих доказательствах. Этот важнейший скачок в истории науки относится к тем же VI–V вв. до н.э., которые отмечены такими бесмертными творениями греческого гения, как создание демократического государства и появление трагедии и комедии. Каждого из них было бы достаточно, чтобы считать это время важнейшей вехой в истории человечества, а появление всех трех граничит с чудом» [4].

В трактовке французского историка и антрополога Ж.-П. Вернана суть интеллектуального переворота, совершенного древними греками, выражают три принципа: «светский и рациональный характер видения мира, понятие умопостижимого и упорядоченного космоса и геометрическая картина вселенной... В своей совокупности они определяют то новое и оригинальное, что внес греческий рационализм как по форме, так и по содержанию по сравнению с прошлыми и теми ближневосточными цивилизациями, с которыми греки могли быть знакомы» [5]. Далее Вернан отметил, что произведенная греками «интеллектуальная революция представляется столь внезапной и глубокой, что ее считали необъяснимой в терминах исторической причинности и потому говорили “о греческом чуде”» [5, с. 128]. Основанием, на котором выросло «греческое чудо», Вернан считал полис как особую форму социальной организации, созданную греками: «Становление *полиса*, рождение философии – весьма тесные связи между этими явлениями объясняют возникновение рациональной мысли, истоки которой восходят к социальным структурам и складу мышления, присущим греческому полису» [5, с. 156]. В конечном счете, «греческий разум», по Вернану, это – «дитя полиса»

[5, с. 159].

В воззрениях на «греческое чудо» известного специалиста по истории древнегреческой философии Ф.Х. Кессиди заметна некоторая эволюция. В монографии, появившейся четыре десятилетия назад, он полагал, что «хотя рационализм милетских мыслителей производит сильнейшее впечатление, однако разрыв с традиционными представлениями, совершенный ими, и возникновение нового взгляда на мир несколько не удивительны и не «чудесны», если учесть, что почва для теоретического мышления была подготовлена как социально-политическим развитием ионийских полисов, так и предшествующими взглядами на мир» [6]. Однако в одной недавней статье Кессиди указаны уже иные основания «греческого чуда». Оно представляется обусловленным психическим складом греческого народа. Объясняя перемены, происшедшие в менталитете эллинов, Кессиди высказал мнение, что у деятелей гомеровской эпохи, участников Троянской войны активность правого полушария головного мозга была выше, чем левого полушария и, соответственно, образное мышление преобладало над логическим. Позднее, в условиях античной демократии оба типа мышления получили исключительное развитие, а результатом явилось то, что Энгельс назвал «универсальной одаренностью» древних греков [7]. Таким образом, Кессиди перешел от социально-исторической трактовки оснований «греческого чуда» к психофизиологической. Правда, следует заметить, что научная верификация суждений о психофизиологической подоплеке «греческого чуда» не представляется возможной. К тому же если бы даже корреляция между активностью головного мозга и всплеском культуротворческой активности древних греков была бы эмпирически установлена, то она была бы лишь фактом, но не осмысленным объяснением феномена.

Обширное, разноплановое и интригующее исследование «греческого чуда» представлено в труде Ю.В. Андреева, которому мы уделим несколько больше внимания, чем прочим. Уже на уровне описания этого феномена автору удалось выделить черты древнегреческой цивилизации, убедительно свидетельствующие о ее неординарности, незаурядности. Андреев пишет: «“Греческое чудо”. С помощью этих двух слов авторы книг и статей, посвященных греческой цивилизации, ее зарождению и развитию, нередко пытаются выразить всю ту сложную гамму мыслей и чувств, которая связана в их сознании с этим во всех отношениях необычным историческим феноменом» [8]. «...Греческая цивилизация воспринимается как нечто и в самом деле необыкновенное, как некое чудо или, если перейти на язык строгой науки, как резкое отклонение от общих норм, как неповторимое, уникальное явление, нигде и никогда более не встречающееся в истории человечества» [8, с. 8]. К уникальным проявлениям Андреев отнес «исключительный динамизм греческой цивилизации», не имеющий аналогов в древней истории, создание принципиально нового типа цивилизации, обеспечившей условия для свободного и всестороннего раскрытия физических и духовных способностей людей. В результате, «говоря о замечательных культурных достижениях древних греков, все время приходится употреблять слово «первые»...» [8, с. 9].

Андреев критически оценил ряд известных подходов к объяснению феноменальности греческой цивилизации. Так, по его мнению, не являются вполне убедительными и достаточными объяснения, даваемые с позиций географического, геополитиче-

ского, языкового, экономического или технологического детерминизма, а также исторического материализма. Сам Андреев склонен рассматривать цивилизацию вообще как «воплощение психики этноса, его духовной жизни, его интеллекта и эмоций, его сознания и подсознания» [8, с. 6]. Каким-то особым термином он свой подход не обозначил, но, видимо, его можно охарактеризовать как этнопсихологический подход. Правда, термин «этнопсихология» имеет различные толкования. Квалифицируя объяснительную модель Ю.В. Андреева как этнопсихологическую, мы будем иметь в виду подход, согласно которому такие явления социальной жизни, как религия, право, язык, искусство, наука, быт, нравы и прочие, объясняются психологией народа, являющегося носителем коллективного разума, воли, чувств, характера, темперамента. При таком рассмотрении социальная жизнь в различных ее аспектах является как бы «эманацией народного духа». Пожалуй, позиция Андреева соответствует так толкуемой этнопсихологии. Это предположение косвенно подтверждается близкой трактовкой этнопсихологии у Л.Н. Гумилева, на которого Андреев неоднократно ссылался в своей работе. Впрочем и сам Андреев вполне определенно высказался, что «в поисках ключа к разгадке проблемы греческого свободомыслия» он обращается к этнопсихологии [8, с. 236–237].

Опираясь на этнопсихологический подход, Андреев полагал, что «греческое чудо» было создано гением греческого народа. Но гений – это всегда неожиданность, всегда отклонение от нормы, всегда счастливый случай» [8, с. 18]. Под гениальностью здесь подразумевается некая особая природная одаренность, генетически передаваемая и наследуемая. Благодаря ей «в сравнении с историей стран Древнего Востока история Греции характеризовалась гораздо большим динамизмом и большей интенсивностью всех участвовавших в ней процессов, что в значительной мере могло быть обусловлено особой энергичностью и подвижностью греческого менталитета или ярко выраженной избыточностью всего комплекса составляющих его духовных сил (сверходаренностью греков)» [8, с. 337]. При таком ходе мысли причины социально-культурного подъема древних греков, а также «предпосылки упадка и гибели их цивилизации следует искать в сфере не столько экономики или политики, сколько этнопсихологии. Факторы внешнего, объективного характера могли лишь ускорить или замедлить спонтанное развитие тех или иных психических состояний или процессов, типичных для греческого менталитета и заложенных в него самой природой, т.е. на чисто генетическом уровне» [8, с. 339]. Или вот еще одно суждение Андреева, подтверждающее правильность нашей квалификации его воззрений. Говоря о римлянах, что у них в отличие от греков «не было настоящего вкуса ни к занятиям наукой, ни к занятиям атлетикой», автор не преминул подчеркнуть, что «в психический склад греков обе эти склонности были заложены самой природой и генетически там закреплены» [8, с. 238].

Допустим, все дело действительно в гениальности, сверходаренности древнегреческого этноса. Но она-то откуда взялась? Не пытался ли Андреев объяснить загадочное явление ссылкой на еще более загадочное. Если справиться у Л.Н. Гумилева, откуда берутся уникальные особенности психического склада определенного этноса, то найдем у него достаточно определенное суждение: «...разница этнопсихологических стереотипов определяется климатом, рельефом, флорой и фауной этнических месторазви-

тий...» [9]. Правда, здесь вызывает недоумение, почему «этнопсихологические стереотипы» обуславливаются только чисто природными факторами, а факторы социальные, культурные, создаваемые людьми как общественными существами, игнорируются. Разве взаимоотношения людей с людьми и их творениями, социальными институтами менее значимы, чем взаимоотношения людей с чисто природными вещами?

Андреев в отличие от Гумилева высказывался о происхождении психических особенностей этноса неоднозначно. В одних случаях, как показано выше, гениальная «сверходаренность» греков – это просто природный дар, невесть откуда берущийся, случайное «отклонение от нормы». Но в ряде других случаев Андреев указывает на факторы не природные, а создаваемые самими людьми и определяющие их «этнопсихологию». Показательны в этом отношении размышления Андреева о том, почему в VII–VI вв. до н.э. происходил «пассионарный подъем» эллинской цивилизации, а в IV в. до н.э. – «пассионарный перегрев и надлом». Оказывается, все дело в иллюзиях, которыми обольщали себя эллины: «Именно иллюзии такого рода поддерживают человека или этнос, как говорится, «на плаву» в течение большей и лучшей части его жизненного пути» [8, с. 361]. Видимо, суждения Андреева о вдохновляющей роли иллюзий навеяны фикционализмом Ф. Ницше, различавшего иллюзии вредные и полезные. У Андреева речь идет об иллюзии греков насчет своей героической миссии: «На протяжении долгого времени греки свято верили в то, что их маленькие полисные общины продолжают дело, некогда начатое поколением героев, и выполняют великую историческую миссию, непрерывно вступая в борьбу с обступающими их силами довременного хаоса во имя торжества мирового божественного закона и гармонии. <...> Именно вера в свою кровную связь с поколением героев и стремление во всем быть достойными своих великих предков заставляли греков и особенно лучших из них — представителей старинных аристократических родов – смирать и обуздывать свои личные амбиции во имя объединявшего их всех общего дела – обеспечения безопасности и процветания их гражданских общин. Индивидуализм, укрощенный и облагороженный героическим самообладанием воина-гоплита или атлета-победителя на играх, стал духовной основой греческого полиса. Его перерождение, вызванное общей усталостью греческого духа, повлекло за собой упадок города-государства» [8, с. 361]. Далее речь идет о том, что «великая греческая иллюзия» стала рассеиваться в немалой степени из-за Пелопоннесской войны: чарующая поэзия уступила место трезвой прозе, высокая трагедия – риторике. Интерпретируя эти явления, Андреев опять-таки подчеркнул, что кризисные изменения произошли «не столько в экономике или социальных отношениях, сколько в душах людей» [8, с. 362]. Как бы то ни было, здесь отчетливо видно, что «пассионарный подъем» и «упадок» Андреев обуславливает уже не игрой природных сил и случайностей, а действиями людей и плодами этих действий. Ведь гомеровский героический эпос, составивший сердцевину иллюзии, воодушевлявшей греков, – это уж никак не природный фактор, стихийно возникающий и генетически наследуемый.

Завершая этот небольшой, не претендующий на исчерпывающую полноту обзор воззрений на «греческое чудо», следует упомянуть еще одного автора, который вопреки распространеннейшей традиции заявил, что «греческого чуда» не существует. С таким

утверждением выступил Андре Боннар, швейцарский филолог-эллинист. Апелляция к чуду ничего не объясняет, лишь подменяет объяснение. «...Греческий народ был совершенно таким же народом, как и всякий другой, первобытнейшим из первобытных. Его цивилизация распускалась и взращивалась на том же черноземе суеверий и мерзостей, на котором выросли все народы мира, – в этом нет никакого чуда, но сказывается влияние некоторых благоприятных обстоятельств и тех изобретений, появление которых было вызвано повседневным трудом и нуждами самого греческого народа. Именно этот примитивный, легковверный и жестокий народ изобрел одновременно и как бы в едином порыве... цивилизацию – нашу с вами цивилизацию» [10].

В самом деле, не какой-то чудесный икс-фактор сформировал древнегреческую цивилизацию классической эпохи, а люди, стремившиеся найти разрешение своих проблем и противоречий, как ближайших, повседневных, так и перспективных. Но таково стремление всех человеческих индивидов и общностей во все времена. Почему же особо выделились именно эллины? Ближайший ответ лежит на поверхности: древние греки были особенно деятельны, предприимчивы, изобретательны. Они искали и находили решения своих задач, чтобы от них переходить к задачам более высоких уровней. Но разве другие народы не могли прогрессировать подобным же образом? Для этого сначала нужно было преодолеть ограничения, налагаемые на индивидов обществом родоплеменного типа. То есть должны были возникнуть общества, в состав которых включаются роды и племена, связанные и упорядоченные не узами родства, а порядками, устанавливаемыми институтом, стоящим над родственными и клановыми отношениями, – государством. В сфере государственной жизни порядок взаимоотношений между индивидами лежит «по ту сторону» родства, человек человеку здесь не родня, а абстракция, с которой нужно обращаться не «по любви», а «по понятиям». В странах Востока сверхродовые общности возникали обычно путем захвата и покорения инородцев. Здесь государства и государи культивировали у своих подданных покорность начальственной воле и исполнительность. В Элладе вышло иначе. Во II тысячелетии до н.э. расцвели и потерпели крушение Критское и ахейские царства, «дворцовые культуры». После этого наступили так называемые «темные века», когда люди, сравнительно развитые и уже приподнятые былыми государствами над родовыми порядками, не имели «всемогущего» владыки. Специфический ландшафт Греции послужил защитой от внешних завоевателей. В условиях относительного безвластия людям пришлось самим, по своему разумению, без воли повелителя, земного или небесного, выработать договоренности и соглашения, регулирующие совместное существование. Так – преимущественно посредством договоров и синойкизма (объединения поселений) – сформировались полисы, общества людей, населяющих несколько расположенных неподалеку друг от друга селений, одно из которых является центром. В полисах обычно имелось гражданское самоуправление. Поскольку государственную власть осуществляли сообща сами граждане полиса, постольку древние греки и даже их лучшие умы, философы, так и не научились различать понятия общества и государства, ведь государство здесь не противостояло очевидным образом обществу. Ни государства, ни религия эллинов не представляли собой внешнюю силу, перед которой надо было бы раболепствовать.

Таким образом, общественно-государственный строй, изобретенный греками, давал гражданам существенно большую свободу по сравнению с государствами Востока. Индивидам при различных социальных условиях обычно свойственно стремление к самоутверждению. Но подданные монарха утверждают свой статус и достоинство послушанием его воле, соревнуясь в исполнительности. Напротив, граждане полиса утверждают свое достоинство посредством соревнования в предприимчивости во всех сферах деятельности, где можно достичь успеха и стяжать славу. Таким образом, античный полис культивировал в гражданах не столько исполнительность, сколько предприимчивость, ограниченную законом, а не начальственной волей, а отсюда и проистекает всем известная активность, состязательность и изобретательность древних греков, которая нашла выражение в высоких достижениях культуры. Главное – греки изобрели полис как тип социальной системы, коллективно управляемой гражданами, а все прочие «чудеса» вроде теоретической науки, философии, искусства явились сопутствующими продуктами, естественными отправлениями жизнедеятельности полиса.

Из всего вышесказанного можно заключить, что осмысление и разгадка «секретов» высоких достижений пусть и древней цивилизации имеет не только теоретико-познавательный интерес, но способно помочь в выборе наилучших направлений в реформировании общественной жизни современных наций – а нас интересует прежде всего свое Отечество. Динамичное развитие и процветание общества обеспечивается активностью, деловыми и творческими способностями членов общества, а эти качества не являются подарком природы или каких-то мистических сил; мы можем целенаправленно культивировать эти качества, стимулируя предприимчивость, разумно корректируя условия социальной жизни.

Л и т е р а т у р а

1. Рассел, Б. История западной философии: в 3 кн. / Б. Рассел. – 3-е изд., испр.; подгот. текста В.В. Целищева. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во; Изд-во Новосиб. ун-та, 2001. – С. 33.
2. Van der Waerden, B.L. Basic Ideas and Methods of Babylonian and Greek Astronomy / B.L. Van der Waerden // *Scientific Change: Historical Studies in the Intellectual, Social, and Technical Conditions for Scientific Discovery and Technical Invention, from Antiquity to the Present.* – N. Y., 1963. – P. 42–60.
3. Колмогоров, А.Н. Математика / А.Н. Колмогоров // Большая советская энциклопедия. – 2-е изд. – М.: Большая советская энциклопедия, 1954. – Т. 26. – С. 467.
4. История математики с древнейших времен до начала XIX столетия / под ред. А.П. Юшкевича. С древнейших времен до начала Нового времени. – М.: Наука, 1970. – Т. 1. – С. 58.
5. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан; пер. с фр. / общ. ред. Ф.Х. Кессиди, А.П. Юшкевича; послесл. Ф.Х. Кессиди. – М.: Прогресс, 1988. – С. 13–14.
6. Кессиди, Ф.Х. От мифа к логосу (становление греческой философии) / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – С. 138–139.
7. Кессиди, Ф.Х. О «греческом чуде» и менталитете древних греков / Ф.Х. Кессиди // *Философия и общество.* – 2003. – № 1. – С. 135–143.
8. Андреев, Ю.В. Цена свободы и гармонии. Несколько штрихов к портрету греческой цивилизации / Ю.В. Андреев. – СПб.: Алетейя, 1998. – С. 7.
9. Гумилев, Л.Н. Сочинения. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев; сост. Н.В. Гумилева; [предисл., коммент. и общ. ред. А.И. Куркчи; Фонд «Мир Л.Н. Гумилева»]. – М.: Библ. информ. об-ние «Танаис»: ДИ–ДИК, 1994. – С. 430.

10. Боннар, А. Греческая цивилизация / А. Боннар; пер. с фр. О.В. Волкова; ред. В.И. Авдиева, Ф.А. Петровского; предисл. В.И. Авдиева. – Т. 1. – М.: Искусство, 1992. – С. 19–20.

S U M M A R Y

The article deals with the review of treatments and interpretations of “the Greek miracle” and the criticism of the ethnopsychological approach.

Поступило 28.04.2010

УДК 378.1.013

Понятие гармонии в философско-историческом развитии

Е.В. Кирпиченко

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Среди множества вопросов, обсуждаемых в современной философской литературе, особое внимание привлекают к себе те, которые затрагивают будущее человечества и человека, отношения общества и природы. Динамизм и сложность социокультурных процессов, быстрая смена условий современной жизни, осознание противоречивости человеческого существования вызывают необходимость обращения к тем ценностям и понятиям, которые на протяжении веков служили смысло-жизненными и мировоззренческими ориентирами. К ним относится и понятие гармонии.

Рассматривается одна из интересных проблем философского знания. Автор стремится проанализировать становление понятия «гармонии» начиная от античности и заканчивая нашей современностью.

В настоящее время мы являемся свидетелями изменений социальных идеалов и конкретного построения трансформации общественного устройства; свидетелями перехода от общества тоталитарного типа к обществу, построенному на иных, демократических основаниях. В связи с указанным изменяется и социально-духовная парадигма процесса формирования человека XXI столетия, который может пониматься только в качестве личности. Предполагается, что в создании модели современного гармонически развитого человека следует исходить из общественного понятия гармонии. С точки зрения автора, все эти обстоятельства и обуславливают актуальность работы.

Что же такое «гармония»? Каковы признаки, черты, особенности, которые позволяют отнести то или иное явление к числу гармонических? К сожалению, приходится констатировать, что вопрос о современном научном понимании гармонии остается еще открытым. Уже в далекой древности создавались учения о соответствии силы человека и его добродетели, ума и красоты. Для гармонизации взаимоотношений, формирования наиболее совершенной личности люди искали «золотое правило», эталоны, образ и стиль жизни. Находиться в непосредственном контакте с природой, с Вселенной, народом, миром и самим собой – одна из самых трудных задач гармонии, предполагающей необходимость быть носителем мира в себе. Целью работы является рассмотрение становления специфики понимания гармонии в историческом ракурсе.

На данном этапе основными задачами являются:

- исследовать понятие гармонии в философско-историческом ракурсе;
- проанализировать различные формы гармонии.

Материал и методы. Теоретическую базу данной работы составляют совокупность взглядов, положений, концепций, содержащихся в трудах представителей отечественной и зарубежной философской, эстетической, культурологической мысли, в которых раскрываются различные аспекты проблемы гармонии. Сравнительно-исторический метод позволяет выявить этапы развития этого сложного феномена от начальных представлений до современных концепций.

Результаты и их обсуждение. Фундаментальный вклад в разработку понятия гармонии внесли труды крупнейших европейских философов различных эпох – Пифагора, Платона, Аристотеля, Боэция, И. Кеплера, Г.-В. Лейбница, Г.-В.-Ф. Гегеля и др. Большую ценность представляют работы А.Ф. Лосева, которые приходятся на 60–80-е годы прошлого столетия. В философском плане гармония исследуется в работах В.Т. Мещерякова, А.Н. Деева. Среди зарубежных концепций можно выделить теорию А. Ламуша, в которой предпринята попытка соединения традиционных представлений о гармонии мира с теориями современного естествознания. Исследованию гармонии как категории, занимающей центральное место в эстетике, посвящены работы В.П. Шестакова.

Между палеолитом и античностью лежит значительный период времени, к которому относятся древнейшие мифологические и эпические произведения, где прямо или косвенно говорится о гармонии и гармоничном. Для примера можно указать на собрание древнеиндийских гимнов «Ригведа», в которых термин «рита», означающий космический миропорядок, закон, можно считать равноценным термину «гармония». «Прочны опоры риты, совершенен и прекрасен ее образ. Рите принадлежат просторы земли и небес» [1]. Наиболее развитые представления о гармонии зафиксированы в древнегреческой мифологии. Так, у Гомера термин «гармония» означает «соглашение», «мир», «согласие». Гектор хочет, чтобы боги были хранителями его «соглашения» с Ахиллом. В «Одиссее» «гармония» употребляется в самом конкретном значении: «скрепы, гвозди». Одиссей, строя корабль, сбивает его «гвоздями» и «гармониями» [1, с. 18]. В античном мифе о Гармонии, которая была дочерью Афродиты, отражены представления древних греков о гармонии как порождении двух начал: красоты–любви и борьбы–войны. Так, уже в древнем мифологическом сознании зафиксировано сущность этого понятия – соразмерное единство двух разнородных начал, равновесие, согласованность противоположных элементов. Основной смысл греческой мифологии составляет превращение хаоса в космос, который в свою очередь устроен на принципах гармонии и порядка. «Превращение хаоса в космос оказывается переходом от тьмы к свету, от воды к суше, от пустоты к веществу, бесформенного к оформленному, от разрушения к созиданию» [2].

Первыми философами, попытавшимися выработать теоретические представления о гармонии, были Пифагор и Гераклит. Взгляды философов оказались во многом сходными. Достаточно сопоставить, например, следующие высказывания: «Гармония есть смешение и сочетание противоположностей» [3] (Пифагор и пифагорейцы); «Противоречивость сближает, разнообразие порождает прекраснейшую гармонию» [4] (Гераклит). Но в вопросе, является ли гармония свойством мира в целом и каждой его части в отдельности, между взглядами Гераклита и Пифагора обнаруживается существенное различие.

Согласно Аристотелю, пифагорейцы всю Вселенную признали гармонией и числом. В учении пифагорейцев понятия гармонии и числа не равны по своему объему. Одни

из этих чисел гармоничны, а другие нет. По свидетельству Аристотеля, числа у пифагорейцев являются сложными, причем элементами числа они считают чет и нечет, и, если последние образуют единство, то в этих случаях «они видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям» [5]. Следовательно, не вся Вселенная, а только та ее часть, которая характеризуется единством чета и нечета, является, по учению пифагорейцев, гармонической. Так, к числу признаков гармонии Пифагор относил сложность, наличие противоположностей, их соразмерность, целостность как отсутствие избытка и недостатка. Гармония, согласно пифагорейцам, определяет устройство всего мироздания. По Гераклиту, понятие гармонии имеет два аспекта. С одной стороны, это совпадение одновременных событий, вещей, предметов, элементов. Тогда каждая вещь понимается наподобие лиры и лука со стрелами, возникает «натяженная», стремящаяся в разные стороны гармония. Но эту «прекраснейшую гармонию» можно понимать и во времени, когда «согласуются» между собой разновременные события и когда, следовательно, получается определенный ритм событий [6]. Пифагор и Гераклит заложили основы понимания гармонии как особой формы отношений между противоположностями, а также как противоречия особого рода между сторонами и состояниями целого. Именно специфичность противоречий, а не их отсутствие, является признаком гармонии.

Основной идеей Платона о гармонии является мысль, что гармония невидима, бессмертна, прекрасна и божественна. Она представляет собой идеал, образец, существующий над миром реальных вещей. Достижение этого образца возможно лишь тогда, когда явление, стремящееся к гармонии, находится в согласии с окружающим. Гармония у Платона возникает как единство противоположностей. Признаками гармоничности он считал соразмерность частей и целого и их согласованность. В числе средств, необходимых для достижения гармонии, Платон называл пропорцию, примером которой он полагал арифметическое равенство произведений средних чисел произведению крайних, а также ритм. В качестве возможного носителя гармонии Платон считал лишь душу, поскольку только она при определенных условиях может двигаться по направлению к своему идеалу. Платон связывал гармонию с нравственностью человека, считал гармонией всякую добродетель.

С точки зрения Аристотеля, гармония является взаимным переходом порядка и беспорядка (гармонии и дисгармонии). Он определяет гармонию через такие понятия, как порядок, симметрия, мера, середина. Середина, по Аристотелю, является средним между избытком и недостатком, и в этом смысле она является совершенством, к которому все должно стремиться. Обязательным условием гармонии Аристотель называет согласование противоположностей. «Гармония в собственном смысле слова, – полагал Аристотель, – есть сочетание величин, которым свойственны движение и положение, когда они так прилажены друг к другу, что больше уже не могут принять ничего однородного; во вторых, гармония есть соотношение частей, составляющих смесь...» [7]. В.Т. Мещеряков, излагая мысль Аристотеля, отмечал, что вещь становится гармоничной не благодаря мистической силе числа, а в силу своей собственной природы.

В период смены античности средневековьем учение о гармонии переживает кризис. «На рубеже двух эпох – дохристианского и христианского летоисчисления, – пишет В.Т. Мещеряков, – ознаменовавшемся восстанием рабов, борьбой за утверждение хри-

стианства, усилением интереса к положению человека в мире, вопрос о гармонии стал все более смыкаться с вопросом о человеческой судьбе. Но и в этих условиях интерес к гармонии как общему миропорядку... полностью все-таки не был потерян» [7, с. 22]. Так, в стоицизме понятие гармонии, с одной стороны, заменяется понятием миропорядка, а с другой – отождествляется с понятием счастья. Вместе с тем стоики, в частности, Сенека, видели смысл гармонии мира в единстве человека и природы.

В эпоху Средневековья вырабатывались новые представления о гармонии. Христианские идеологи выступили с опровержением тех античных учений, которые противоречили догмам христианства. Представление о гармоническом устройстве космоса, о мерном вращении небесных сфер, издающем вечную музыку, не соответствовало библейским взглядам на строение и происхождение мира. Поэтому раннехристианские идеологи выступают с резкой критикой этого учения. В большей степени влияние античного учения о гармонии ощутимо у Григория Нисского. Он отмечает, что гармония не лишена движения, диалектического единства и борьбы противоположностей. Так же, как и пифагорейцы, он полагает, что гармония сфер оказывает воздействие и на жизнь человека, что она отражается в его душе, как макрокосм в микрокосме. Г. Нисский пытается приспособить данное учение к принципам библейской космогонии. По его мнению, источником этой музыкальной и гармонической устроенности Вселенной является Бог. Таким образом, в античное учение о гармоническом и закономерном устройстве космоса средневековье вносит представление о божественной иерархии миропорядка, о сложной иерархии человеческого и божественного, о дуализме земного и небесного.

Наиболее последовательное развитие пифагорейские идеи получили в трудах Боэция. Начальной мыслью его «Арифметики» является утверждение, что мир создан Богом по модели идеального числа, которое изначально присутствует в божественном разуме. Космос получил математическую структуру, и его развитие подчинилось гармоническому ритму (числу). Числу подчинены движения небесных светил, смена времен года. Числа – это энергии и сущности вещей, они придают материи форму, то есть собственно принцип бытия. Основой чисел является единица, которая, подобно точке, порождающей все линии, сама не являясь числом образует все числа. Господствуя над числами, она господствует и над миром, делая его единым. Ближайшим порождением единицы (монады) является двоица (диада). Единица обладает определенностью и устойчивостью, двоица неопределенна и неустойчива. Поэтому единство служит началом бытия и жизни, раздвоение – начало распада и смерти. Во всех других числах преобладают либо свойства единицы (нечетные числа), либо свойства двоицы (четные числа). Из чета и нечета складывается целое мира. Мировая гармония, «музыка мира» есть «единение многого и согласие несогласного» [8]. Гармония, по Боэцию, связана также с мерой и с пропорцией. Эта теория числовой гармонии продолжила античные традиции, но доминирующим становится подход, представленный взглядами Фомы Аквинского, который трактует гармонию как следствие первопричины, т.е. Бога.

На рубеже средних веков и Возрождения Николай Кузанский попытался выразить музыкальную и мировую гармонию в абстрактных числовых отношениях. Он считал, что смысл гармонии заключается в совпадении противоположностей. Говоря о музыкальной гармонии, он отмечает, что «ни одна вещь не согласуется с другой в весе,

длине и плотности: нельзя найти гармоничную соразмерность между различными звуками флейты, колоколов, людских голосов и различных музыкальных инструментов с такой точностью, чтобы не могло быть ее еще более полной. На самом деле не существует пропорционального соотношения для различных инструментов, как его нет в различных людских голосах, но во всех них необходимо многообразие, связанное с пространством, временем, выражением и т.д. Вот почему точное соотношение обнаруживается лишь в своей основе, и мы не можем в вещах чувственных найти гармонию, сладостную до совершенства и без недостатков, ибо такой гармонии нет» [8, с. 69]. Это высказывание свидетельствует, что уже во времена Николая Кузанского представления о гармонии не «вписывались» в отвлеченную нормативную эстетическую теорию. Новое мировоззрение порождало новое понимание гармонии. Если средневековые видели в гармонии печать идеального, творческого начала божественной красоты, то в эпоху Возрождения гармония выступает прежде всего как развитие творческих потенций самой природы, как единство телесного и духовного, идеального и материального. Считалось, что природа сама производит все формы вещей, из которых наиболее идеальной и соответствующей формой является гармония. Такое понимание гармонии можно встретить у Альберти, Леонардо да Винчи, Дюрера и других.

В эпоху Возрождения учение о гармонии дополняется учением о пропорции. «Пропорция» трактуется не только как математическое понятие, но и как эстетическая категория, как принцип строения природы, искусства и человека. Если средневековые видели мировую гармонию в числах, то Возрождение выражает ее в геометрических фигурах. Средневековые теологи рассматривали вопрос о пропорциях, унаследованных от античного мира, как предмет чисто математического интереса, тогда как эстетика Возрождения возводит пропорцию в основной принцип измерения человека и изучения природы.

Кризис идеологии Возрождения, торжество контрреформации привели к крушению веры гуманистов в возможность гармонии между личностью и обществом, человеком и природой. В конце XVI века в эстетике барокко мысль об универсальности гармонии в мире вытесняется убеждением в том, что в мире царствуют дисгармония и диссонанс. Так, итальянский поэт Джамбаттисто Марини в трактате «Слово о музыке» выступает против пифагорейской концепции о гармонии сфер. Он иронически изображает Вселенную как хоровую капеллу, в которой ангел пел контральто, человек – тенором, множество зверей – басом, а руководил ими всеми – Бог. Однако мировая гармония, возникшая от их совместного пения, была нарушена. Первым музыкантом, который сбился с ритма, был Люцифер. Разгневанный маэстро изгнал его за это в ад и в сердцах бросил свою партитуру на землю. Эта партитура и есть наш мир, в котором дисгармония весьма успешно конкурирует с гармонией. Именно эти идеи стали отражением того миропонимания, которое проявилось в искусстве того времени. В литературе и поэзии этого времени излюблены приемы контраста, смешение трагического и комического, пародии и гротеска.

Трансформация идеи гармонии мира произошла благодаря развитию естествознания, в особенности астрономии. Сделанные Коперником открытия о структуре Вселенной, о порядке, гармоническом соотношении движения, величин орбит и времени

обращения планет изменили представления о гармонии. Его заслугой является отказ от умозрительных способов исследования явления гармонии в пользу научного подхода на основе математической логики. Под влиянием теории Коперника гармония приобретает характер установившегося процесса фундаментальных и внутренне упорядоченных отношений между различными динамическими подсистемами Солнечной системы. Идеи Коперника оказали огромное влияние на воззрения Дж. Бруно. В основе понимания гармонии у Бруно лежит принцип единства многообразия (противоположностей), который включает единство формы и материи, конечного и бесконечного, части и целого. Исходя из выдвинутого им принципа единой мировой субстанции, Бруно утверждал, что между всеми конечными частями, входящими в бесконечный мир, непременно имеется соответствие, чем и обуславливается совершенство и гармоничность мира.

Новый научный подход к пониманию гармонии представил Кеплер. Особенностью этого подхода было стремление отыскать ту универсальную характеристику, которая была бы критерием гармоничности. Поэтому основной задачей своей «Гармонии мира» Кеплер ставил обнаружение «ключа к строению Вселенной, сверхпринципа, позволяющего единым взглядом охватить все богатство явлений, обосновать общность всех членов солнечной системы» [9]. Придерживавшийся еще пифагорейских традиций во взглядах на гармонию, Кеплер стремился научно доказать истинность античных представлений о гармонии мира. Однако результатом его размышлений и расчетов стал отказ от отождествления модели гармонии с шарообразностью, уверенность в наличии гармонической пропорции между планетами Солнечной системы. Таким образом, представления Кеплера о мировой гармонии, выраженные в четкой математической форме, сформулированные в виде законов, нанесли окончательный удар по «гармонии сфер» и заложили тем самым фундамент нового подхода к гармонии. Кеплер, а затем Ньютон открыли объективные законы, без которых любая трактовка гармонии могла быть лишь более или менее удачной догадкой. Только науке удалось преодолеть возникший еще в глубокой древности дуализм в поисках гармонии, который состоит в поиске гармонии непосредственно в самой действительности и создании гармонии путем творческого преобразования действительности человеком.

Исследования Кеплера были одним из последних обращений к проблеме гармонии в то время, когда она уже теряла свою актуальность. Противоречия социально-экономического развития, бурный рост научных знаний, наступление религиозной идеологии, характерные для XVII столетия, порождали чувство неустойчивости и неуравновешенности бытия. Все эти факторы подрывали оптимизм гуманистов с их верой в нерушимость гармонического устройства мира, возможность гармонии личности и общества, человека и природы.

В XVII веке Декарт в работе «Компендиум музыки» развивает идущие от эстетики Возрождения представления о гармонии как определенной математической пропорции, отражаемой в искусстве.

Лейбниц предпринял попытку возродить онтологическое понимание гармонии. В «Монадологии» он сформулировал понятие «предустановленной гармонии», согласно которому все отношения между вещами, или монадами, между душой и телом взаимно упорядочены и находятся во всеобщей универсальной связи, установленной Богом. Та-

ким образом, основной идеей его учения является понимание гармонии как некоторого состояния, заранее предопределенного Богом.

Проблемы гармонии развивали и немецкие мыслители. Они отчетливо видели, что современное им общество с его торжеством частного интереса враждебно искусству и личности и исключает те условия, при которых достижима гармония человеческих способностей. Представление о социальной и индивидуальной гармонии в немецкой классической эстетике часто было связано с идеализацией античности. Общественная жизнь античной Греции служила прообразом того состояния мира, при котором возможно существование гармонической и целостной личности. Так, И. Кант понимал гармонию как единство в многообразии и считал ее результатом эволюции самой природы. Большое значение в понимании гармонии он придавал проблеме противоречий, результатом борьбы которых становится реализация всех заложенных возможностей. Гегель рассматривает гармонию во взаимосвязи с такими понятиями, как правильность, симметрия, закономерность. Гармония предполагает наличие целостности. В ней ничего не является односторонним, а, напротив, выявляет существенную связь и целостность. Целое Гегель определяет как равновесие. Гармония предполагает согласованность, а также наличие дисгармонии. Гармония не боится противоположностей. Таким образом, Гегель признавал гармонию как объективное явление, рассматривал ее как вид отношений и утверждал, что главным моментом в понимании гармонии является проблема противоречий.

Исследование природы гармонии проводилось и русской демократической эстетикой XIX века. Революционные демократы пытались связать понятие гармонии с гуманистическим идеалом целостной личности. Тем самым Герцен указал на специфический, общественный по своему значению и происхождению, характер гармонии. Эти попытки социального обоснования гармонии ставят русскую демократическую мысль на высшую ступень развития домарксистской эстетики.

Также проблемы социальной гармонии разрабатывали такие мыслители, как Ш. Фурье, Р. Оуэн, Г.Ч. Кэри и др. Так, Фурье создал школу изучения гармонии и предпринял попытку реализовать идеи гармонии общественной жизни на практике, занимаясь пропагандой своего учения. Однако после периода творчества Ш. Фурье наблюдается спад философских представлений о гармонии. Однако гармония остается одной из центральных категорий эстетики, развиваясь преимущественно в формах эстетической, музыкальной гармонии.

В XIX–XX вв. возникают новые формы культуры, переоценка эстетических норм и общечеловеческих ценностей. В связи с этим в западной философии и эстетике поиски гармонии, ее определения, роли в современной жизни стали весьма актуальными.

Особо следует отметить работы современного французского философа Андре Ламуша, опубликовавшего в течение 1955–1967 гг. семитомную «Гармоническую теорию». Автор пытается объединить в единое целое классические философские представления о гармонии догмы средневекового богословия и достижения современной науки.

В целом античная идея о мире как едином и гармоничном не отвергается и современной наукой. А. Эйнштейн считал, что необходимой предпосылкой научного знания является признание внутренней гармонии мира. «Без веры в то, что возможно охватить реальность нашими теоретическими построениями, без веры во внутреннюю гармонию

нашего мира не могло бы быть никакой науки... Во всех наших усилиях, во всякой драматической борьбе между старыми и новыми воззрениями мы узнаем вечное стремление к познанию, непоколебимую веру в гармонию нашего мира...» [10]. Сходную мысль высказывал также В.И. Вернадский, говоря о том, что даже сугубо научный язык математики выражает присущее человеку стремление к гармонии, к идеалу совершенства, поскольку идея числового выражения как универсального языка науки, пришедшая в науку из музыки, трансформировалась из поиска гармонии звуков в искание числовых соотношений. Стремление обнаружить во множестве наблюдаемых фактов объективную гармонию как цель науки (прежде всего физики) на всем протяжении ее развития, присущее и античным натурфилософам, и современным ученым, утверждает, таким образом, понимание гармонии как проявления имманентной миру всеобщей закономерности.

Вместе с тем в современной культуре представления о гармонии существенным образом трансформируются. Если в классической европейской культуре гармония являлась нормой, и ее нарушение и поиски путей к ней составляли центральный конфликт культуры, то в эпоху модернизма гармония утрачивает прежнее значение в качестве нормы и уступает место дисгармонии. При этом дисгармония не является абсолютным отрицанием гармонии. Дисгармония как противоположность, производное гармонии понимается как «гипертрофия гармонии» [11], из которой может быть осуществлен выход как в гармонию, так и в хаос.

Постмодернизм выражается в соединении классической гармонии и модернистской дисгармонии в виде «дисгармоничной гармонии», красоты диссонансов [11, с. 195]. Так, проявляющийся в постмодернизме «интерес к классической античности, – отмечает Н.Б. Маньковская, – стимулирует поиски гармонии, совершенства, симметрии в современной художественной жизни. Вместе с тем невозможность возврата к философской основе античного мироощущения – метафизике космоса, гармонии сфер – накладывает на основные эстетические категории печать: гармония мыслится лишь как дисгармоничная, симметрия – как асимметричная, пропорции – диспропорциональные и т.д.» [11, с. 145].

Заключение. Таким образом, в истории учений о гармонии выявляются различные типы понимания данной категории. Понятие гармонии употреблялось довольно широко и многозначно, обозначая и закономерное устройство природы и космоса, и физическую и нравственную красоту человека, и принципы построения произведений искусства, и закономерности эстетического восприятия. Такая широта проблематики характеризует универсальность гармонии, ее важность и актуальность. Современный мир дисгармоничен, он находится в состоянии глобализации и постмодернизма. С точки зрения автора статьи, это дисгармоничность, отсутствие гармонии. Следовательно, одна из главных проблем гармонии – это сбросить человечество от самоуничтожающей дисгармонии, создать здоровое общество, которому по силам наилучшим образом обогащать одновременно себя и каждую личность. Именно к этой задаче необходимо обращаться на каждой стадии развития общества.

Л и т е р а т у р а

1. Адабашев, И.И. Трагедия или гармония? / И.И. Адабашев. – М.: Мысль, 1973. – С. 12.
2. Милетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.А. Милетинский. – М.: Мысль, 1976. – С. 14.

3. Антология мировой философии: Античность. – Минск: Харвест, 2001. – С. 286.
4. Михайлова, Э.Н. Ионийская философия / Э.Н. Михайлова, А.Н. Чанышев. – М.: Мысль, 1966. – С. 28.
5. Мещеряков, В.Т. Гармония и гармоническое развитие / В.Т. Мещеряков. – Л.: Наука, 1976. – С. 20.
6. Лосев, А.Ф. История эстетических категорий / А.Ф. Лосев, В.П. Шестаков. – М.: Искусство, 1965. – С. 48.
7. Мещеряков, В.Т. Развитие представлений о гармонии в домарксистской и марксистско-ленинской философии / В.Т. Мещеряков. – Л.: Наука, 1981. – С. 19.
8. Данилов, Ю.А. Иоганн Кеплер: от «мистерии» до «гармонии» / Ю.А. Данилов, Я.А. Смородинский // Успехи физических наук. – 1973. – № 1. – С. 8.
9. Кессиди Ф.Х. От мифа к логосу / Ф.Х. Кессиди. – М.: Мысль, 1972. – С. 202.
10. Деев, А.Н. Категория «гармония»: понимание и история эволюции / А.Н. Деев. – Новосибирск, 1999. – С. 142.
11. Маньковская, Н.Б. Эстетика постмодернизма / Н.Б. Маньковская. – СПб.: Алетейя, 2000. – С. 51.

SUMMARY

The article reveals one of the interesting problems of philosophical knowledge. The author strives to analyze the making of the notion "harmony" beginning from antiquity and finishing with the present time.

Поступило 19.04.2010

УДК 111.85+130.2:7

Феномен безобразного в контексте античной философско-эстетической теории

Н.А. Карпенко

Учреждение образования «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова»

Проводится историко-философская экспликация основных подходов к пониманию феномена безобразного в античной философско-эстетической теории. Рассматривается связь негативного феномена с другими эстетическими и этическими категориями. Выделяются основные содержательные признаки безобразного, которые актуализировались на разных этапах развития античной философии.

Изучение феномена прекрасного имеет давнюю историю. Этой категории посвящено большое количество научных работ, где определены ее место и ценностный статус. Являясь основополагающей категорией эстетики, прекрасное связано с нашим представлением об эстетическом идеале, о красоте природы и человека, о природе художественного творчества, о характере эстетических ценностей. Однако предмет эстетики и содержание эстетического не ограничивается лишь сферой положительных ценностей. Отношение к действительности включает в себя и моменты отрицательного переживания, которые обуславливают существование других, негативных феноменов эстетики, например, таких, как безобразное, низменное, трагическое. В философско-эстетических исследованиях категории «безобразное» не уделяется должного внимания, несмотря на то, что она является антиномической составляющей прекрасного, постоянным ее «спутником». В связи с этим изучение феномена безобразного невозможно осуществить без рассмотрения прекрасного, содержательная трактовка которых исторически обусловлена и зависит от конкретной философской концепции.

Целью данной работы является выявление статуса и содержания феномена безобразного в контексте античной философии как основы классической формы философствования. В связи с заявленной целью нами будет проведена экспликация основных подходов к анализу безобразного в античной философии. Изучен генезис представлений о безобразном, определены компоненты и модификации этого феномена, которые актуализировались на разных этапах развития античной имплицитной эстетики.

На сегодняшний день в эстетической теории безобразное традиционно определяется как антиценность, связанная с негативными переживаниями, чувством неудовольствия, отвращения. Безусловно, такое определение не раскрывает содержательной сущности феномена, исключая онтологические и гносеологические основания. Мы считаем, что истоки теоретического обоснования безобразного как эстетического феномена необходимо искать в работах античных философов. Античная философия как основа классической философии предопределила становление и особенности развития

философско-эстетической мысли, в том числе формирование основного категориального аппарата эстетики. В данном исследовании мы будем опираться на работы Платона, Аристотеля, Плотина как наиболее важные философские источники, фиксирующие ключевые идеи заявленной нами темы.

Результаты и их обсуждение. Первые представления о безобразном мы находим в древнегреческой мифологии, где безобразное выступает в виде физического феномена, персонифицируясь в чудовища, отличительной чертой в изображении которых является отсутствие меры, то есть многорукость, многоногость, отсутствие тела (Лернейская гидра, Медуза Горгона, чудовищный змей Пифон, Сцилла и др.) [1].

Отождествляя безобразное с хаосом, как подсказывает этимология самого слова безобразное – «без-образное», отсутствие образа, порядка, хаос, – греки отмечали противостояние, противоборство полярных начал Космоса и Хаоса, Прекрасного и Безобразного, Добра и Зла. Космос являл собой порядок, благо и красоту; Хаос – все неупорядоченное, безобразное, аморфное, непостижимое.

Однако, как отмечал А.Ф. Лосев, бесформенный и беспредельный Хаос понимался греками как «универсальный принцип сплошного и непрерывного, бесконечного и беспредельного становления,.. вечно творящее живое лоно для всех жизненных оформлений» [2], представляя изначальное сопричастие в едином первоначале всех возможных форм и элементов в нераздельном слитом растворенном виде.

В интерпретации М. Элиаде [3–4] докосмический Хаос, космическая Ночь, Смерть есть не что иное, как жидкая, бесформенная субстанция, все элементы которой беспорядочно смешаны, невыделяемы и соответствуют семенному, эмбрионному состоянию. С возвращения в это состояние начинается процесс (вос-)производства космогонии как жизненной целостности, что лишней раз подтверждает мысль о взаимобратимости Хаоса и Космоса. В архаическом сознании докосмический Хаос предстает и как пустота, бездна – «без-образное» – и одновременно как «до-образное», т.е. то, что предшествует образу – неоформленная всеобщая масса, потенция будущего оформленного мира – Космоса.

В контексте античной философии феномен безобразного становится предметом философского анализа и оформляется в категорию с определенным местом и содержанием. Античная философия сделала первые попытки установить взаимосвязь между эстетическими понятиями: прекрасным и безобразным, безобразным и комическим, центрируя онтологическую и гносеологическую проблематику между этическими и эстетическими: прекрасного с добрым, хорошим; безобразного со злым, дурным, низким.

Утверждая целесообразность прекрасного, Сократ определяет безобразное как не пригодное для достижения определенной цели, нецелесообразное, дурное, низкое, злое. Абсолютизация критерия целесообразности, утилитарности привела Сократа к релятивистской трактовке понятий прекрасного и безобразного, к потере ими собственно эстетической специфики. Примером служат известные диалоги Сократа с Ариппом – «прекрасна навозная корзина, а золотой щит – предмет безобразный...», с Евфидем – «полезное прекрасно для того, для чего оно полезно».

Искусство Сократ рассматривает как подражание природе. И поскольку искусство выделилось в отдельную самостоятельную область, то по содержанию своему долж-

но соответствовать жизненной целесообразности [5]. Художник должен по возможности избегать изображения безобразного, дурного и злого. Принцип утилитаризма лежит в основе созерцания картины – куда приятней смотреть на того, у кого прекрасные, благородные черты характера, чем на безобразные, низкие характеры, порождающие ненависть.

Спецификой интерпретации прекрасного и безобразного в классический период развития античной философской мысли является понимание и соотнесение этих категорий с трансцендентным началом. Основы такого подхода были заложены философией Платона, утверждающей и обосновывающей онтологический статус красоты. Красота представляется как свет, исходящий от идеи идей, т.е. блага – абсолютного начала бытия, и становится онтологическим посредником между миром идей и миром вещей, определяя идею вещи. Относительно прекрасного в диалоге «Пир» Платон заключает, что «прекрасное не рождается и не погибает, не становится ни большим, ни меньшим, ни прекрасным в одном месте, а безобразным в другом. Прекрасно то, что постоянно, а не то, что вечно меняется и гибнет» [6].

Постулируя, что прекрасное – это «идея» красоты, Платон представляет трансцендентный мир идей (эйдосов) как совокупность абсолютных и совершенных образцов возможных вещей. Эйдос понимается им как внутренняя форма, имманентный способ бытия объекта. «Совершенство эйдоса (идеи) обозначается... через семантическую фигуру неподвижности его сущности (oysia), изначально равной самой себе. Способом бытия эйдоса является его воплощаемость и воплощенность во множественных предметах, структурированных в соответствии с его образцом и потому несущих в своей структуре и форме его образ» [7]. Вещь мыслится прекрасной (совершенной) в силу соответствия своему эйдотическому образу, идее, объективация которой выступает целью становления бытия данного объекта. Безобразное же, означающее крайнюю степень отрицательных качеств бытия, в онтологическом аспекте приобретает черты, свойственные небытию.

Необходимо отметить, что понятие прекрасного Платон связывает с такими понятиями, как «согласованность» и «соразмерность». Характеризуя физическое безобразие в диалоге «Софист», Платон употребляет понятия «разногласие» и «несоразмерность». Он различает зло и безобразие как в теле, так и в душе. Если в теле зло есть болезнь, которое является «разногласием между вещами по природе сродными», то телесное безобразие – это «неприглядное во всех отношениях родом несогласованности» [8]. Телесное зло и телесное безобразие имеют своей сущностью разногласие согласного и несогласованность того, что должно быть соразмерным. В душе злом является порок, т.е. трусость, необузданность, несправедливость, а душевным безобразием – несогласованность отдельных способностей души, «великое и многообразное незнание». Следует отметить, что людское безобразие Платон рассматривает не только как несогласованность, но и как распущенность, расхлябанность, развинченность. Так, в диалоге «Протагор» [9] безобразный человек рассматривается в контексте малорослости и слабосилия, в диалоге «Горгий» [10] – как бедный, слабый и болезненный, несправедливый.

Парадоксальным является образ Сократа. Сократ прекрасен, но прекрасен он весьма оригинально. Снаружи он похож на уродливого силена, в то время как внутри

он полон самого высокого, значительного и прекрасного, что может присутствовать в человеке. То прекрасное, что представляет собой Сократ, познается в нем при помощи уродливой и безобразной внешности.

Рассматривая физическое безобразие и безобразие моральное, Платон пишет, что «добродетель – здоровье, красота и благосостояние души, а зло – болезнь, безобразие и слабость» [11]. Так как, по Платону, душа имеет свое собственное тело, не физическое, то моральное безобразие ничем не отличается от телесного безобразия. Несоразмерность и безобразие (срамota) в действиях видны на том теле, в котором дурные души предстают перед судом Радаманта [10, с. 361–362].

Так как воспитание требует от свободнорожденного античного грека бесстрашия, то молодых людей, по мнению Платона, надо подводить к страшным зрелищам, чтобы испытывать их, как и золото испытывается огнем. Природа тоже может быть безобразной и на земле, и в Аиде. Безобразие и болезни, имеющие место на камнях, земле, животных и растениях, не свойственны этим же предметам в идеальном мире [12]. Таким образом, понимая безобразное по преимуществу как разрушение эйдоса, маркирующего сущее, Платон распространяет его на все сферы действительности и подчеркивает в нем ослабленное действие идеи или ее отсутствие как основного признака небытия.

С понятиями «мера», «симметрия», «порядок» связано определение прекрасного у другого представителя античной эстетики – Аристотеля. Для него, в отличие от Платона, прекрасное – не объективная идея, а объективное качество явлений: «прекрасное – и живое существо, и всякая вещь, которая состоит из частей, – не только должно эти части иметь в порядке, но и объем должно иметь неслучайный,.. прекрасное состоит в величине и порядке» [13]. Аристотель дает структурную характеристику прекрасного и полагает, что ему присущи величина, пропорции, порядок. Нарушения (искажения) пропорции, порядка, формы представляются характеристиками безобразного.

Для Аристотеля искусство подражает бытию не ставшему, а становящемуся, говорит не о том, что было, а о том, «что может быть по возможности или необходимости». Формулируя этот тезис, философ отмечает энтелехийную основу искусства. Форма и соответственно образ вещи связаны с ее актуальным планом, т.е. с энтелехией и энергией – ставшим и становящимся, оформленным и оформляющимся. Отличие же энергии от энтелехии заключается в ее процессуальном, деятельном, активном характере, в результате чего возможность посредством энергии оформляется (претворяется) в энтелехию. Согласно аристотелевскому дискурсу, несотворимая и неуничтожимая материя представляет собой некую всеобщую первосубстанцию, субстрат любых свойств, связей и форм. Однако материя является плотью не только бесконечного множества существующих, т.е. наличествующих в готовом виде, оформленных объектов, но включает в себя и те, которые когда-либо в будущем возникнут или могли бы возникнуть, но по каким-то причинам не завершили процесс становления и в данный момент пребывают в неоформленном состоянии. Таким образом, материя есть чистая потенция (возможность) всего, до поры до времени не имеющего ни формы, ни образа. Отсюда бытие мыслится не данным в законченной форме, но как содержащим момент становления, претворяющим свои потенции.

Заслуга Аристотеля заключается в том, что в контексте своей теории мимесиса (подражания) он узаконивает место безобразного в различных видах искусства, утвер-

ждая, что не только пропорция и гармония, но и диспропорция, дисгармония может быть предметом художественного творчества. По его мнению, парадокс понимания безобразного в искусстве состоит в том, что действительно безобразный предмет может быть исполнен художником прекрасно. Причина кроется, как отмечал Аристотель, прежде всего, в потребности человека в знании, в мастерстве художника, а также в способности искусства к очищению, к катарсису; «...на что нам неприятно смотреть [в действительности], на то мы с удовольствием смотрим в самых точных изображениях, например, на облики гнуснейших животных и на трупы» [13, с. 648–649]. Таким образом, эстетическое переживание безобразного двойственно: наслаждение художественным произведением сопровождается чувством отвращения к самому предмету. А переживаемые в процессе восприятия трагедии страх и страдание захватывают всю целостность человеческого бытия, поскольку ставят его над пропастью небытия, но именно этот опыт очищает душу человека. Природа художественного мимесиса снимает отвратительную природу уродливого и делает его или эстетически нейтральным, или даже в какой-то мере привлекательным, доставляющим удовольствие.

Отводя особую роль трагедии, Аристотель в работе «Поэтика» отмечал, что трагедия всегда изображает лучших людей и должна быть подобна хорошим портретистам: делать портреты похожими и в то же время более красивыми. Что касается людей низких, то это сфера комедии, основным предметом которой является безобразное. Он определяет смешное как часть безобразного, «смешное есть некоторая ошибка и уродство, но безболезненное и безвредное» [13, с. 650], таким образом, эксплицируя связь безобразного с другими эстетическими категориями, а именно с комическим (смешным): «...смешная маска есть нечто безобразное и искаженное, но без боли», так как комедия «есть подражание [людям] худшим, хотя и не во всей их подлости» [13, с. 650]. Из приведенных высказываний Аристотеля становится очевидным, что безобразное означало лишь внешнее уродство. Не безобразное как таковое должно вызывать эстетическое отношение, а его преодоление.

На наш взгляд, особую интерпретацию прекрасного и безобразного предложил основатель философско-эстетического учения неоплатонизма – Плотин. С одной стороны, он остается в своем учении связанным с платоновским «миром идей», с другой – отказываясь от чувственного мира, стремится в мир «сверхчувственный», основным средством для которого является искусство, возносящее к истинно сущему. Это сближает неоплатоническую философию с христианством.

Безобразное, которое оказывается одним из важнейших признаков материи, он связывает, прежде всего, с бесформенностью (отсутствием формы). Исследуя механизмы становления вещи, ее образа, смысла, Плотин опирается на классический аристотелевский дискурс, в частности, использует учение Аристотеля о трех состояниях, возможных для любой вещи. Данная триада включает в свой состав потенцию как чистую, безотносительную возможность; энергию в качестве процесса осуществления тех или иных потенций вещи, как актуализацию вещи; энтелехию как нахождение в состоянии полной осуществленности, действительность.

Плотин рассматривает материю в качестве потенциально данного начала, определяя «как бы некоторым субстратом для тех или иных страдательных состояний форм и

эйдосов, которые она имеет принять на себя» (Энн. II 5, 1, 3) [14]. Отметим, что материя для Плотина, как и в классическом дискурсе, аморфна, бесформенна и безобразна. На самом деле, все сущее, т.е. нечто ставшее, – графическое изображение, статуя, литературное слово, мелодия и т.д. – возникает благодаря проникновению, прорастанию формы в бесформенную и пассивную материю путем преодоления ее аморфности.

Однако для Плотина процесс становления не только не умаляет материю и не отрицает ее значимости, но напротив, становящаяся вещь нуждается в соприсутствии своего инобытия (в противном случае стирается само понятие бытия): форма изнутри ограничивает вещь, фразу и т.д., но вокруг вещи сохраняется нечто «иное», нежели она сама. Более того, ставшая уже вещь останется сама собой лишь до тех пор, пока ее будет окружать, ограничивать извне инобытие. Следовательно, не только форма, но и материя по природе своей энергийна и является необходимым звеном в цепи становления и бытия вещи. Данную посылку А.Ф. Лосев раскрывает следующим образом: «Сущность находится в материи, и материя определяет и оформляет сущность... Действует только сущность, тем не менее принципом ее оформления в материи является материя. Только сущность обладает сущностной энергией и больше ничто; тем не менее материя есть причина сущностного оформления сущности в материи» [15].

Объективный мир не исчерпывается только зримыми образами и формами; постигая сущее, человек помимо данных телесного зрения может и должен опираться и на сверхчувственный (умозрительный) опыт. Инобытие абсолютно любой вещи есть материя (потенциально все сущее) за исключением того, что было оформлено. Образ вещи, ограниченной своим инобытием (всем тем, чем вещь не является), оказывается как бы впечатанным, вплавленным с внутренней стороны в материю. В трактате «О потенции и энергии» (Энн. II 5, 4, 3) Плотин делает вывод: «если она [материя] не есть что-нибудь из того, что в ней возникает, а это все есть сущее, то она должна быть несущим» [14, с. 313–314].

Вечно становящаяся Душа выступает как двойственность еще-не-сущего и уже-сущего, элементы которых взаимопроникают друг в друга и вызывают движение, которое есть не что иное, как постоянное возникновение единства из различия и различия из единства. Именно область еще-не-сущего, т.е. до поры до времени не ставшего, позволило античной философии, в частности, неоплатонизму, определить материю не как «*ous on*», т.е. то, чего вовсе нет и не может быть, но как «*me on*», т.е. то, что хотя и не существует, но может существовать, та чистая возможность бытия, «при помощи которого тем не менее осуществляется всякое идеальное бытие, всякая идея, всякий эйдос и всяческий теоретический мыслимый смысл той или иной вещи» [16]. Плотин отмечает, что эйдос невозможно мыслить без меона – он тем и отличается от него, что дан вместе с ним: «*[беспредельное существует только тогда], когда мы мысленно определяем [ограничиваем] вид [эйдос]*» (курсив переводчика. – Н.К.) (Энн. VI 6,3,5) [17].

Степень завершенности и цельности процесса становления и позволяет говорить о разных градациях красоты. Если становление воплощает только немногие разрозненные потенции эйдоса и не связывает их между собой, если оно не упорядочивает материю, оставляя ее бесформенной и без-образной, то возникает та вещь, которую Плотин обозначает безобразной: «все бесформенное, [однако] по природе способное принять

форму и эйдос, будучи непричастным смыслу и эйдосу, безобразно ...» (Энн. I 6). «Безобразно также и то, что еще не побеждено формой и смыслом, когда материя не поддавалась окончательному оформлению через эйдос ...» (Энн. I 6, 2, 13–18) [18]. Если же в своем становлении вещь воплощается в том виде, в каком она является сама по себе, т.е. совпадает со своей идеальной заданностью, если «эйдос, находящийся в телах, связал и победил природу, по своей бесформенности ему противоположную» (Энн. I 6, 3,5–16) [18, с. 437], то такая вещь есть нечто прекрасное.

В известной пифагорейской таблице противоположностей Плотин произвел обобщающие изменения. Первые члены (предел, нечет, единство и т.д.) были обобщены в понятие «форма», вторые члены (беспредельное, чет, множество и т.д.) объединены понятием «материя», «содержание». Плотин выдвинул положение: форма – начало прекрасного, материя – безобразного. По существу средневековая христианская традиция в определенной мере близка к этому платиновскому положению: все материальное, все телесное – греховно и безобразно, а все духовное, идеальное – благостно и прекрасно.

Заключение. Подводя итог проведенной историко-философской экспликации, необходимо отметить, что именно в античной эстетике сложились два основных подхода к интерпретации безобразного: 1) онтологический, в контексте которого безобразное выступает в значении хаоса, небытия и соотносится с понятиями космос, бытие, прекрасное; 2) этический, где безобразное рассматривается в противопоставлении с такими понятиями, как добро, благо. Был зафиксирован важный момент репрезентации безобразного в искусстве, на который обратил внимание Аристотель, связанный со способностью искусства к катарсису (очищению) и потребностью человека в познании (гносеологический аспект).

Античные философы сделали первые попытки установить взаимосвязь между эстетическими понятиями: прекрасным и безобразным, безобразным и комическим; между эстетическими и этическими: прекрасным и добрым, хорошим, безобразным и злым, плохим. Содержание понятия безобразного раскрывается через такие признаки, как нецелесообразное (Сократ), несоразмерное, несогласованное (Платон), неопределенное, безмерное, асимметричное (Аристотель), неформленное, бесформенное (Плотин). Если в эпохе архаики толкование безобразного сводилось к таким понятиям, как хаос и зло, в классический период выступало как ослабленное действие идеи (эйдоса) и ослабление принципа соразмерности, то в эстетике неоплатонизма мы наблюдаем сближение понятия безобразного с понятиями «находящегося извне», «иного», отсюда особый интерес к понятиям меона («не-сущего») и инобытия.

Сложившиеся и зафиксированные подходы к пониманию безобразного в работах античных философов предопределили интерпретацию этого феномена в последующей классической философско-эстетической теории.

Л и т е р а т у р а

1. Кун, Н.А. Легенды и мифы Древней Греции / Н.А. Кун, А.А. Нейхардт. – СПб.: Литера, 2000. – 608 с.
2. Лосев, А.Ф. Хаос // Мифы народов мира: энциклопедия / под ред. С.А. Токарева: в 2 т. – М.: Советская энциклопедия, 1982. – Т. 2. – С. 580–581.

3. Элиаде, М. Азиатская алхимия: сборник эссе / М. Элиаде. – М.: Янус-К, 1998. – 604 с.
4. Элиаде, М. Мифы. Сноведения. Мистерии / М. Элиаде. – М.: REPL-book, К, 1996. – 228 с.
5. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон / А.Ф. Лосев. – М.: АСТ, 2000. – С. 82–83.
6. Платон. Пир / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – С. 95–156.
7. Можейко, М.А. Эйдос // История философии: энциклопедия / сост. и гл. ред. А.А. Грицанов. – Минск: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2002. – С. 1299.
8. Платон. Софист / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – С. 338–340.
9. Платон. Протагор / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 206.
10. Платон. Горгий / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1968. – Т. 1. – С. 299.
11. Платон. Государство / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1971. – Т. 3, ч. 1. – С. 240.
12. Платон. Фед / Платон // Собр. соч.: в 3 т. – М.: Мысль, 1970. – Т. 2. – 611 с.
13. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Соч.: в 4 т. – М.: Мысль, 1983. – Т. 4. – С. 654.
14. Плотин. О потенции и энергии / Плотин // Лосев А.Ф. Бытие–Имя–Космос / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – С. 308.
15. Лосев, А.Ф. Бытие–Имя–Космос / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1993. – С. 193.
16. Лосев, А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1980. – С. 359.
17. Плотин. О числах / Плотин // Лосев А.Ф. Миф–Число–Сущность / А.Ф. Лосев. – М.: Мысль, 1994. – С. 875.
18. Плотин. О прекрасном / Плотин // Лосев А.Ф. История античной эстетики. Поздний эллинизм / А.Ф. Лосев. – М.: Искусство, 1980. – С. 437.

SUMMARY

This article develops historical-philosophical explication of the basic approaches to understanding of the phenomenon of ugliness in the ancient philosophical and aesthetic theory. The connection between the negative phenomenon and other aesthetic categories is in focus in it. The basic meaningful characteristics of ugliness at different stages of development of ancient philosophy are signified in the article.

Поступило 28.04.2010

УДК 111

Экзистенция и рациональность в историчной культуре

М.В. Алешкевич*, А.С. Табачков**

* Институт журналистики Белорусского государственного университета

** ГНУ «Институт философии НАН Беларуси»

Основная гипотеза, лежащая в основе данной работы, такова: экзистентный характер восприятия исторического прошлого указывает на важную особенность самой экзистенции – в условиях достаточно развитой культуры она не ограничена пространством личного существования, и выход за пределы этого личного пространства, экстатическое посещение созданных историческим познанием и другими практиками – художественной литературой прежде всего – дискурсивных мест культурного мира типичны для экзистентной активности полноценного современного человека. Экзистенция человека не ограничена только его изначально собственной экзистенцией, данная особенность может быть названа эмпатической экстатичностью экзистенции человека развитой, историчной культуры, при этом потребность в познании дискурсивных феноменов культуры объясняется тем, что человеческая экзистенция не является только индивидуальной автоинстанциацией. Таким образом, экзистенция интеллектуально развитого культурного человека является превышающей пределы индивидуальности метаэкзистенцией, и для такой экзистенции характерна трансиндивидуальная историчность.

Так сложилось, что в имеющей непосредственное отношение к тому, о чем пойдет речь в данной работе, экзистенциальной философии сама экзистентность оказалась ограничена биографически описываемым пространством, в экзистенциальной трактовке человек оказался ограничен самим собою и, кстати, именно поэтому обречен на одиночество – или защищен им, в зависимости от того, о какой экзистенциальной ситуации идет речь. К тому же достаточно сильно проявилось влияние на всю эту философскую парадигму антирационализма; данная тенденция дает о себе знать еще у предтеч течения: в противоречивой позиции Б. Паскаля и, особенно, у С. Кьеркегора, открыто предпочитавшего фидеизм познанию и имевшего сильную антипатию к Гегелю и к его философии. Эти тенденции были вполне восприняты или воссозданы вновь, в данном случае это не столь уж и важно, современными экзистенциалистами. Поэтому экзистенция ассоциировалась и продолжает ассоциироваться преимущественно с модальностями чувства и воления, ей характерно испытывать страх и ужас, проявлять заботу или решаться, но при этом она как бы не думает¹, она не вовлечена – именно как экзистенция – в рациональное познание мира, в рационалистичное со-бытие с ним.

Адрес для корреспонденции: 220100, г. Минск, ул. М. Богдановича, д. 143, кв. 12, тел.: 8(017) 334-63-41 – Алешкевич М.В.

¹ Ф.-В. фон Херрман, один из комментаторов философии М. Хайдеггера, писал следующее: «Анализ вот-бытия оставил позади себя нововременную опору на самосознание» [1].

Но экзистенция решается и решает не только сама и не только за себя, и именно поэтому ее экзистентное понимание не может ограничиваться пониманием только себя самой. Решаясь и решая, экзистенция вынуждена соотносить свои решения с решениями других, сравнивать свою и их решимость; достаточно часто такая координация является прямым подчинением или прямым управлением действиями других – и всегда любая форма такой координации с другими предполагает попытку глубокого понимания чужих решений и чужих реакций – и их рационализацию.

Цель статьи рассмотреть онтологические свойства человеческой экзистенции применительно к условиям развитой историчной культуры. Исследование сфокусировано преимущественно на анализе взаимосвязи экзистенции и рациональности.

Возможно, что Плотин был прав, когда сказал, что бытие возникло в момент первой мысли Единого о Себе Самом, но бытие стало тем бытием, которое мы знаем, бытием, которое вообще можно знать, в момент второй, альтернативной мысли Единого, только с этого момента теперь уже историчный и интерпретирующий мир начинает привычное нам движение. Поэтому если уж и идти вслед за Плотинем и пытаться определять начала через онтологизированные численные соотношения, то говорить скорее нужно не о двоице, но о некоей бытийной троице, момент первичного генезиса которой знаменует начало способного к дальнейшему развитию рационалистичного бытия. Именно вторая, «излишняя», бытийная мысль начинает великую игру рационализации, начинает и потом всегда выигрывает, никогда не соглашаясь на ничью абсолютной адекватности бытия и мысли. Сама ее избыточность вырывает бытие из тупика обоюдного симметричного гипостаза, она – импульс избытка мышления, стартующий всю последующую экономию смыслов. И для этой бытийной троичности можно при желании подобрать много убедительных примеров инстанцииции – от очевидной здесь Божественной Троицы христианства, где ипостаси Бога служат цели их взаимоотношения, до трех модальностей времени.

Материал и методы. Далее мы намерены предложить вниманию читателя некоторые результаты анализа, проведенного в рамках диалектического методологического подхода и исходя из аксиоматики принципа единства исторического и логического.

Результаты и их обсуждение. Рациональность – это мощное и тотальное бытийное начало¹. Само бытие имеет равное себе «нет» небытия, но отрицание рациональности – всего лишь безумие, даже привативность которого может быть поставлена под вопрос. Рациональность беспредпосылочна в бытии любого при ее помощи конституированного мира, даже пространство и время которого определяются через ее посредство. Но бытийная активность рационализации предполагает наличие определен-

---

¹ Здесь необходимо следующее уточнение: «тем не менее, рациональность – жертва собственного бытийного могущества, ведь в существенном отношении она сама задает условия собственного существования и поэтому в принципе не может быть совершенной и окончить, завершить свое развитие. Такое завершение было бы проявлением ее бытийной несостоятельности – на некий тезис вдруг не нашлось бы антитезиса, действие мысли, вопреки ожиданию, вдруг не встретило бы противодействия и провалилось бы в пустоту безответности внезапного конца дискурсивного взаимодействия,.. в созданном при ее участии мире это проявляется в невозможности конца математики или метафизики, в бесконечности атрибутов бога и в бесконечности прогресса свободы, но главное, это проявляется в самом факте ее непрекращающегося самоистолкования, происходящего, в том числе, как интерпретация прошлого» [2].

ной формы ее реализации и, коль скоро рациональность в используемой в данном анализе онтологической концепции опосредуется только через себя, только собственным несовершенством (что значит, что по отношению к иному она имеет абсолютный характер), то форма ее реализации должна быть обязательно адекватной такому онтологическому статусу реализуемого.

Не пытаясь ни в коем случае оспорить уже выработанные традицией экзистенциализма характеристики экзистенции, мы, тем не менее, рискуем заключить, что бытийная актуализация рациональности реализуется как экзистенция. Другого первичного нередуцируемого механизма действенного осмысления и осмысленного действия просто нет в мире культуры. Экзистенция – это инстанциация рациональности, именно в этой форме осуществляется ее продвижение в бытие.

Так понимаемая экзистенция является длящимся событием смыслопорождения. И этим длящимся событием рациональность представлена на уровне конкретной реализации, на уровне реализации реальности. Однако с чем со-бытийствует экзистентно реализующаяся рациональность? Экзистенция экзистирует в мире, конституированном рациональностью, а это значит, что она со-бытийствует, прежде всего, с иными инстанциациями того же бытийного начала и созданными ими, при негативном посредстве никогда не устранимой до конца случайности¹, культурами, структурами, процессами и ситуациями существования осмысленного сущего.

Здесь, конечно, следует четко понимать, что «рациональность» столь же, если не более, абстрактное всеобщее, как и «время вообще» или «пространство как таковое». Абсолютность ее бытийного статуса абсолютна сама по себе только в логике онтологического дискурса, в реальности, в событийной реальности мира, этот статус каждый раз требует нового подтверждения, и оно возможно только в действительности конкретного экзистенциального существования и через конституирующее это существование осмысленное интенциональное действие. Экзистенция – это единичное рациональности², основная форма ее конкретного проявления в бытии; экзистенция и порождаемые ею смыслы – это единственное наличное актуальное бытие рациональности, здесь она рождается и здесь же она реализует себя посредством событийного действия. Поэтому онтологический примат рациональности как бытийного начала – это примат статистический, в событийной реальности случай или безумие могут легко свести на нет это абстрактное превосходство. Да, история – это история событийной реализации идеального, однако это история несовершенной реализации несовершенного идеального. Онти-

---

¹ Случайность достаточно мощная, но плохо поддающаяся анализу сила; ввиду выраженной несубстанциональности и даже неконститутивности, ее можно отнести к привативным бытийным проявлениям: она то, что можно с успехом сводить к минимуму, однако она и то, что полностью нельзя исключить никогда.

² Как отмечалось в одном из ранее опубликованных исследований, «сама эта старая волшебная формула диалектики – «всеобщее–особенное–единичное» лишь ограничено полезна в ситуации осмысления сложных объектов современного культурного мира. То есть, она, конечно, не ложна, но она несет в себе алгоритмы мышления, уже не отвечающие возросшим потребностям философского анализа. «Всеобщее–особенное–единичное» в своей логике суть простое распределение принадлежности, отражающее еще более простое движение объема опять-таки простого понятия – причем движения, осуществляемого в условиях идеально простого, линейного дискурса, конгруэнтного такой же, не встречающейся на самом деле в действительности, простоте предметного поля» [3].

чески, реализация рациональности проходит как вызов и как драма, реализация рациональности проходит как утверждение и защита экзистенциалов экзистенции, рациональность – как обоснованные ею вера, идеологема, дискурс или даже просто мнение – часто становится причиной смерти индивидуума, а равно и причиной его жизни – как осмысленного и направляемого рациональным целеполаганием существования. Для экзистенции как таковой ее рациональность не абстракция, это первое условие ее существования именно как экзистенции.

Подтверждение бытийного примата рациональности событийным актом ее экзистентной реализации каждый раз значит, что с бытием все еще «все в порядке», что порядок пока не уступит хаосу, а ум – безумию. Поэтому каждое такое подтверждение имеет такую большую важность, и поэтому для сохранения и интерпретации смысла этих побед – или случающихся, увы, поражений, опровержений проектов разума – собственно и существует наука истории, в этом заключается ее действительное онтологическое значение.

Экзистентный характер восприятия исторического указывает на важную особенность самой экзистенции – на то, что в условиях достаточно развитой культуры она не ограничена пространством личного существования. Более того, выход за пределы этого личного пространства и экстатическое посещение созданных историческим познанием «дискурсивных мест» внутрикультурного мира типичны для экзистентной активности полноценного человека современного общества западного типа. Экзистенция человека, соприкасающегося с историческим знанием, не ограничена только его изначально собственной экзистенцией. При этом то, что онтически характеризуется как «как будто оказался там» или как «представил себя на его/ее/их месте», в терминах онтологии может быть названо *эмпатической экстатичностью* экзистенции человека развитой, историчной культуры. Время, пространство, событие – все это обязано своим происхождением или своей бытийной определенностью рациональной экзистенции. Поэтому вполне логично, что понимание прошлого само экзистентно по своей природе.

Таким образом, потребность в познании прошлого объясняется тем, что человеческая экзистенция не является только индивидуальной автоинстанциацией. Экзистенция интеллектуально развитого культурного человека является превышающей пределы индивидуальности *метаэкзистенцией*, и для такой экзистенции характерна трансиндивидуальная историчность¹.

В предшествовании существования сущности, характерном для экзистенции, не стоит видеть некую этой сущности привацию, которая якобы подавлена здесь приматом существования; не стоит думать, что сущность при таком способе бытия это лишь некое длящееся обещание, выполняемое лишь однажды – в момент терминации существования, сущность экзистенции – не эпитафия. Сущность экзистирующей экзистенции столь же бытийственна, как и сущность любого другого существующего сущего, вся разница в том, что сущность при экзистенциальном способе бытия способна меняться под воздействием внутренней причины, сущее экзистенции является самосу-

¹ И, несколько выходя за рамки предметного поля данной работы, ей также необходима (да не сочтут нас любителями словесной эквилибристики) *транс-историчная индивидуальность* – наличием, в частности, этой потребности фундируется феномен художественной литературы как таковой.

щим, и, будучи таковым, оно способно к самоопределению. Изменение сущности экзистенции происходит в актах автоинтерпретации. Самосознание культурного человека ведь невозможно без самопонимания. Автоинтерпретация генерирует актуальную идентичность как сущность экзистенции и этим инстанцирует ее в бытии. И каждый такой акт каждый раз разделяет уже прошедшее и еще не наставшее экзистенции (например, как сепарирование «я вчера был...» и «я в будущем буду...»), эта сущностное разделение является первичным механизмом историчности; кстати, именно поэтому родственные внутриэкзистентной автоинтерпретации процедуры интерпретации и реинтерпретации являются основными способами работы со смыслами случившегося в истории, в ее познании.

Заключение. Для историчной культуры характерен новый тип духовной индивидуации экзистенции. Благодаря развитому историческому знанию человек такой культуры впервые получает возможность выбирать, чему он как духовный индивидуум хочет и не хочет наследовать. Вместо неизбежности унифицирующей общинной индивидуации человек приобретает возможность индивидуального выбора. Это означает, что «мы» свободного выбора разумного интереса приходит на смену «наши» этнической и/или религиозной предопределенности. Не будь эта терминология скомпрометирована частым использованием в достаточно антирационалистических дискурсах, можно было бы сказать, что предопределяемая ближайшим окружением оседлая метаэкзистентность сменяется при этом метаэкзистентностью номадической, свободно передвигающейся по всему пространству представленной и предоставленной историей человеческой культуры. Такое изменение является своего рода демократизацией прошлого, является безусловной эмансипацией, напоминающей то, как в свое время в «физическом» мире человек постепенно перестал быть пожизненно привязанным к своему земельному наделу или ремесленному цеху. С этим мир становится осознанно историчным и обретает свободу духовно-исторического наследования. С обретением истории меняется структура самой «социальной ткани» общества: «горизонтальные», синхронические и, по большому счету, внеисторические связи общинной идентификации дополняются «вертикальными» и уже диахроническими связями культурно-исторической идентичности, а из такого «материала» уже может получиться нация или даже интернациональная общность более высокого порядка.

Метаэкзистентность в гносеологическом плане означает возможность трансэкзистентного понимания Другого как Себя (и Себя как гипостазированного чужим сознанием Другого). Развивавшаяся под влиянием христианства, в частности, практики интерпретации богочеловеческой жизни Христа, эта способность достигает своей полной бытийной силы в великой литературе Запада – сначала в драматургии и поэзии, позднее в реалистическом и модернистском романах¹; метаэкзистентность, проявляю-

---

¹ Сам контекст литературного процесса в западной культуре образован фундаментальными усилиями самопознания человека. Поэтому интерес представляют не только (и ввиду изученности даже не столько) исследования связи события и описывающего его текста, исторического или художественного, но и исследования генетической связи репрезентированного текущим состоянием литературы момента самоидентификации человека и творимой им истории – разумеется, в том случае, если удастся избежать сведения всего к узко трактуемой психологии агентов событий минувшего.

щаяся в способности трансэкзистентного понимания, наиболее ярко и почти прямо онтологически реализуется здесь, в том числе, в форме такого феномена, как катарсис¹. Нужно оговориться, что мы не знаем, была ли способность трансэкзистентного понимания с самого начала присуща человеку, или он приобрел ее постепенно, не знаем, потому что не знаем, каково было само это начало.

Л и т е р а т у р а

1. Херрманн, Ф.-В. фон. Понятие феноменологии у Хайдеггера и Гуссерля / Ф.-В. фон Херрманн; пер. с нем. – Минск: Прописки, 2000. – С. 95.
2. Табачков, А. История как метатеория прошлого / А. Табачков. – Витебск: УО «ВГУ им. П.М. Машерова», 2008. – С. 31–32.
3. Табачков, А. Метатеоретическая репрезентация исторического прошлого / А. Табачков. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 180.
4. Hume, D. An enquiry concerning the principles of morals: a critical edition / D. Hume. – Oxford: Oxford University Press, 1976. – 392 p.

S U M M A R Y

This article considers ontological properties of the human existence with reference to the conditions of historical culture. The basic hypothesis of the work is the following: existence of intellectually developed cultural person is exceeding limits of individuality meta-existence, and trans-individual historicity is characteristic for such existence.

Поступило 28.04.2010

---

¹ На способности восприятия истории Другого как Своей Собственной основывается, возможно, сама та симпатия к добру и антипатия к его противоположности, о которой – как о основе возможности морали – говорил Д. Юм; сам он любил иллюстрировать этот свой тезис при помощи примеров восприятия именно истории [4].

СОДЕРЖАНИЕ

Филология

<i>Голубович Н.В.</i> Динамика художественной условности в прозе М.А. Булгакова ..	3
<i>Стулов Ю.В.</i> Джеймс Болдуин – Рэндалл Кенан: переключки поколений	9
<i>Злобін Л.І., Марозава Я.Н.</i> Дыялектна-літаратурныя фармальныя апазіцыі ў сістэме лексікі	15
<i>Кожынава А.А., Нікіценка Т.В.</i> Да пытання пра экспрэсіўныя сродкі выражэння негатыўнай ацэнкі ў беларускай і рускай мовах	21
<i>Мезенко А.М., Скрэбнева Т.В.</i> Женский городской антропонимикон 2-й половины XX в.: динамика, тенденции развития	28
<i>Григорик И.А.</i> Экспрессивная характеристика собирательности в русском и английском языках	35
<i>Кураш И.Я.</i> Явление интерференции в именнике старообрядцев	41
<i>Деревяго А.Н.</i> Маркированность поэтонимной лексики как семантико-функциональная реалья	46
<i>Аляксеева Т.У.</i> Жанрава-стылёвая адметнасць драматургіі Віцебшчыны	53
<i>Радзюк В.В.</i> Беларуская граматычная тэрміналогія ў вучэбных і публіцыстычных выданнях 1917–1918 гадоў	63

История

<i>Гребень Е.А.</i> Эксплуатация природных ресурсов Беларуси в период нацистской оккупации	70
<i>Шевкун П.В.</i> Эволюция религиозной политики российского абсолютизма в конце XVIII – первой четверти XIX века	76
<i>Уваров И.Ю.</i> Развитие экономических отношений в шляхетском хозяйстве на территории белорусских земель в первой половине XVI в.	84
<i>Косов А.П.</i> Эволюция российско-американских отношений в начале XXI века ...	92
<i>Буракова А.С.</i> Отражение истории партизанского движения в годы Великой Отечественной войны в экспозициях музеев Витебской области	100
<i>Нікалаева І.У.</i> Жаночы склад партызанскіх фарміраванняў Беларусі ў 1941–1944 гг.: сацыяльна-дэмаграфічная характарыстыка	106
<i>Семенова Л.Н.</i> Государственный сектор в экономике британских доминионов в XIX–XX вв.: оценки и интерпретации	113
<i>Ахмед Али Нур Сахаб.</i> Война в Ираке: основные причины и предпосылки	118
<i>Тимофеев Р.В.</i> Обеспечение социального параметра безопасности на транспорте БССР в середине 1940-х – 1980-е гг.	125

<i>Сумко А.В.</i> Роля і месца цэнзурных органаў у рэалізацыі дзяржаўнай палітыкі ў кнігавыдавецкай справе БССР з 1919 па 1929 год	135
--	-----

Философия

<i>Слемнева И.М.</i> Символ в литературно-художественном произведении: от значащей формы к скрытому смыслу	142
<i>Демидов А.Б.</i> Сотворение «греческого чуда»	149
<i>Кирпиченок Е.В.</i> Понятие гармонии в философско-историческом развитии	157
<i>Карпенко Н.А.</i> Феномен безобразного в контексте античной философско-эстетической теории	165
<i>Алешкевич М.В., Табачков А.С.</i> Экзистенция и рациональность в историчной культуре	173

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Сборник «Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» публикует выводы научных исследований, которые проводятся в Витебском государственном университете, других научных учреждениях и вузах республики, СНГ и других стран. Основным критерием целесообразности публикации являются новизна и оригинальность статьи. Научный журнал включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим, филологическим и философским наукам. Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов последнего года обучения (включая статьи, подготовленные ими в соавторстве) при условии их полного соответствия требованиям, которые предъявляются к научным издаваемым публикациям.

2. Статьи объемом не менее чем 0,35 авторского листа (14000 печатных знаков с пробелами между словами, знаками препинания, числами и др.) подаются в редакцию на белорусском, русском или английском языках. Они должны быть подготовлены в редакторе Word для Windows; используется следующий формат страницы: красная строка – 1,25 см; поля: верх – 2 см, низ – 4 см, слева – 2,5 см, справа – 2,5 см; шрифт Times New Roman размером 12 пт; межстрочный интервал – одинарный. Количество рисунков не должно превышать трех. Фотографии в печать не принимаются. В редакцию необходимо подавать 2 экземпляра распечатанной статьи.

3. Требования к оформлению статьи:

- в левом верхнем углу первой страницы статьи ставится индекс УДК, ниже по центру на русском и английском языках: названия статьи прописными буквами, инициалы и фамилия автора (авторов), название организации, в которой он (они) работает, аннотация (до 100–150 слов), шрифт Times New Roman размером 10 пт, которая должна точно передавать содержание статьи и быть пригодной для опубликования в аннотациях к журналам отдельно от статьи;

- название статьи должно отображать ее содержание, быть по возможности лаконичным, содержать ключевые слова, что позволит индексировать статью;

- содержание статьи должно состоять из логически завершенных разделов и состоять из следующих частей: введение, основная часть, заключение.

Во *введении* дается краткий обзор литературы по проблеме, указываются не решенные ранее вопросы, формулируется и обосновывается цель, подаются ссылки на работы других авторов за последние годы, а также на зарубежные публикации.

Основная часть включает описание методики, технических средств, объектов и содержания исследований, проведенных автором (авторами). Полученные результаты должны быть обсуждены с точки зрения их научной новизны и сопоставлены с соответствующими известными данными. Основная часть может делиться на подразделы с поясняемыми подзаголовками.

Иллюстрации, формулы, уравнения и сноски, встречающиеся в статье, должны быть пронумерованы в соответствии с порядком цитирования по тексту. К каждому экземпляру статьи следует приложить по одному экземпляру иллюстраций. Копии рисунков для второго экземпляра статьи должны содержать все необходимые буквенные и числовые надписи. Подписи к рисункам, схемам и таблицам печатаются через один интервал.

Горизонтальный размер рисунков, схем и таблиц не должен превышать 15 см.

В названиях таблиц и рисунков не должно быть сокращений.

В *заключении* в сжатом виде формулируются полученные результаты с указанием их новизны и возможности применения результатов исследования на практике;

- список цитируемых источников и литературы (не более чем 12 сносок) размещается в конце статьи, сноски нумеруются согласно порядку их цитирования по тексту. Порядковые номера сносок пишутся в квадратных скобках по схеме: [1], [2].

Список литературы оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ – 7. 1-2003.

Сноски на неопубликованные работы, диссертации не допускаются. Указывается полное название авторского свидетельства и депонированной рукописи, а также организация, которая предъявила рукопись к депонированию;

- резюме на английском языке (2–3 предложения), сведения об авторах (место работы, должность, ученая степень, адрес, номер телефона и адрес электронной почты).

4. К статье, подписанной автором, должна быть приложена рекомендация кафедры.

5. Соразмерность всех величин, которые используются в тексте, должна соответствовать Международной системе единиц измерения (СИ).

6. По решению редколлегии статья направляется на рецензию, затем визируется членами редколлегии. Возвращение статьи автору на доработку не означает, что она принята к печати. Доработанный вариант статьи снова рассматривается редколлегией. Датой поступления считается день получения редакцией окончательного варианта статьи.

7. Статья должна быть точно отредактирована и выверена автором. Желательно использовать общепринятые сокращения.

8. Электронная версия статьи сдается на дисках и др. или пересылается на адрес электронной почты университета (rio@vsu.by). Электронная и бумажная версии статьи должны быть идентичными.

9. Направление в редакцию ранее опубликованных или принятых к печати в других изданиях работ не допускается. Статьи принимаются только с визой руководителя и обязательно при наличии экспертного заключения о возможности опубликования материалов в печати и других средствах массовой информации.

RULES FOR AUTHORS

1. Collected volume “The Collection of Scientific Articles of Vitebsk State University” publishes the issues based on scientific research carried out at Vitebsk State University, other scientific institutions of the Republic, the CIS and other countries. The main criterion for publication is novelty and originality of an article. The journal is included in the List of scientific editions of the Republic of Belarus for publication the results of dissertations on history, philology and philosophy. Articles by PHD students doing the last year (including articles written by a group of authors) have publishing priority, if they correspond to the requirements meant for scientific issues of the journal.

2. Articles are presented in Russian, Belarusian, English in two copies no less than 0,35 of an author list (14000 printed symbols including blanks, punctuation marks, numbers, etc.), interval – 1, type – 12-point Times New Roman. It comprises the text, tables, bibliography; no more than 3 pictures if necessary. Photos are not accepted. The article is to be typed in Microsoft Word; the page format is the following: 1,25 – new paragraph; margins: top – 2, bottom – 4, left – 2,5, right – 2,5.

3. Guidelines for authors to write the article:

- the library index should be written in the top left corner of the first page, lower in the middle of the page should be written in Russian and English: the title of the article in capital composition, author’s name and surname (authors’ names and surnames), his (their) organization, summary (about 100–150 words), type – 10-point Times New Roman;

- the title of the article should reflect its contents, be laconic, and have key words to identify its index mark;

- the article should consist of three logical parts: introduction, the main part and conclusion.

The introduction gives a brief survey of the literature used, bases arguments on the aims of the work, and if necessary reflects the links with the obtained scientific and practical research. References to other authors’ works, publications of the recent years in the field of the research, including foreign ones are obligatory.

The main part includes the description of the methods, technical devices, objects and contents of the research carried out by the author (authors). The results should be discussed in terms of their scientific novelty and compared to well-known data. The main part can be divided into sections with explanatory titles.

Illustrations, formulae, equations, references used in the article should be numbered in order of their appearance in the text. One copy of illustrations should be attached to every article. Copies of illustrations for a copy of the article should contain all the required titles in words and numbers. Titles of illustrations are to be printed in one interval.

The horizontal measurements of graphics should be not more than 15 cm.

The conclusion is to contain the brief results along with the information about their novelty and the possibility of the practical application of the research results:

– the list of literature sources, including no more than 12 references, is to be placed at the end of the article; the references are to be numerated in order of their appearance in the text. The numbers of the references are to be given in square brackets according to the scheme: [1], [2].

The literature list is to correspond to the requirements of GOST–7.1.-2003.

References to the unpublished articles or theses are not permitted. The complete title of the author certificate is to be given as well as the name of the organization which submitted the manuscript for depariration;

– referat in the language of the original (100–150 words) which is to render the contents of the article exactly and to be liable for publishing in annotations to the magazines separately from the article, the summary in the English language (two or three sentences), the library index, the information about the author (employment, position, scientific degree, address, telephone number and e-mail).

4. To the article signed by the author recommendation of the chair should be attached.

5. The evaluation used in the text is to correspond to the internationally accepted System of evaluation.

6. Under the decision of the publishing committee, the article is submitted to the review and signed by the members of the publishing committee. If the article is sent to the author for improvement, it does not mean that it is accepted for publication. The improved variant of the article is again reviewed by the publishing committee. The date of the article arrival is the day when the committee receives the final variant of the article.

7. The article should be precisely edited and verified by the author. It is desirable to use the standard reductions.

8. The electronic version of the materials of the article is to be handed in together with paper one Electronic and paper versions of the article should be identical.

The electronic version is given on diskettes disks etc or is sent by e-mail (the university e-mail is rio@vsu.by).

9. The direction to the edition of earlier published works or works accepted to be printed in other editions is inadmissible. Articles are accepted only with the visa of the supervisor of studies and obligatory in the presence of the expert judgment about the possibility of publication of the materials in the press and other mass media.

Научное издание

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ УО «ВГУ им. П.М. Машерова»

Том 9

Сборник научных трудов

Редактор	А.И. Матеюн
Компьютерный дизайн	Т.Е. Сафранкова
Корректор	А.А. Дайнеко

Подписано в печать 02.06.2010. Формат 60x84¹/₈. Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Ризография.

Усл. печ. л. 20,92. Уч.-изд. л. 13,40. Тираж 75. Заказ 107.

Издатель и полиграфическое исполнение – учреждение образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

ЛИ № 02330 / 0494385 от 16.03.2009.

Отпечатано на ризографе учреждения образования

«Витебский государственный университет им. П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.